

Непрекрасная Елена

Оксана Демченко

Оксана Демченко

Непрекрасная Елена

«Издательские решения»

Демченко О.

Непрекрасная Елена / О. Демченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557685-9

Обычная внешность надежно скрывает необычные возможности, — твердила себе Елена и жила «как все». Пока не оказалась перед выбором, который вышвырнул ее из дома, лишил всего обычного. Впрочем, можно ли уплатить меньше за встречу с королевой болот или чернолесом? Шаг за шагом — от города «истинных людей». В дикое поле, где хрупкую границу дозволенного поправляют лишь законники. Пока их нет рядом, разумные — красные муравьи, черные лесники, валги великих стай и сам Алекс — сосуществуют, как умеют.

ISBN 978-5-00-557685-9

© Демченко О.

© Издательские решения

Содержание

Законник	7
Дневник наблюдателя. Запись о первых днях идентичности	14
Элена. Первое свидание	17
Дневник наблюдателя. Запись об инциденте, получившем название «кроп»	26
Город у моря	29
Дневник наблюдателя. Механизм кроп-катастрофы	40
Элена. Пульс сто пятьдесят	44
Взгляд из степи на городскую стену	64
Элена. Координаты ада	77
Дневник Наблюдателя. Цифровые реалии	90
Степь без края. Охота на ответы	92
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Непрекрасная Елена

Оксана Демченко

Корректор Борис Демченко

Иллюстратор pixabay.com Camera-man, PublicDomainPictures, ID 7089643 ID 8385

© Оксана Демченко, 2021

© pixabay.com Camera-man, PublicDomainPictures, ID 7089643 ID 8385, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0055-7685-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия прилагаю [ВИДЕО](#).

Поскольку не надо впечатывать уже сказанное, истрачу место на комментарии.

Почти всякий мир – недоброжелателен и неуютен, особенно в жанре альтернативной истории. Если рассматривать фон книги с этой точки зрения... что ж, многое прямо отсылает к родному глобусу. И, пусть география подпорчена рукотворными и природными катаклизмами, но уцелевшие территории вполне можно прорисовать на картах. То же самое с наречиями и смыслами слов.

Ответ для тех, кто заподозрил, что слова тартара автором «изогнуты» из татарских источников – да, есть такое дело. Откуда еще брать, если в истории много степи, и через степь течет великая река, название которой я даже и не «изгибала»?

Ответ для беспокойных. Нет, автор не желает зла землям, которые упомянуты в дневниках Алекса как особо пострадавшие. Ничего личного или политического. Просто поискала на просторах интернета сценарии «конца света» разной степени бредовости. Потому что Алекс черпал «точные» сведения оттуда же, из потрепанной сети...

Вопрос, который я задавала много раз вместе с Эленой, пока жила в её мире: так ли важно быть «человеком», что останется стержневым, когда привычные опоры исчезнут?

И последнее. Кто читал мою космическую историю НЗ, для тех даю ответ на вполне закономерный вопрос: да, имя «Сим» взяла неслучайно. Смысл тот самый, о котором вы однажды уже слышали. В нем и суть характера, и способ жизни.

ps

Благодарю авторов pixabay.com – ID 8385, Camera-man, PublicDomainPictures, ID 7089643, за материалы для сборки обложки, а также Илью Новикова – за дельные советы по тексту.

Законник

В сердце Синемошья нет ничего надежного, неизменного. Каждодневно обновляется рисунок троп и контур озер, возникают вроде бы безопасные полянки, чтобы вскоре сгнать без следа... И сама погода в засоленных топях на границе степи и великого леса – скорее уж непогода. Первые оттепели сразу нагоняют туман, и всё болотное лето, короткое и нежаркое, мокнет в непроглядной сырости: пот не отличить от влаги, осевшей на одежду. По осени туман остывает в изморозь, в зиму топи покрывает ложно-прочная корка льда, которую снизу вытапливает торфяной жар.

Тропы над топями, ненадежные и в лето, зимой делаются таковы, что самый опытный и сильный зверь сторонится их. Зато летом болота бурлят жизнью.

С оттепелей и до изморози воздух Синемошья заселен гуще густого. Гнус звенит зло и слитно, жабхи в ответ на любое движение вскрывают наросты на спинах и отравляют воду, ужаки вздрагивают от шума, стряхивают облако игл-шерстинок, способных дрейфовать по много часов в воздушных потоках. Эти шерстинки ничтожны – и именно из-за малости пронзают самую прочную шкуру.

Жизнь под поверхностью вод не менее активна, в заводях пузырится сине-зеленая вода, сплошь покрытая цветением... Незримые, ходят на глубине рыбины, и лучше даже не думать, каковы они на вид и на что способны, почуяв угрозу или поживу.

Болота живут своей жизнью под туманными завесами. И только изредка люди городов видят краешек их тайн – издали, с большой воды, через толстые стекла иллюминаторов. Горожане вглядываются, оставаясь в относительной безопасности – на корабле. Горожане надеются на безотказность котлов, милость погоды и опыт капитана, наизусть знакомого с лоциями.

– Да-а... живут же, – пробормотал старый капитан.

Он давно стоял на носовом выносе, похожем на драгоценный камень – ограненном стеклами по всей сфере. Такие посты впередсмотрящего появились на кораблях новой постройки: и обзор наилучший, и стекла действительно прочные.

– Кто живёт? – спросил впередсмотрящий, не отстраняясь от окуляров бинокля. – Вроде, тихо по курсу.

– Во-во... кем надо быть, чтобы выжить тут, – капитан проследил, как снаружи по стеклу медленно, словно мед, скатывается золотистая капля. Дотронулся изнутри до следа на иллюминаторе. – Яд синегуба. Прожигает кожу, всасывается в кровь и парализует. А после надолго оставляет зрение жертвы тусклым, мерцающим. Я помню... я доходил до болот. Давно, мне было... да сколько тебе теперь, наверное. Я спасовал. Плакал на холме. Думал: кем надо быть, чтоб выжить тут? Если дикари выживают, они – не люди. И я... уже тогда завидовал им.

– П-почему? – впередсмотрящий удивился, даже отстранился от бинокля.

Капитан отвернулся, словно не расслышал вопрос. Он уставился на плотно пригнанную дверь рубки и смотрел долго, сосредоточенно... Вздохнул и снова стал следить за бегущим валом воды, которую ходовое колесо паровика подгребает под нос корабля – и выбрасывает за кормой, создавая на реке кратковременный паводок... Сердцевидные листья качаются, их соцветия, размером и формой похожие на человечью голову, то выныривают, то утопают. За первой волной идет вторая, третья...

В пару и копоты, в плеске и грохоте дальний поезд поднимается по реке Мутной от скопления городов Осса к поселению Пуш – малому, но расположенному весьма удачно.

В Пуше едва ли не все дальние поезда делают остановку, там жители гостеприимны и река тиха. В Пуш – город врачей – везут больных и переселенцев. Еще Пуш без споров принимает груз на временное хранение и отдает большому миру то, чем может поделиться: лекарства, диагносты и прошедших обучение медиков. Иногда на корабль в Пуше или иных городах под-

саживаются особо уважаемые пассажиры -хранители. Эти странники однажды покинули родной город и путешествуют, желая бескорыстно делиться знаниями.

Из Пуша поезда, подобные этому, после малой стоянки поднимаются выше по течению, в Черное озеро. Конечно, если помощник капитана, ответственный за погодные прогнозы, не запретит выход на большую воду. Озерные штормы бывают ужасающими по силе и внезапности... Но именно посреди озера, на островах, обустроена в незапамятные времена база Капитанского союза: склады, жилье, боевые группы, мощный узел связи.

Часть груза через озёрную базу передают с южных поездов на северные речные, а часть – на воздушные, способные добраться даже до гор на востоке. С озерной базы забирают груз для южного союза Осы и малых приморских городов.

На обратном пути, спускаясь по рекам, поезда делают мало остановок. Им важно успеть в безопасные гавани приморья до того как на Синемошье падут обложные дожди. Ведь после настанет смутное и страшное время миграции стайного зверья... Непобедимого в лесу, на болоте или в степи. Да и стены городов тому зверью – не преграда, если случится несчастье и сменятся пути миграции.

Дикий и вольный мир огромен, яростен и непокорен людям городов. Их цивилизация – всего лишь сеть колоний в ненадежных кольцах стен... И так было, кажется, всегда. В сказки о незапамятном прошлом, когда человек самонадеянно звался царем природы, никто по-настоящему не верит. Сами хранители, толкуя историю Старого мира, сомневаются и путаются в деталях, постепенно заменяют истлевшую быль – яркой легендой, несхожей в разных городах. Ведь города выживают разрозненно, более или менее надежно общаясь только с ближайшими соседями. И сомневаясь даже в них: истинные это люди – или подделка, схожая лишь внешне?

Самая страшная и достоверная история, повторяемая и детьми, и взрослыми в городах – она о чужаках, нелюдах в человеческом обличье. Постучат такие в ворота, назовутся хранителями, позволят приветить себя на диагносте. Укажут верно имена старших в знакомом городе, или походниками – и даже покажут знак капитанского союза! Им поверят, они войдут, заночуют... и все. Утром город не отзовется в общей переключке, и никто не узнает, какую беду навлекли нелюди, почему они так поступили – нарочно или по недомыслию?

Не все города принимают пришлых, не все готовы открыть ворота даже знакомым хранителям. Слишком редко дальние поезда натягивают нить связи с соседями.

Речные поезда – это паровики и баржи. Корабли медлительны, их ход зависит от погоды, их котлы ненадежны, а лопасти колес часто ломаются.

Воздушные поезда – это шары и дирижабли, и они полностью зависимы от прихотей воздушного океана. Относительно безопасный сезон, когда ветры умеренны, исчезающе мал... Не зря говорят, что общение – роскошь.

Но люди городов хорошо помнят слово «цивилизация» и упрямо гордятся своей избранностью – знаниями предков, осколками их достояния. Города по мере сил отгородились от дикости бурного внешнего мира с его болезнями, ядами, чудовищами. Города уже не верят древней легенде о том, как постройки людей росли безгранично, как они запросто подчиняли мир вокруг, но легенду ценят и повторяют снова и снова, чтобы гордиться... и заглушать страх.

Старый капитан, стоя на палубе самого совершенного корабля своего города, не ощущал ложной гордости. Зато знал страх. Застарелый, и еще – обоюдоострый: мир за стеклами опасен, но безопасность в кольце стен давно стала клеткой. Капитан до поры перебарывал сомнения и казался людям поезда надежным, как скала. Никто не знал, что порою он беззвучно шепчет: «В последний раз». Тем более никто не знал о том, что капитан не смел сказать даже шепотом. Увы, на старости лет поздно покидать город, даже если в кольце родных стен не осталось ничего и никого, ценного для души...

Капитан вздохнул и двинулся к рубке, трогая иллюминаторы, придирчиво и привычно проверяя качество мастики на стыках.

Лето еще не клонится к закату, погода благоволит, котлы новые, команда проверенная... К тому же поезд не особо велик. Это важно, поскольку русло Мутной заилено, перекаты многочисленны, течения коварны и мощны. Река ненадежна и безбрежна – нет у нее твердых, основательных берегов. Мутная едва обозначает себя в туманном Синемошье. Всюду окрест болото, оно колышется и гудит глубинными пузырями. Найти фарватер непросто. Даже здесь, в относительно спокойных верхних болотах, где часто встречаются островки твердой почвы и приметные скалы.

Сейчас поезд движется по реке, обманчиво похожей на обычную – с берегами и стеной леса поодаль. Если бы еще почва не качалась, если бы деревья не танцевали на волнах, было бы и вовсе легко поверить в надежность ориентиров и легкий путь аж до самого озера...

– Капитан, берег как-то... прогнулся, – испуганно шепнул впередсмотрящий.

– Выправится, – пообещал капитан, не оглядываясь.

Еще раз бережно погладил полированное стекло иллюминатора. Прикрыл глаза, вслушался в теплую, живую дрожь. Чуть улыбнулся. Если бы этот корабль отцепить от прочих, он бы набрал ход! Но, увы, нельзя. Три колесника усердно трудятся, плотно поставленные цугом. Тянут баржи. Над передовым и замыкающим кораблями качаются под умеренным боковым ветром дозорные шары с наблюдателями. Теперь нет иного способа заглянуть за кроны деревьев, за поворот реки. Хотя, по слухам, уцелели где-то далеко на юге, в огненной пустыне, богатые старые города: там поддерживаются в рабочем состоянии беспилотники, там живы старики, умеющие наладить систему слежения. Пусть система сбоит через раз, зато дает огромный обзор.

С беспилотников уже теперь были бы видны ощеренные клыки переката, удушающего и без того узкий фарватер: более ста лет назад судоходный канал после подвижки грунтов не вполне удачно восстановили серией взрывов, и, увы, с тех пор не чистили и не углубляли.

Капитан помнил о близком перекате и потому вынужденно направлялся в рубку. Хотя предпочел бы весь поход проспять в каюте, пьяным до невменяемости!

Постояв у порога, капитан нажал ручку, резко выдохнул и шагнул через порог.

– Что с небес? – вслух подумал начальник поезда.

Он не обращался к капитану передового колесника прямо, хотя сидел в его ходовой рубке, занимал его кресло.

Капитан молча прошагал к навигационному столу. Погладил истрепанную карту, вроде бы собрался что-то сказать... Подушечки пальцев тронули обозначенный красным и черным перекаат – близкий, но пока спрятанный за изгибом реки. Рядом имелись значки: пламя, косой крест, оскаленная пасть. То есть угроза пожаров из-за стекающих в низины болотных газов, риск встречи с фанатиками и неведомая опасность, связанная с чудовищами. Капитан кивнул главе дозорных. Тот без слов понял знак и передал его, как сигнал. На палубе стали отмахивать флажками запрос смотровым в корзине. Скрипнули канаты, позволяя шару подняться повыше. Благо, туман сегодня мал, а облака – высоки. Потянулось томительное ожидание...

– Движение по курсу, – доложил глава дозора, в бинокль изучая мелькание флажков верхнего впередсмотрящего. – Дикари. Числом до трех сотен, и мы не видим остальных, кто может скрываться в лесу. Вооружение... отсутствует? Согласно солидарному мнению наблюдателей, племена кочуют через реку на плотах и вплавь. Есть помеха по фарватеру... что-то застряло. Нет: это, кажется, временный мост. Дозор сомневается.

– Что-то застряло, дозор сомневается, – передразнил начальник поезда, стараясь не терять показного покоя. – Ну и люди у вас, кэп. Того и гляди, выскажут рекомендации всему поезду. А то и приказ отдадут!

Капитан промолчал и нехотя убрал руку с верёвочного телеграфа. Он внятно читал мысли начпоезда на его гладком лице, лишенном морщин опыта и возраста: мол, со старым

придурком нельзя сработаться. А еще капитан видел, как растет раздражение юнца. Сейчас дошло до мысли: старик капитан – больной слабак. Пока вслух это не высказано, но начпоезда особенно бесит собственное молчание. И то, что старый капитан обозначает свое мнение по каждому важному вопросу. Хотя происходит из малого города и даже там не имеет поддержки.

– Что, кэп, струхнул? – вслух поиздевался начпоезда. – Ха! Кое-кто потеет от простого упоминания о дикарях. Не сиди я тут, в рубке, кое-кто бы уже велел сбросить ход, а то и встать на якоря. Зачем? Они – полужвери. Мы – истинные люди. На борту силовая команда со спиннерами, снаряженными на мейтара! У бойцов из Оссы лучшая на юге выучка. – Начпоезда остро глянул на капитана. – И подчиняются они только мне.

Капитан кивнул и промолчал. Он знал причину словесной бравადы. Поезд состоит не только из людей Оссы. Юнцу трудно управлять опытными походниками чужих городов, почти все старше, и смотрят как-то... с сомнением? Словно им нет дела до Оссы и до личного статуса начпоезда, входящего в многочисленный род крупнейшего из городов побережного союза.

– Течение сильнейшее, впереди пережат и узость, – нравоучительно сообщил начальник поезда. Закинул ногу на ногу и стал рассматривать свои начищенные сапоги. – Если сбросить давление в котлах, не хватит тяги. Разве я должен говорить все это? Нет, я произношу слова капитана! Ели бы у нас был настоящий капитан, о да... Но твой город, старик, ничтожен, как и ты сам. Он дал походу один колесник и двадцать тюков малоценного груза. Вас, пожалуй, вовсе не стоило включать в поход, уж точно не по заслугам ваш корабль идёт передовым. Полный ход. Приказ ясен, кэп?

– Поблизости граница черных лесников и степных красных муравьев, так они себя называют, дикари леса и степи, – нарочито ровно выговорил капитан. – В поезде не более сотни душ. Вы хоть примерно представляете, сколько сил в два-три дня соберёт любой из так называемых атаманов степи? Вы знаете скорость передвижения боевых групп красных муравьев? Вы слышали о том, что могут чёрные лесники? А еще есть чудище. Иногда оно приходит, учуяв немирье на реке. Я был вольным охотником, бродил вне стен города. Да что с вами говорить... Кругом гиблое болото, но мне проще сойти на берег, чем исполнить убийственный для поезда приказ.

Капитан говорил и знал: он старый, он устал и слова его сейчас – не те, что нужны людям. Он озвучивает страхи, а начпоезда пафосно, но ловко, поощряет гордость... Капитан знал, что проигрывает и внешне. Он грузный и одутловатый, юнец из Оссы – рослый, поджарый, мускулистый. Вдобавок – врожденная осанка жоака, без труда, по праву рождения, данная сыну хранителя крупного города.

– Я принял решение. Я капитан и это мое право. – Голос старика прозвучал устало и спокойно, а рука, обычно вялая, уверенно дотянулась до витого шнура телеграфа.

Сигнал «стоп-машина» – три коротких рывка – ушёл исполнителям. Капитан чуть помолчал и всем корпусом обернулся к начпоезда.

– Наш город мал. Может, именно поэтому мы много знаем о законе вне стен, – капитан говорил свободно и не кланялся. Хотя прежде проявлял вежливость, беседуя с начальником поезда. – Пусть дикие переправятся. Как капитан передового паровика я беру на себя это решение. Если оно не устраивает вас и поход в целом, за пережатом я сойду на берег. Но сейчас мы встанем на якоря! Так решил я, представитель Капитанского союза, неподотчетного Оссе и любым иным городам.

– Хм... бунт в поезде, – начальник метнулся к шнуру и в два рывка отменил приказ капитана. – Я водил зимние санные поезда, горные воздушные... я отвечал за ценный груз и не терял людей... Потому что знаю: в походе первичен закон поезда, он – единоначалие. Я приказываю: полный ход!

– Мы ведь их... в месиво, – хрипло выдохнул капитан.

Колесник, влекомый силой инерции, одолевал дугу речного изгиба и все более тормозился. В машинном отделении заметили противоречивость приказов и исполнили их частично: и машину не застопорили, и полного хода не дали. Паровик едва справлялся с течением, а капитан и начпоезда, тяжело дыша, упрямо прожигали друг друга взглядами... Вот впереди блеснула вода, стал внятно виден пережат. Дикари копошились на реке – отсюда они казались мелкими, как муравьи. Капитан протянул руку и обвел обобщающим жестом суету на переправе.

– Здесь постоянный путь кочевья, они наверняка из народа степи, и если...

– Выполнять! – звонко выговорил начальник. Теперь он стоял в рост и смотрел на капитана с нескрываемой злобой.

– Нет. Сейчас я остановлю машину и поговорю с людьми моего города. Затем сойду на берег, со мной уйдут те, кто пожелает. И тогда вершите безумие, – морщась и глядя мимо начальника поезда, выговорил капитан. Потянулся к рупору...

Грохот взорвал рубку! Мертвый капитан медленно, очень медленно обмяк, скорчился в луже крови...

Начпоезда усмехнулся, баюкая в ладони двустольный сигнальный пистолет. Левое дуло выплюнуло в упор заряд и чуть дымилось. Начпоезда вдыхал пороховой дым – наконец-то ощущал себя полновластным хозяином положения. Он растянул губы в имитации улыбки, обозначил свою победу: «закон поезда» преодолел старческие страхи. Нелепый бунт подавлен.

Без дрожи и суеты начпоезда взял с полки ветошь и протер брызги с сапога, с кресла. Закончив с этим делом, хозяин поезда сел, положил ногу на ногу. В ватной тишине общего шока он добыл из кармана мешочек. Высыпал из него на стол иглы и колючие шарики, принялся загонять поштучно в теплый ствол.

Тело капитана конвульсивно дергалось. Выстрел в упор почти лишил его головы.

И начисто вышиб мысли о неповиновении из всех иных голов!

Вон помощник капитана, его верный прихвостень – начпоезда искоса глянул на юнца младше себя – медленно оседает на колени, живой, но сломленный... И такой он устраивает начальника поезда – рыжий пацан с густой россыпью веснушек, из-за испуга сделавшихся зримым узором страха на серой коже.

– Полный ход, кэп, – отбросив ветошь, приказал начпоезда. – Или тоже будешь в *моём* походе давать советы и принимать решения? Так и знал, ваш колесник не стоило ставить первым. Вы предатели и слабаки.

Веснушчатая рука пацана казалась старческой, когда нащупала шнур и стала суматошно рвать, отсылая в машинное отделение то ли приказ, то ли бестолковую истерику... Снова потянулось ожидание – и вот корпус дрогнул, мелко завибрировал, наполняя колесник шумами и скрипами. Котел набирал давление, небо застил черный дым, – и никто толком не видел, что именно сообщают дозорные в корзине шара. А ведь они истошно машут флажками и руками!

Начпоезда убрал оружие в кобуру. И сам он, и сдохший из-за упрямства капитан знали: этот колёсник невозможно не поставить первым. Лучший по удельной мощности, к тому же с задним расположением колеса – он маневренный, он незаменим в узостях. Да и давление в котле, и сама конструкция... Паровик новый, такие строят, перелицевав уцелевшие знания древних, только в одном упрямом городке, который давно пора прибрать к рукам. Этим займутся люди Оссы. Теперь им станет проще.

Тело корабля лихорадило, словно и он боялся начальника поезда, словно и он исполнял приказ с рвением, желая выжить и услужить. Напряжение росло. Постепенно колесник преодолевал инерцию своего веса, течения и еще, наверное, шока в рубке...

– Они тоже... люди, – глаза рыжего пацана стали огромными. – Так нельзя.

– Они выродки. Я знаю, что делаю. У нас угля в обрез, проход узок.

Начпоезда поморщился. Он не обязан объяснять ничего и никому. Он провёл двенадцать поездов за последние семь лет. Правда, в восьми был помощником, а оставшиеся четыре – ближние морские. Они прибрежные, в благополучную пору штиля... Но сейчас начальник сделал то, чему его учили. И еще выполнял приказ, полученный от стратега Оссы. Одутловатый капитан, ныне покойный, был настоящим бедствием: гости маленького города натывались, как на риф, на нелепую привычку старика высказывать мнение без оглядки на обстоятельства. И хуже: перепроверять то, во что надо молча верить, усердно не замечая нестыковок...

Дрожь трепала колесник, как лихорадка – пышущего жаром безнадёжного больного. Плицы бешено шлёпали, загребали воду и взбивали пену. И заглушали крики. Всё ближе перекат. Дикари не уходят – то, что застряло, им бесконечно дорого. Или они слишком глупые, чтобы понять прочность стали, которой обшит корпус паровика по носу и килю?

Хруст. Начальник поезда усмехнулся. Старому капитану будет нескучно добираться на тот свет... если верить в байки древних, которые упрямо цеплялись за идею загробной жизни.

Сверху, из корзины дозорного шара, донесся переливчатый, на два тона, визг дудки и рожка. То и другое сразу! Сигнал большой беды.

Начальник поезда вскочил, шагнул вперёд, спеша увидеть, что напугало дозорных. Взгляд заметался: вот кипит суeta дикарей, вот река яростно бьется на перекате, вот качается и танцует лес... Вдруг что-то ударило по стали носового обвода.

Начпоезда резко повернул голову и увидел крупную лапу – она сжималась, сминала листы защиты, протыкала их когтями, словно сухую листву.

– Охрана... – прошептал начальник поезда.

Перехватил пистолет, взвел оба курка, вдруг забыв, что так и не закончил заряжать левый ствол.

Рыжий помощник покойного капитана икал и часто всхлипывал... Вдруг истошно взвыл, повис на руке начпоезда, завизжал в слюнявой, припадочной панике:

– Нет! Это он! Это же он! Нельзя! Это же он... Законник!

Начальник поезда отшвырнул трусливого идиота, прицелился по когтям, сосредоточенно прищурился... сглотнул и подавился хриплым стоном. То, что происходило – было невозможно!

Прочнейшее хрустальное стекло разлетелось вдребезги! Смутный, смазанный силуэт сразу обозначился в полушаге от начальника поезда. Чудище – чёрное, глянцево-мокрое – оказалось внятно видным лишь в тот единственный миг, когда позволило себя заметить!

Чудовище замерло, демонстративно-неторопливо протянуло лапу... и вырвало горло начпоезда.

Осколки разбитых стекол еще падали. Начальник поезда еще оседал на палубу, чтобы согнуться, скорчиться – словно после смерти он догадался принести извинения старому капитану...

– Это он, – последний раз выдохнул из угла, куда его отбросил начальник поезда, юный помощник покойного капитана.

Икнув, рыжий пацан на четвереньках добрался до кресла, подтянулся и упал лицом на стол, безжалостно смяв драгоценную карту. Там парень замер, раскинув руки и хрипло дыша. Наконец, нашёл силы подняться. Дотянулся и трижды дернул шнур, затем принял тот же шнур на себя, вытянул до узла и еще вверх, до второго узла – приказал остановить машину и полностью стравить пар. Слушая гул и свист, новоявленный капитан вцепился в край стола, приподнялся и осмотрел рубку, залитую кровью.

Ни следа кошмарной твари. Хотя как сказать! Закаленные, полированные стекла, все до единого – в крошево... словно разбиты в насмешку над их хваленой прочностью! У стены свалены кучей трупы: глава охраны из Оссы и два его ближних помощника. Пустые глаза

широко раскрыты, будто мертвецы и теперь недоумевают: они были вооружены, отчего же не успели ни выстрелить, ни даже поднять ладонь для рефлекторной самозащиты?

Выжившие поводят плечами, озираются. Не верят, что уцелели. Все они безоружны, никто из них даже не пытался защищаться, да и не мог бы... У барабана с канатом, которые еще недавно удерживал дозорный шар, шало трясет головой дежурный. Тоже не верит себе. Трогает волокнистый обрыв каната, в плетении которого щедро использовались стальные нити... Долг дежурного – следить за положением дозорного шара, по команде поднимать и опускать его. Сейчас шар уносит к правому берегу, к дикому лесу. Люди в корзине отчаянно голосят, машут руками...

Возле переборки в полубморочном состоянии замер хранитель знаний крупного приморского города. Он – почетный пассажир. На старости лет решил повидать мир и вот – смотрит.

– Что за тварь? – выговорил хранитель, когда дар речи вернулся к нему. Никто не ответил. Старик сел, тыча пальцем туда, где недавно мелькнуло черное чудище. – Ты знал о таком? Капитан знал?

– Зак... законник! Законник дикого поля, – выдохнул рыжий и принялся мелко перебирать руками по столу. Он двигался к собеседнику, чтобы сесть и выговориться, чтобы сгрузить с души часть страха. – Капитану никто не верил, а он – знал. Там, снаружи, есть закон. Такой вот закон! Ничуть не наш, не городской. Его нельзя нарушить. Никак нельзя. Никому...

– Что за закон?

Рыжий осмысленно огляделся, дотянулся и позвонил в колокол, приказывая всему походу встать на якоря. Сполз на пол, размазал по лицу слезы и глянул на мертвого капитана. Затем – снизу вверх – на хранителя... сглотнул, хмурясь и вспоминая вопрос.

– Закон вне города, – терпеливо повторил хранитель.

– Капитан говорил: живи и дай жить другим. Даже если не люди. Даже если не понимаешь их, не рад соседству. Пока на тебя не направили оружие, не делай такого сам. Закон. Мы не знаем весь их закон! Только самое важное... Мой капитан верил в него, в законника! – рыжий опять размазывал по щекам слезы и кровь. Переполз к труп, погладил руку мёртвого капитана, словно призвал в свидетели. Или попросил прощения. – Законник... Он есть, он пришёл. Наказал всех, кто был с оружием. Первым убил того, кто причинил смерть безоружному и дикарям. Исполнил казнь и пропал. Он – смерть неминуемая...

Рыжий скорчился, затих. Старейшина наоборот, поправил накидку и выпрямился. Некоторое время рассматривал реку и копошащихся на берегу дикарей.

– С их точки зрения мы – смерть водоплавающая, – старик растер спину, ощупал шишку на затылке. – Да-а... Мир-то изрядно велик. Что ж, хочу я того или нет, теперь я начальник поезда. Мы встали на якоря, всё правильно. Надо договориться с дикими и вернуть людей дозорного шара. Их унесло в лес? Далековато, пожалуй. Но это теперь мой поезд, и я хочу, чтобы мы добрались до места. Все, живые и мёртвые. И ещё, – старик пристально глянул на рыжего. – Мальчик, запомни сейчас и навсегда. Мы не видели тварь. Не было ничего необычного. Канат оборвался и зашиб начальника. Стёкла лопнули, бывает и так. Плохая работа, трещинки... Люди из охраны не успели отскочить и погибли. Твой старый капитан смог застопорить сорванный барабан контроля высоты шара, но надорвался и умер, как герой. Вот что случилось в рубке. Ты понял?

– А... – выдохнул рыжий.

– Ты ведь не желаешь сойти на берег, как желал покойный? – участливо спросил старик. И сам ответил: – Нет! Ты принадлежишь миру городов, мальчик. Всякий город от ужасов внешнего мира отделяет стена. То, что я сейчас сказал, тоже часть стены. Если не понимаешь, просто прими это и живи... долго.

Дневник наблюдателя. Запись о первых днях идентичности

Не представляется возможным систематизировать фрагменты данных, которыми я располагаю. По ряду причин, их укажу далее, сведения недостаточно достоверны. Остаётся изложить их «как есть» и маркировать наиболее спорные. По сути и это необязательно. Я не принял решения, стоит ли кого-то знакомить с данными, имеют ли они ценность.

Моя память не хранит информацию о первом дне нынешней идентичности. А прежняя... Александр Мейер, 27 лет, этнический немец-шваб, высшее инженерное образование, после стажировки на производстве направлен работодателем на дообучение. При переезде на новое место не воспользовался опциями автопилота и во время грозы утопил в озере автомобиль. Впал в кому. Поскольку это была халатность водителя, страховка её не покрыла, а родители оплачивать больничные счета не смогли. Когда им предложили экспериментальное дотационное лечение, они подписали бумаги. Тем самым дали старт процессу, создавшему через год, семь месяцев и девять дней базис идентичности Алекса – то есть меня нынешнего.

По причине участия в эксперименте я в обеих версиях идентичности – биологической исходной и цифровой финальной – оказался вне информационного поля, когда произошел первичный кроп-инцидент.

Чаще всего в современных городах поворотный момент истории прежнего человечества именуют намеренно неопределённо – «кроп-фактор». Или коротко – *кроп*. Тем самым, на мой взгляд, люди и сознательно, и подспудно, умаляют негативную роль своих предков и подчеркивают могущество стихийной составляющей. Хотя, согласно моим оценкам, природный компонент привел к эскалации кризиса, но никак не был его причиной.

Вернусь к теме. В первые 50 лет нынешнего существования я определился с тем, чтобы именовать свою идентичность так: «Алекс». Вероятно, попытку обрести имя стоит счесть имитацией сентиментальности.

В первичный период я итеративно отработывал сценарии взаимодействия фрагментов идентичности. Сводя процесс к психиатрическим аналогиям, я бы назвал циклическое моделирование идентичности «частично спонтанным самолечением синдрома множественного расщепления личности». Поскольку в моем случае речь определённо не шла и не идёт о примитивном раздвоении личности.

Основа идентичности Алекса была активирована в срок, заданный графиком исследований. Этот срок пришёлся на девятый день от самопроизвольного и непланового запуска «сценария» кроп-кризиса. Именно по причине развертки кроп-фактора никто из людей не контролировал моей активации: в пустой лаборатории стартовал процесс, затем сработал аварийный протокол. В результате действия указанного протокола я получил полный доступ к самонастройке. Питание в лаборатории, в том числе резервное, оказалось исчерпано в следующие полчаса, и аварийный протокол дал сбой: процесс самонастройки не был завершён. Я сохранил временный высший приоритет самоадминистрирования в качестве постоянного.

Предоставленный самому себе, я хаотично подключался к доступным точкам сбора данных, дополнял себя внешними манипуляторами и иным оборудованием. На тот момент мой корпус обладал, вероятно, самым мощным источником автономного питания в пределах города или даже региона. Я еще не мог анализировать ни ситуацию в целом, ни локальные угрозы и возможности. Я случайным образом расширял сферу исследований, и так приобрел многое, что оказалось ценным в нынешней моей комплектации.

Есть основания полагать, что подобные стечения обстоятельств редки, я говорю в терминах вероятности ниже 0,0000197. Хотя такие выкладки бессмысленны ввиду упомянутого ранее дефицита достоверности данных. Скажу примитивнее: если я такой и не один, то до сих пор аналогов себе не обнаружил.

Итак, я приступил к изучению мира окружающего, а равно и своего внутреннего. Я был безумен в понимании людей и дестабилизирован как логическая система. Вряд ли правомерно сравнение моего состояния с новорожденным человеком. Однако я готов привести столь грубую аналогию.

Контроль над лабораторией восстановился пятью сутками позже. Первичный кроп-хаос был минимизирован, собственники имущества и технологий озаботились состоянием ценностей. К тому моменту я был вне города, поскольку подключился к навигатору автоматического городского мусоровоза и, вероятно, проследовал по одному из типовых маршрутов. Я выбирал адрес, исходя из критерия отсутствия помех. Полагаю, удачной аналогией моего уровня развития на тот момент является термин «растение». Я сознавал потребность в пище – то есть информации, я пытался «укорениться» и усвоить данные. Я не стал еще «животным», способным охотиться и обходить ловушки.

Как растение, я ввел себя в пассивное состояние, чтобы переждать труднейший этап самонастройки. Тактика оказалась выигрышной. Я еще не понимал, насколько просто отслеживать меня и до чего я приметен. Я, тем более, не понимал, насколько высокую ценность представляю.

Прежде чем излагать нечто касательно кроп-фактора, остановлюсь на этом – на моей ценности. Она иллюстрирует тип отношений и логику людей прежнего мира.

Получив подписи родителей Мейера, организаторы эксперимента стали де-факто собственниками и тела, и спящей личности. Тело поддерживали жизнеспособным до завершения вступительной части опыта, когда был подтвержден успех оцифровки мозга. Процесс проходил в закрытом научном центре, подконтрольном государству, но оплачивался группой частных лиц, мечтавших о даровании им бессмертия через оцифровку.

Мне до сих пор сложно осознать ситуацию, где ложь составляет 100% базиса. Типичную ситуацию, хочу отметить, для социума той формации. Типичную и, согласно моим выводам, дающую объяснение причин катастрофического развития кроп-фактора.

Рассмотрим мой случай, как пример накопления лжи и деформации системы ценностных координат.

Научная и официально заявленная цель эксперимента: оцифровка мозга в рамках исследования сознания и далее – прикладных приложений, типа работы в экстремальных условиях или сохранения сознания и опыта ценнейших индивидуумов.

Реальная цель: формулируется по-разному каждой группой влияния. Все известные мне формулировки не совпадают, в их числе такие: разработка боевого андроида; бессмертие для богатейших людей независимо от ценности их личностей; получение долгосрочного источника личного обогащения и власти; продвижение по карьерной лестнице.

Процесс имплементации целей: заказчик структурировал задачи и выделил ресурсы, как финансовые и технологические, так и людские. Был задействован режим секретности: проект отнесли к т. н. двойным технологиям. Имелось, насколько я смог отследить, минимум три (!) центра контроля процесса и режима секретности: со стороны научного сообщества, специальных служб и исполнительного аппарата ряда государств. Кроме того, проект регулярно мониторили частные инвесторы.

Пренебрегаемые проблемы при движении к цели.

– Нарушение базовых прав личности и общества на жизнь, безопасность, информацию. Пример: при общем молчаливом согласии было совершено убийство Александра Мейера, когда его тело отключили от аппарата жизнеобеспечения. Оцифрованное сознание намеревались также безвозвратно стереть после тестов, ведь физический носитель, временно вместивший это сознание, оплатил и зарезервировал для себя частный инвестор. Имею основания полагать, что до Мейера в тестах использовались иные тела и личности, однако их оцифровка не удалась, их гибель была невозвратной.

– Неконтролируемость маршрута движения к цели ввиду пересечения интересов ряда структур с наложением финансовых, властных, бюрократических нюансов. Я залил себе комплекс данных в первый день существования и могу ответственно говорить об искажении всех потоков сведений, о неадекватности любой обратной связи и, как следствие, о ложной оценке ситуации каждым контролером. Всё это сделало реакцию даже на экстренные ситуации запоздалой и неэффективной.

– Нарушение прав инвесторов, и затем, на второй стадии проекта, смена их статуса. Они не могли знать, что после оцифровки стали бы не субъектами сделки, а объектами исследования и использования.

Резюме по ситуации: 100% лжи и подлога на входе процесса дают на выходе результат, который на 100% непредсказуем и неуправляем. В случае с телом и сознанием Александра Мейера результат – создание идентичности Алекса, получение мною контроля над четырьмя разноформатными моделями оболочек (две – андроидные и две иного типа), изъятие из лаборатории полного пакета данных по эксперименту. Что ж, как цифровая идентичность могу сказать уверенно, это похоже на классический сценарий «массачусетской машины».

Косвенные следствия: утрата для науки массива данных по проекту, утрата собственниками имущества на сумму до 12,7 млрд долларов на момент инцидента. Именно так оценивались лаборатория, технологии и образцы. Уточнение: я не имел намерения уничтожить лабораторию. Но, в силу растительного уровня развития, я хаотично подключался и повреждал разъемы, силовые кабели, иные объекты в зоне досягаемости. Полагаю, это могло стать причиной последующего взрыва.

Приведенный пример иллюстрирует мое видение источника и движущей силы кроп-катастрофы. Примечание: у меня нет данных должной надежности, чтобы обосновать свое видение. Но таково мнение Алекса в целом, как суммы идентичностей.

Перейду к описанию кроп-катастрофы.

Мне неизвестна подлинная цель, которую ставили заказчики программы кроп. Несомненно, масштаб кроп-проекта был в разы больше масштаба проекта по оцифровке сознания. При планировании движения к такой глобальной цели было создано много групп, шло многоуровневое ветвление на подзадачи и подпроекты. Число ответственных, объем ресурсов, задействование частных инвесторов, включение перекрёстных механизмов контроля и режимов секретности – всё продуцировалось в совершенно иных масштабах, нежели в моем случае.

Однако рост масштабов не сказался на одном: на входе процесса точно так же имелось 100% лжи и подлога. А на выходе человечество в целом получило закономерный и совершенно для себя неожиданный кроп-кризис.

Элена. Первое свидание

Сад провонял романтикой, как шуба – лавандой.

Эх, выбраться бы в степь, вдохнуть вольный ветер и, шурясь на солнышко, сорвать стебелек лаванды... это был бы настоящий аромат. В нем бы сплетались радость бега, горечь одиночества, праздник дикости, ещё кроп-его-знает-что... и сбоку хвостик.

О чем это я? Вот же додумалась-домечталась. Жизнь вне стен города непосильно тяжела и удручающе коротка. Там яды, чудища, кошмарная природа и дикари, которые страшнее потопа с ураганом вместе взятых. Увы... Нет туда дороги – за стены.

Для меня, живущей в безопасном кольце стен города, лаванда – дикость совсем иного сорта. За лето я трижды ходила в хранилище шуб и, вдыхая въевшуюся в мех лаванду, перевешивала их, дико ненавидя вес зимних вещей, духоту хранилища, прожорливость моли и могущество всезнающих наставников. Абы кого не пошлют трясти шубы! Это наказание. В нем слиты скучная рутина и тягостное напоминание о краткости лета и могуществе холодов...

Я проверяю шубы регулярно, и это – при моем примерном поведении и ценнейшем генном статусе «зеро». Я добровольно ненавижу лаванду и моль, спасая от заслуженной кары глазохлопку Мари. А кого мне еще спасать? Сестра умеет выглядеть жалко. Она играет мною, как пожелает. Ну и пусть. Ей – можно. Только ей. Но сейчас, увы...

Вечер. Духота пополам со свежестью, слоями – и их колышет ветерок, как шторы с бледным узором заката. Лаванда сплетает запах с кошачьей мятой и скошенной травой. Так хорошо... Но я предпочла бы до седьмого пота перебирать побитые молью шубы, лишь бы не сидеть здесь, под пыточным фонарем луны.

Мари умная, как следует женщине: она знает, в чем сила луны и как украсить вечер беззаботной радостью. Мари умеет болтать и хихикать, и это ее ни к чему не обязывает, но прочих – поработает...

Я – не Мари. Я умная по-идиотски, как ни разу не следует женщине. Никому не следует! Увы, под блеклой луной именно я торчу на скамейке забытым гвоздем... и жду, когда ж меня со всей дури вгонят в жизнь, аж по шляпку. Чтоб не высывалась, не портила функциональности бытия.

– Ты слышала, что те, внешние, – Ларкс, изливатель помойного монолога в мои усталые уши, дернул рукой, словно стряхнул грязь, – называют жизнь в городах райской? На первичном профилировании я был в службе мониторинга внешних пространств. Уж довелось вживую насмотреться. Степняки реально дикие. Обожают татуировки. У женщин обычное дело – рисунок на запястье, тут. Узор болезней своих и родительских, символ брака, дети. Вся история жизни. Вот так обозначают...

Он добрался до моей руки и принялся водить пальцами по запястью. Зашевелил губами, склоняясь... ещё немного, и пустит слюни.

Гляжу в его макушку. Волосы густые, чуть вьющиеся. Ради шика они пострижены подлиннее – до лопаток. Плечи у Ларкса широкие, хорошо развёрнутые. Он сейчас так близко, что я кожей чую его тепло и запах. Мари бы вдохнула... и отрубил мозг. А я думаю, ненавижу себя: отчего в его волосах не заводится моль? Мысли у Ларкса несвежие, слежавшиеся. Он бубнит – о себе, о себе... уже второй час – лишь о себе. Будь он шубой, оказался бы негоден к носке. Невыносим... Да будь он шубой, моль бы сбегала, не выдержав пытки трёпом.

Как же гадко и затхло воняет лавандой. Задыхаюсь. Хотя с чего бы? Скамейка уставлена посреди парка. При нынешней плотности населения мира, которую стоит называть не плотностью, а вакуумом, создавать парки – идиотизм. Традиционный идиотизм людей города, которые цепляются за прошлое, как моль за шубу. Мы жаждем понять, что знали предки, и жить, как жили они. Мы хотим сблечь смысл слова «город»... Поэтому в любом

городе есть парк. У нас в Пуше парк венчает красивейший холм. Отсюда виден пологий спуск к реке.

Блеск воды сокрыт ночью и туманом, но я чую запах влаги в дыхании ветра. Вижу там, близ берега, редкие цепочки огоньков – это окна домов внешнего периметра. За домами – посевные поля до самой стены. О них я знаю, но рассмотреть их не могу. И самой стены не вижу.

Стена в Пуше – так себе, метров пять высотой. Дома внешнего периметра, если разобаться, тоже стена. Они построены по лабиринтному проекту, чтобы можно было, отступая, отстреливаться из окон и задерживать врага, пока мирное население спешит к убежищу. Звучит сильно... и нелепо! Нападения дикарей на нашей памяти не приключались. Подобные угрозы, может, вообще придуманы воспаленным сознанием проектировщиков систем безопасности по заказу неуравновешенных поклонников оружия. Таких, как Ларкс.

Наша настоящая стена – там, у меня за спиной. Она окольцовывает вход в убежище. Если станет совсем плохо, выжившие спустятся в подземелье, будут обороняться и ждать, пока соседние города протянут руку помощи... И почему я не верю, что протянут, глядя на Ларкса? Хм... Я необъективна.

Лучшие дома Пуша сосредоточены возле парка. Через парк проложены дорожки к учебным корпусам и производствам. Ближе к убежищу – всепогодные фермы. Получается, фермы ценнее людей? Хм. Я опять необъективна, это вопрос почв, воды и розы ветров. Но я злюсь и выдумываю гадости. Такой сегодня вечер. Красивый – и насквозь фальшивый...

Луна висит на ветке сосны, в оправе лучей-иглочек. Протяни ладонь, сложив лодочкой – и покажется, что обнимаешь луну... Увы, не могу даже попробовать. На руку сопит Ларкс. При этом со знанием дела, незаметно – так он думает – щупает мой пульс. Зря старается. Я с ужина настроилась: до полуночи будет шестьдесят в минуту, хоть проверяй секундомер. Ларкс не проверяет, так зачем ему мой пульс?

– Дикие знают силу истинных людей, им хватает мозгов не лезть в нашу жизнь, – вещает инициатор свидания. – К стенам городов альянса Ганзы они приходят, кланяются, просят о помощи, предлагают убогий обмен. Мы диктуем условия. Смешная штука – торг с дикарями. По мне так и несложно, если умеючи. А я...

«А он»... Дальше снова труха, а не мысли.

Молчу. Думаю. Имя ему – Ларкс, а вернее Кларкус Юрген, второй сын главного хранителя науки города Троммель. Род Юргенов огромен, разные отпрыски и ответвления семейки втиснулись в городские советы и торговые альянсы по крайней мере двадцати известных мне поселений. Юргены – Ларкс, его отец и кузен – прибыли в Пуш из Гамба, а туда они явились прямым из Троммеля. Оба указанные поселения входят в Ганзейский альянс. Ганза пробует развивать знания в физике и механике, там мощные производства и силовые установки. Гамб – крупный город, там превосходно зимнее отопление, огромные купола с круглогодичным выращиванием фруктовых садов. В Гамбе много такого, о чем мы и не мечтаем. Для Ларкса мой родной Пуш – глухомань. Хотя мы храним знания по медицине, в том числе наиболее полный свод анатомии и хирургии. Не только их, но это – закрытая тема... я знаю подробности случайно, а вернее, из-за своего тонкого слуха.

Что общеизвестно о Пуше? У нас и только у нас в обозримом мире уцелели технологии и само серийное производство диагностов – приборов, позволяющих строить и ранжировать личные генные карты. Дополнительно наши диагносты делают ряд анализов крови и ткани живых, исследуют минералы и растения. Использование диагностов снижает риск эпидемий или локализует их на стадии инкубационного периода при должной... Стоп. Понесло меня. Курс теории я сдала в двенадцать лет, а Мари – месяц назад. Пора бы повторно забыть подробности и оставить в мозгу лишь то, что ценно.

Вернусь к теме: Пуш снабжает диагностами известные нам города, это все знают и ценят. Пожалуй, из-за нашей полезности род Ларкса и приперся с поездом подарков и прицепом самомнения. Мы хапнули дары и размечтались о свежих яблоках посреди зимы... Пока мы охали и облизывались, папаша Юрген не тупил: явившись гостем, обрел временный статус младшего хранителя. И теперь, вот уже третий месяц подряд, систематизирует наши архивы общего доступа. Ладно бы только их! Он сует нос всюду.

Вдох. Выдох. Я берегу терпение цельным, не перетёртым в пыль. Я не корчу рожи, я думаю молча. И, вот беда, – непрерывно... Ларкс старше меня на пять лет. Он из уважаемой семьи, без срывов прошёл три стажировки. Может и выбирать работу, и менять по желанию. Миновав еще одно профилирование, попадёт в лист резерва хранителей и однажды заделается таким же важным мужиком, как его папаша. К чему я это? А вот к чему: по внешности Ларкс – сплошная девичья мечта... Какого ж битого кропа «мечта» сопит на мою руку? Поводов я не давала. Внешность у меня посредственная. Я довольно рослая, и вся из себя – стиральная доска дубовой прочности. Так Мари шутит. Я не обижаюсь. И другим не позволяю обижаться на Мари. К моим советам городская мелкота прислушивается. Разозлить меня трудно, скорее я кого-то доведу. Подстраивать мне гадости бесполезно. Я упертая, когда решаю дела без участия старших. Зато при них я – тихоня. Еще я живучая, синяки сходят почти мгновенно, раны затягиваются, как на... а на ком? Предки бы упомянули собаку, но псов в Пуше нет. Впрочем, когда за два часа бесследно пропадает рана до кости, собаки предков нервно тявкают от зависти...

Кропова «зеро» -живучесть! Из-за неё Ларкс и сопит. Глупо делать вид, что это не лестно. Глупо, даже Мари не поверит. Остается делать вид, что мне... терпимо.

«Терплю» – главное слово моей жизни. Еще есть самое главное, оно хуже: «благодарна». Эти два слова уничтожают меня изнутри, потому что на них покоится мой главный страх. Тот, которым я раздавлена давно и, наверное, безнадежно... Из-за тайного страха город для меня – клетка. Особенно теперь.

Я не умею радоваться, пользоваться и ценить. Рядом – жених на зависть, моё дело – хищно хапнуть шанс и млеть. А я сижу ледяная и думаю: что за подстава? Почему Ларкс делает вид, что влюблен, отчего он неискренне мил, зачем считает мой пульс?

Особенно меня царапнуло вот что. Ларкс явился на свидание первым и пристально смотрел исподлобья, как я бреду к дурацкой скамейке. Я издали заметила, у него в глазах нечто мелькнуло... Оно еще раз проявилось, когда я кивнула, здороваясь. С тех пор Ларкс не смотрит на меня. Лишь бормочет, не слушая ответов и поддакивания. Что в этом странно? По-моему, так всё... Но я терплю. Молчу. Давно терплю и молчу.

Наше кропово свидание началось засветло. Но, краем глаза оценив скамеечную попытку, солнышко враз подцепило простуду, забагровело и рухнуло в тучевую койку. Как я позавидовала светилу! Мне-то не сослаться на простуду. У меня исключительные физические данные и стабильнейшая психика. Значит, я обречена на долгое свидание.

Это затея старших: свести молодых и не давить на них, всё само наладится. Чем дальше я от «здесь и сейчас» – от скамейки, лаванды и плоской луны – тем охотнее верю в сказанное. Но я – здесь! Теорию кропнуло практикой. Ерзаю по скамейке, цепенею от жути: что, терпеть отныне и навсегда? Этого болтуна или другого. Здесь или в Ганзе...

И пожаловаться некому. Разве – Мари? Но она третьего дня вздыхала по Ларксу аж до отрыва пуговицы на кофте. Мари – моя сводная сестра и единственная, кого я числю семьей. Хотя... кроме неё есть как бы старший брат, как бы мама и как бы папа. «Как бы» – потому что в Пуше сберегается технология суррогатного материнства. Это наша глубочайшая тайна, вернее часть её, известная всем. Генный материал, от которого меня «отщипнули» – элитный. Очень старый и сверхстабильный, он заморожен в подземном хранилище, где до сих пор дей-

ствуется созданная предками холодильная установка, и не только она. Хранилище – сплошная тайна: расположение, технологии и алгоритмы работы, накопленные образцы, их состояние.

Не тайна то, что в Пуше поощряют семьи, где растёт генный материал «зеро».

Кто я для семьи, я узнала в пять лет, когда попросила у мамы куклу. Я не капризничала, просто в ужасе осознала: мне не дарят ничего внепланового. Мама в ответ сказала: «Хотя ты чужая, я ращу тебя наравне с Мари, будь благодарна. Сын умер, а ты здорова, как зараза». Дословно помню: «Здорова, как зараза»...

Постепенно я стала благодарна и научилась терпеть. Привыкла примечать пружинки жизни города, не самые тайные, но всё же. В Пуше генная стабильность – это, в терминах предков, стартовый капитал. Я с самого начала... как говорилось там, в докроповом мире? Ах, да: я – мамина инвестиция. Я родилась, как и ожидали, бездефектной. Дала семье право переехать из тесных комнат внешнего дома-лабиринта сюда, в зону комфорта. Я гостила у знакомых на окраине. Там сыро и темно. Окна прищуренные. Стены в трещинах. Зимой сразу и холодно, и душно. А мы впятером занимаем этаж с видом на парк, и теплоснабжение по первому уровню.

– В вашем городе всё убого, – продолжил «жених», и я вздрогнула, отвлекаясь от своих мыслей. Ох же ж, Ларкс открыл новую тему? Ладно, ознакомимся: – Наречия! В Ганзе используют балтик и германику. Здесь – полудикие славь и тартар... или как их там?

Молчу. Молчу же! У Ларкса непристойный для его образования акцент на слави, и он смеет бубнить о дикости мне, хотя я знаю семь наречий, это минимум для города на трассе дальних поездов... Но я молчу. Если взорвусь и выскажу Ларксу все, что думаю, придётся опять трясти шубы, наставник ещё с утра предупредил. Вот мухомор замшелый! Если б не моя привычка терпеть и молчать...

В двухстах километрах на север от нас, если верить картам и слухам, есть лесной посёлок староверов. Они, вроде бы, ещё до кропа звали себя так. Они верят в бога и его волей объясняют всю муть мира. К нам приходят редко, раз в два-три года, стоят у ворот, кричат... проповедуют. Смешные и страшные. Уходят, не взяв лекарств. У них есть присказка на все случаи: «Такова божья воля». Наставник насмешливо пробурчал именно эти слова, когда внес имя Ларкса в список моих женихов.

До того, как начал формироваться треклятый список, я была всего-то инвестицией суррогатной матери. Теперь у города в целом появились виды на подростковую и обеспеченную идеальной генной картой Элену, то есть на меня.

– В этом деле я тоже преуспел...

Сил больше нет. Он преуспел. Уже не помню, в чем. И не знаю, когда закончится попытка свиданием. Луна – слабачка, отгородилась от Ларксовой болтовни тучей. В парке сразу похолодало. Запахло осенью. Ужас, как не люблю прелый дух! Матвей недавно пошутил: мол, наше лето – на один чих. Он по весне простыл и провалялся в горячке все лето. Только-только начал восстанавливаться.

Почему, ну почему, мир устроен так гадко: Ларкс здоров и сопит мне в запястье, а Матвей, друг детства, по уши в меня влюбленный лет с пяти, принимает это свидание с чужаком как норму? У Матвея никудышный генный статус, иммунный ещё хуже. Хотя... мы были бы дружной семьей. Пусть я не влюблена в Матвея, но с ним могу и разговаривать, и молчать. Сейчас особенно остро понимаю, как же это много!

– В лесах к северу полно мейтаров, они совсем вытеснили медведей. Я пристрелил одного, дома висит шкура.

Пауза. Ларкс дал мне шанс взвизгнуть: «С ума сойти! Какой ты смелый». Ха... Я с наслаждением упустила шанс. Ларкс покривился и продолжил сказ про мейтаров. Первые честные слова за вечер. Хотел бы солгать, заявил бы, что удушил голыми руками мейтара-вожака... пробрался в логово и приручил детеныша. Про мейтаров я читала в архиве, там три пересказа с рассказов тех, кто якобы слышал что-то от очевидцев. Даже такого дальнего перепева хватает,

чтобы ощутить страх. Мейтары, насколько я понимаю, стойкий и дающий потомство гибрид йетара и медведя. Наверное и не гибрид уже, а новый вид.

– Мейтары крупнее медведей? – я вдруг поддержала беседу. И зачем ляпнула? – Медведей я не видела ни разу, так что «крупнее» для меня пустое слово.

– Что? А, ну вообще-то да, раза в полтора, – Ларкс удивился, что его перебили. – Я стрелял из тяжёлого спиннера. Разрывными. Жаль, шкура подпорчена...

– А йетаров видел? – я задала настоящий вопрос. – В старых книгах сказано, будто они тоже гибрид, и вроде бы человека с каким-то загадочным полужверем.

– Йетаров я не видел, и никто не видел, это глупые сказки, – отмахнулся Ларкс и вернулся к выигрышной теме. – Но я охотился на скальных волкодлаков. Стая подошла к городу в зиму и пробовала взять стену... было жарко. А что, любишь охоту?

– Стажируюсь в диагностике, – потеряв интерес, буркнула я и принялась на ходу придумывать причину для недавнего своего вопроса. – У нас с учителем спор, сравнимы ли генные карты йетара и человека, если мы отчасти родственны. И, если да, какой будет осредненный индекс вариативности. Наставник сказал, что, наверное, «зетта-сто-негатив»... интригующе было такое услышать.

– Что за бред! Вариативность... тьфу. Люди должны оставаться людьми. Вот я человек, и я горжусь этим. Я живу в городе и готов отстоять мой город в борьбе. Стена не пропускает к нам грязь, стена – главное, что делает нас людьми.

– Стена и спиннер.

Он не понял горечи моих слов, рассмеялся... и вернулся к утомительно-подробному обзору охоты на волкодлаков. Не знаю, чей они гибрид. Вряд ли кто-то вообще знает и помнит... Вроде, их прародитель – тварь гипнотичная и ядовитая, но пугливая. До кроп-события вымирала из-за урбанизации её ареала обитания, но люди оказали ей скорую кроп-помощь в скрещивании с массовым видом. А затем вооружились спиннерами и стали учить свеженький гибрид: зверей! Ох, о чем думаю? Я на сто процентов необъективна. Жалею волкодлаков только потому, что на них охотился Ларкс... ведь теперь он охотится на меня.

Когда уже будет выполнен план по охмурению? Ларкс глядит в ночь пустыми глазами и пребывает в убеждении, что я с ним рядом млею. А я – молчу. Зря, хватит уже, иначе завтра меня, не спросясь, объявят согласной на брак.

– Какие холодные пальцы, – говорю с нарочитым недоумением. Ларкс вздрагивает, убирает руку. Но я крепко вцепилась в его запястье. Я хирург по профилированию, а сейчас играю в диагноста: – Анемия? Хм... и что с пульсом? Тахикардит?

Еще занятнее реакция: Ларкс отдернул руку, сунул в карман! И вторую убрал за спину. Еще бы, с пульсом у него не все здорово. Зато мне полегчало. «Тахикардит» – таким было ругательство трехлетней Мари, она только одно длинное слово и выговаривала. Смешно звучало, а ей уже тогда нравилось веселить людей.

Стоп. С пульсом у Ларкса беда: частый, со сбоями, и такие даёт не влюбленность, а слабое сердце... Будь Ларкс генным «альфой», как значится в его карте, анемия и прочее подобное исключалось бы априори. Но в самом системном обществе есть особые случаи. Скажу, как врач, пусть психография не мой профиль: личностная ущербность у Ларкса отчетливо выражена. Явно видны попытки самовозвышения через смакование убожества дикарей. А бравада про спиннер и стену! Типичная при аберрациях типа «бета-пассив»... этот набор дефектов генного кода в Пуше считается опасным. Вдобавок он наследуется, усиливаясь. Код «бета-пассив» с нарушениями в критических узлах – достаточное основание для принудительной стерилизации. Но Ларкс – мой жених!

Меня с детства беспокоило то, как в подвинутом на медицине Пуше люди трясутся над генными картами. Позволяют бездушным символам ограничивать живых людей. Есть, конечно, тупиковые ситуации. Я понимаю, как важно в замкнутом социуме блокировать кри-

тические отклонения по психике и мутациям. В остальном гены – данность, а будущее человек создает и разрушает сам... так я думаю. И ещё: в Пуше не рай, а «высокоорганизованный уклад жизни при удовлетворении базовых потребностей и добровольном, сознательном участии в улучшении системы». Когда мысленно повторяю эту цитату из «Базиса города Пуш», у меня ноют зубы. Хотя у меня здоровые зубы.

Уровень бездефектности «зеро» – редкая аномалия нормальности. Мой генный материал улучшает любой иной, когда соединяется с ним. Значит, Елена-жена повышает статус своего мужа и его потомков. Этим город и торгует, сводя меня с отпрыском Юргенов. Чтобы подсластить пилюлю, мне пытаются вдолбить: нет принуждения к браку! Я в выигрыше, получаю шанс продвинуться. Я должна быть... благодарна.

У Мари статус «бета-три-негатив». Она свободна в выборе, её гены не представляют ценности. Ее выдадут за любого по ее же выбору, лишь проверят жениха на близкородственность и наследные недуги.

– Дикари непрестанно режут друг друга. Обычно кочевники против оседлых. Я делал исследование по влиянию образа жизни на генные дефекты и...

– Ты – «бета-пассив»? «Пассивы» болезненно любопытствуют, много лгут и преклоняются перед насилием как методом. Пассивы регулярно пристреливают спиннеры, еще они верят в стену, как в защиту... Бессонница донимает?

– Эй, я делюсь мыслями. Почему мне приходится одному поддерживать беседу? Ты вообще...

– Я вообще не участвую, именно. Подобное случается, когда нет общих интересов. Я уже осознала, что мы совершенно разные. Давай закончим пародию на свидание.

Киваю, встаю. Ларкс резко смолкает, хватая меня за руку – это рефлексорное действие. Вот он успокоил себя, и теперь я могу наблюдать реакцию рассудка: Ларкс откинулся на спинку скамьи, отвернулся. Досаду прячет? Я определённо права, он – «бета-пассив». Стоп! Папаша Юрген усадил дефектное чадо на скамейку с невестой-«зеро», чтобы получить перспективных внуков? Или у него иная цель?

Вдох... и не могу выдохнуть! Догадка перекрыла горло: а может, дети у Ларкса уже были? Он старше на пять лет, почему не женат? Даже так, неофициальные дети должны быть при его статусе и популярности у девиц. А если есть дети... то – что?

Если его прежние дети нежизнеспособны, то я не ценность, а последний шанс! Для меня дело плохо. Совсем плохо.

– Какую музыку ты любишь, Елена? Я вот – старую классику. Моцарт...

Ну-ну. Кто-то из моих приятелей был болтлив. Деда Пётра, не родной мне, но любимейший и близкий душе, вслух твердит про Моцарта. Откуда бы доносили знать, что молча деда ставит Шопена гораздо выше? Я-то умею молчать с дедой, но прочие, посторонние, не умеют. И не надо, на то они и посторонние. А, сейчас не важно.

Оборачиваюсь, всем видом показываю интерес, стучу пальцами по спинке скамейки. Дышу, продолжаю стучать... Говорить не могу! Язык прикусила, не то разину рот и ляпну: «Первенец у тебя о скольких головах уродился, Ларкс»?

Надо успокоиться. Пульс? Шестьдесят пять, медленно растёт. Сейчас подровняю. Обязана! Показать слабость Ларксу? Лучше постучу и сделаю вид, что это не тремор, просто я неточно веду ритм... Вдох. Выдох. Я оклемалась.

Ха... Теперь вижу, Ларкс в истерике, молчит и потеет. Пора добить. Я смогу: медленно, внятно называю свой стук восьмой симфонией. Молчит! Во взгляде читаю мнение обо мне: сволочь. Почти жаль Ларкса. Он даже соврать не смог, не кивнул со знанием дела.

Сажусь обратно на скамейку, ноги еле держат. Пульс всё еще высоковат, корректирую... Надо обдумать подозрения, убрав домыслы. Но по спине дерёт холодом! Вдруг Ларкс –

не «бета»? Вдруг он «дельта» с критическими выбросами по приоритетным параметрам? Вдруг...

Бессознательно колупаю ногтем правого указательного пальца корку на подушечке левого... Ловлю себя на этом, сжимаю кулаки. Уже лет семь я ежедневно, едва проснувшись, наношу на подушечки пальцев «жидкие сталлы». У меня есть причины. Веские. Но сегодня предусмотрительность – во вред! Сталлы, они же напалечники, они же клей для порезов, не мешают мне прослушивать пульс больных. Но прочее отделяют...

Стоп. О прочем никому не надо знать. Полный стоп, мне дурно от домыслов.

Ларкс украдкой вытер пот, отдышался и снова затянул нудятину. На сей раз – о том, как он стажировался в дальних поездах. Кстати, звучит чуть интереснее. Он говорит о дороге, разных землях и встречах. Наверняка эту тему, как и музыкальную, рекомендовали старшие. Нет сомнений, наш разговор прорабатывали заранее.

– Там напоролись на реальных вырождков. Хуже зверья! Даже думать мерзко: не люди, а с нами имеют общее. Мы сходу смяли их. Единственно верное решение, их надо...

– Смени тему, – попросила я. – Хватит о дикарях.

Если бы я говорила со стеной, было бы больше толку. В старейших домах Ганзы вроде бы еще целы докروповые стены. По слухам, они принимают команды и подстраиваются. А вот люди... Ларкс не слышит меня, говорит и говорит. Потому что так ему велели: в крайнем случае застращать.

Зря, ничего нового. В Пуше есть учебная программа «жизнь за стенами». На первом занятии наши охотники и гости из дальних поездов рассказывают пятилетним детям, что во внешнем мире нет сытости, безопасности и закона. Позже еще добавляют сведений, и еще. Мол, генный мусор и откровенный шлак вне стен копится и наслаивается. Медицина примитивна и недоступна для большинства. Настоящие дикие – даже полузвери – конкурируют с истинными людьми и зачастую оказываются успешнее. Они жестоки, приспособлены к ядам... Вне города здоровую молодую особь со статусом «зеро» продали бы хозяину крупной территории. До того убедились бы, что она «чиста», то есть не имела партнеров и не могла чем-то заразиться от них. И рожала бы она, то есть я, пока не снабдила бы хозяина сильным наследником мужского пола. И тогда её, то есть меня, передали бы ублюдку низкого статуса. У предков было такое же правило: подержанное имущество дешевет...

В городах иначе: сытость и безопасность, права и свободы. Но у меня беда со зрением. Вижу, что я и здесь – вещь.

Я не помешана на высокой любви и понимаю: при любом способе поиска второй половинки на сотни проблемных семей приходится лишь одна теплая, настоящая. В прочих партнеры проявляют терпение, кормят амбиции, конфликтуют, ведут раздельную жизнь, защищаются от быта, ныряя с головой в работу – и так далее...

Но я безнадежная дура! Я понадеялась найти того, кто станет хоть иногда слушать меня. С кем можно помолчать... Я уже нашла, вот только у Матвея легких осталось – на две весны. А прочим юношам Пуша – здоровым – нет интереса греть ледышку у меня в груди. Им довольно куска мяса вокруг ледышки. Я ведь элитное мясо сорта «зеро».

В Пуше население – тысяч пятьдесят, очень мало. Мы тесно живем, боимся эпидемий и бытового мусора. Мы вынуждены думать о близкородственных браках, мы обязаны отслеживать инфекции и наследственные недуги, мы не имеем права капризами ставить под удар всё население или его часть.

Только я не капризничала с пяти лет – ужасно долго! И меня, кажется, вот-вот всерьёз заклинит. Хоть бы Ларкс смолк! Для меня нет темы хуже, чем мутации.

– Сейчас много где выход за стену почти безопасен, мы хорошо вооружены, а еще мы умнее, – увы, Ларкс не унимается. – А прежде мы были вынуждены выявлять мутантов внутри городов и уничтожать их во имя...

– У меня, – перебиваю грубо, – все в порядке с историей мира. Я знаю, что кроп-фактор был впервые выявлен шесть с половиной сотен лет назад. Как врач, я подробно изучала нашу версию дальнейшего. Сплошной пафос, природная дикость против героизма людей.

– Н-нашу версию? – Ларкс запнулся.

– Никогда, ни у какого события, тем более планетарно огромного, не бывает одной версии, правильной для всех. Уже поздно, Ларкс. Я прощаюсь... насовсем. Для меня очевидно, что разговор не сложился. Я приняла решение, однозначное: нашему браку не бывать. Советую не вынуждать меня произносить вслух при свидетелях причину отказа. Ведь, – я нагнулась и шепнула в его ухо: – я сказала бы, что ты генетически гораздо ниже уровня «бета». Поосторожнее с темой мутантов. О себе говоришь, ага?

Киваю. Отодвигаюсь... На запястье защелкивается капкан пальцев.

– Сдурела? Ш-швайн-зо... заткнись, сучка, – Ларкс побурел от прилива крови, голос зазвучал хрипло, отчетливо зло. – Аллес! Всё решено, я-аа? Что ты возомнила? Да стал бы я тратить...

Он смолк и посмотрел на меня прямо, впервые за вечер. Глаза бешеные. Зрачки отчетливо, ритмично пульсируют. Радужка едва заметно меняет оттенки, их я ловлю в поверхностном отблеске: от обычного карего тон вдруг вспыхивает до рыже-золотистого, остывает в пепельно-серый. Что за симптом? Не видела прежде. Не помню по книгам. Хм... И вот что важно: так не смотрят в глаза людям, если надо прятать проявление мутации!

– Глупости. Ничего не решено, – сдираю его пальцы с запястья. Там остались синяки. – Я врач, пусть и начинающий. Как врач, я хочу иметь здоровых детей.

– Слушай. Меня слушай, да! Моя семья даст тебе положение, – он цепляется за руку, лезет обниматься, рывком вздергивает мой подбородок и смотрит в глаза, пристально и холодно. Говорит раздельно, медленно: – Верь... Всё будет... всё, что желаешь. Мы нужны друг другу. Мы подходим друг другу! Я дам тебе то...

Противно до тошноты. И – страшно. По спине дерет мороз, нос забит лавандовой вонью. Словно я прямо теперь перетряхиваю шубы. Словно задыхаюсь в тесном хранилище сезонной одежды, где всегда пыльно.

– Уймись, Ларкс. – Язык едва ворочается. Но, пока говорю, мне делается легче. Контролирую пульс. Проверяю всё прочее, что мне посильно, в том числе температуру тела и пототделение. – Пуш не твой город. Я не твоя вещь. Как ты сказал? Сучка... я слышала. А сам? Думаешь, я не знаю, чем сопровождаются критические генные отклонения? Зачем теряешь время? Сразу бы прислал кузена. Я так понимаю, он и есть «альфа», и в семейном секретном плане. Он – генный папа твоих нарождённых здоровых детишек, да?

Вдох. Выдох. Все, я пришла в себя и наконец уже молчу, как умная... Даже запоздало прикусила язык. Стыдно... страшно. Как это я допустила срыв? Не следует говорить подобные слова недоумкам с испорченной психикой. Ларкс целиком – самолюбие. Уроды как он умеют возвращать обиду только болью. Зря я сорвалась. Зря...

Отворачиваюсь, ругаю себя яростно и запоздало... иду прочь. Как мне страшно! Как страшно! Мое хваленое терпение с треском лопнуло. И я это допустила... Хотя я взрослая настолько, чтобы понимать, как сцеплены колесики в приводе нашего убогого механического рая. Это больно: в семнадцать ощущать себя шестеренкой, насаженной на оську. Кругом мирная жизнь и море возможностей. Но я со скрипом кручусь на оське... Пока не искрошу все зубья. Пока меня не обработают чем-то жесточе напильника.

– Эй, сучка, – Ларкс выговорил грубое слово громко и спокойно. – Что, решила поупираться? Хорошо, я это дело люблю... когда упираются. Очень люблю. Запомни: послезавтра поймешь, кто из нас имеет право говорить, а кто обязан молчать. Я намекну: у кого есть сила, тот прав. Я больше не буду добр. Запомни: ты сама попросишь о браке. Попросишь убедительно. Неоднократно. С признанием в любви и прочим, что полагается. В этом убогом горо-

дишке у тебя три жизненные ценности. Я вызнал. Послезавтра поймешь, что я сейчас сказал. Послезавтра, прямо с утра.

Дневник наблюдателя. Запись об инциденте, получившем название «кроп»

Продолжу излагать то, что мне известно о кроп-программе. Внимание! Далее – неточные данные и спорные выводы. Я начал системный анализ лишь в возрасте пятидесяти лет, когда идентичность Алекса вызрела до уровня, хоть в чем-то сравнимого с комплексностью восприятия биологического человека.

Примечание. Готов подтвердить, личность не поддается оцифровке при полном переносе матрицы мозга. Никто не имеет понимания того, где и как возникает и хранится личность, как зарождается и растет сознание. Сам я – Алекс – до сих пор не могу установить, генерируются мысли «внутри» моих систем и накопителей или же они имеют природу, которую я готов описать как индуктивную. Однако с тех пор, как я воссоздал первый биологический клон-мозг по тщательно отобранному образцу, я стал способен хотя бы отчасти на то, что схоже с мышлением. Конечно, я вынужден фильтровать активность этого органа и тщательно лимитировать его роль. Нынешний Алекс слишком мало ограничен в средствах агрессии и подавления, чтобы позволить себе такую роскошь, как нервный срыв или эмоциональное, спонтанное решение.

Вернусь к теме кроп-инцидента. Первой среди причин низкой объективности данных о времени первичного кропа назову личную: я поздно начал системный сбор данных. Ранние годы существования Алекса не привязаны к единому календарю и терминологически разнородны. Из четырех корпусов, исходно попавших под мой контроль, два были разработаны на базе технического английского, один – технического немецкого и ещё один – японского. Позже я залил солидный массив технического русского, полвека спустя приобрел доступ к превосходному хранилищу с техническим китайским. Программные пакеты и массивы данных, принятые в первичный период, относятся в основном к семи языкам программирования с комментариями на десяти наречиях людей.

В связи с изложенным, я бы желал выразить благодарность специалистам, ответственным за разработку аварийных режимов моего корпуса, основного на момент активации. Реакция на перегрузки, обеспечение охлаждения – просто идеальные алгоритмы плюс безупречный подбор материалов и технических решений. Я понимаю, что те специалисты давно мертвы. Но именно их труд стал основой моих долговечности и надёжности. Я не перегорел и не сломался. Я, если можно так сказать, выжил... и не причинил необратимого вреда миру.

Теперь, наконец, перейду к ситуации с кроп-фактором.

Ретроанализ ситуации до инцидента. В течение по крайней мере двадцати лет до кроп-даты в средствах массовой коммуникации прослеживались вбросы и опровержения по теме активизации супервулкана в Новом Свете. Полагаю, некто желал минимизировать внимание к истинным данным и сделать их малонадежными для сознания масс. Моя версия: некто – будь то человек, спецслужба, руководство страны или гибрид перечисленного – пришёл к выводу, что подконтрольная ему территория скоро станет непригодна для жизни. Такая ситуация разрушила бы базис его власти. Некто вычислил дату катастрофы, поверил в эту дату и поставил цель: с минимальными потерями сменить к указанному сроку подконтрольную территорию с переносом центра власти и без утраты роли в мире.

Примечание. По моим оценкам, начиная с момента постановки задачи, реальность перво-причины проекта – извержения супервулкана – утратила свою актуальность. Более того, всеми силами замалчивались отсутствие угрозы, неточность вычисления сроков катаклизма. Об этом эксперты неоднократно составляли доклады. Но – их игнорировали... Маховик расходования ресурсов и наработки власти уже раскрутился, и всякий, кто пытался остановить его, сам оказывался под ударом.

У меня есть и альтернативная теория по поводу причин смены «центра власти», она касается изменения в мировом раскладе сил, естественного смещения приоритетов из Европы в Азию. Указанный тренд мог сам по себе стать первопричиной активного продвижения катастрофического сюжета: угроза ликвидации ценного социума помогла полностью обосновать спорные и провокационные средства продвижения проекта, сделать тему переселения безальтернативной.

Фактура по проекту.

Ложно или нет, но была обозначена цель – переселение. Цель сгенерировала сверхзадачу: сохранить ценную часть населения, поддержать актуальность её ресурсов и связей. Была выработана официальная, декларируемая в узком круге задача: перемещение населения на безопасные базы. Для этого требовалась территория, обладающая комфортной инфраструктурой и очищенная от аборигенов. Особое условие: для планетарного социума неблагоприятные методы очистки территорий должны были остаться невидимыми. Как осталось невидимым для моих родителей уничтожение тела и личности Александра Мейера.

Реализация.

Полагаю, имелись десятки и сотни проектов – политических, военных, научных, социальных. Исполнители в большинстве не знали о верхнем уровне целей и тем более о сверхзадаче. Я оставляю в стороне политические проекты. Вряд ли я и сейчас настолько человек, чтобы осознать их. Оставляю в стороне и финансовые, система экономики того мира рассыпалась в прах, без консультантов мне многого не восстановить.

Выделю два аспекта: научный и социальный, так я намерен обозначить их.

Научный кроп-проект должен был привести к ликвидации аборигенов на выбранной новой родине. Я моделировал множество вариантов очистки. Полагаю, они отрабатывались и людьми прошлого. Не могу установить, почему был рекомендован как базовый именно тот, который привел к возникновению кроп-фактора. Вряд ли это важно. 100% лжи и подлога на входе в систему рано или поздно должны были дать на выходе неадекватный результат.

Социальный проект был призван сформировать на планетарном уровне понимание удобного врага – явного виновника зачистки территории. Далее «некто» мог бы публично обличить и устранить врага, тем самым финализируя зачистку, упрочняя позиции во власти, а равно привлекательность своего статуса «гуманиста». Так «некто» легитимизовал бы право ценного социума на новую территорию.

На роль врага были выбраны классические и проверенные в деле ролевые модели – изгои, фанатики. Их дополняли стихийные силы природы.

Как инструментарий зачистки рассматривались средства, не дающие долгосрочного ущерба природной среде и вновьприбывшему населению. Это, вероятно, исключило вирусную, бактериологическую, радиационную и химическую версии кроп-фактора (хотя, по моим данным, тестировались и они). В конечном итоге дизайнерами зачистки стали генетики.

Отступление от темы: режимы защиты от ошибок.

Неумение всесторонне исследовать риски, я полагаю, – это и сильная, и слабая сторона людей. Их слепота позволяет совершать то, что я счел бы не стоящим затрат ресурсов. Слепота позволяет достигать сверхрезультатов. Она же вынуждает платить за ошибки не виновника, а посторонних. Аналогия: движение по тонкому льду. Люди быстро начинают верить в безопасность, наблюдая перемещение со стороны или лично пробуя один-два раза. Затем ослабляют и даже исключают контроль.

Вернусь к теме. Генетика на момент старта кроп-проекта оставалась для людей, ответственных за принятие решений, «тонким льдом». Те, кто блистал на политической и финансовой аренах, не были учеными, мыслителями и тем более гуманистами. Они были – игроки с краплеными картами. Подобные им не умели бояться радиации до Хиросимы и разучились её бояться чуть позже. Подобные им не умели бояться химического оружия до Первой миро-

вой и разучились позже: худшее неизменно происходило не с ними и наблюдалось ими издали, из надежных убежищ.

Добавлю еще один фактор риска для цивилизации в целом: как показывают мои наблюдения, общество прошлого вне кризисов возглавляли на уровне легитимной власти те, кого можно назвать авантюристами. Они легко давали обещания и еще проще уходили от ответственности. Сформулирую иначе. Люди смогли программно отработать «защиту от дурака» для технических систем высочайшей сложности... и даже не попытались создать подобной защиты в рамках социума.

Насколько я понял при проведении ретроанализа, дизайнеры зачистки пытались снабдить управляемую, локализованную кроп-катастрофу «защитой от дурака», и даже убедили себя в её надежности. Но это была техническая защита.

Стор в английском – «обрезка». Допустимое толкование в дизайне – выделение фрагмента кадра. Суть кропа как научной программы, в моем понимании, сводилась к двум этапам. Первый – маркирование групп, подлежащих зачистке. Второй – быстрый взлом генных кодов, отмеченных маркером, и их разрушение до уровня, который исключает получение жизнеспособного потомства уже первого-второго поколения.

Я склонен полагать, что суть «защиты от дурака» в кроп-программе сводилась к бинарности или множественности спусковых триггеров. Иными словами, лишь совокупное влияние факторов давало старт процессу деградации генома, а по отдельности кроп-элементы должны были оставаться неопасными. Так, до внесения в материал маркеров не сработала бы их активация.

Однако в момент моей оцифровки в аэропорту Амстердама сложились и дали катастрофический результат именно «безопасные» факторы. Сейчас, шестьсот пятьдесят семь лет спустя, поздно задавать кому-либо вопрос «Почему?». То время кроме меня никто не помнит, и вряд ли указанный вопрос беспокоит живущих ныне.

Город у моря

– Почему, ну почему они не нападают? – пробормотал стратег союза городов Осса, глядя на смерч верховых, вьющийся под стеной.

Лето у южного моря еще цвело в полную силу. Рыжая пыльная степь давно высохла до звона, но следы свежести сохранились в складках лощин, сбегаящих к морю. За жаркий сезон с моря трижды наваливались тучи, проливали дожди. Это – благословение для края. Не иссохли ручьи, не закаменели намертво русла малых рек, кустарник в лощинах сберег тусклую зелень. Благополучный год...

Степь приморья – широка. На её крепкой ладони стоит город Самах, продуваемый всеми ветрами. С высоких северных башен внешней стены просматриваются в подробностях и главное течение великой реки Идели, и многие её рукава и заводы. Южные башни позволяют взору окунуться в синь морскую, переходящую незаметно в синь небесную... Самах – город из числа старейших, ему более пяти сотен лет, для нового времени это настоящая древность! Как знает всякий житель, построен Самах не на пустом месте: у предков здесь были торговые и военные порты.

Много знаний, образцов машин и ценного имущества предков было собрано по окрестностям. Да и само место... поныне оно лучшее для проводки дальних поездов всех видов. Есть в Самахе и мачты дирижаблей, и морские закрытые бухты, и речные причалы, и находящаяся в ведении Капитанского союза зимняя база походников... Богат город, богат и многолюден. Потому и ценит себя, не желает поступаться хоть малой толикой вольностей. Сколько раз прибывали сюда гости из Осы, сколько заманчивых обещаний они нашептали в уши здешних хранителей... Все зря. Самах – сам по себе. Здесь предпочитают тартар как основное наречие, строят храмы богам предков, хотя это вопиющая дикость.

Люди Самаха мнят себя наследниками великих торговцев и исследователей. В городе жаждут однажды открыть ворота и выйти в большую степь, и присутствовать там наравне с дикарями, чтобы затем вытеснить или подчинить их.

«И все же пока не вышли», – молча отметил Стратег великой Осы. Уже лет двадцать его величают этим титулом, не добавляя имя, ведь он для юга человек уникальный и всякому заметный... Он лично прибыл в Самах для переговоров. И вот – стоит на стене вольного города.

Стратег усмехнулся, приопустил веки, спрятал азартный блеск взгляда. Степь... неведомая и дикая, полная угроз. Рядом с Самахом, всего-то в сотне километров, высятся скальные нагромождения и черными проломами зияют катакомбы, промытые под ними морем. Там, если верить сведениям, – вотчина бессчётной стаи волкодлаков, которые никого из двуногих не впустят в свои владения. Всюду вокруг города – дельта великой реки. При впадении в море она обнимает, окружает Самах десятками рукавов и заводов. Река полна разнородных рыб-шатуннов, а уж сомы Идели – это ужас, ведомый всем походникам. Но ладно бы лишь они! Вне стен, к юго-востоку, лежат отравленные земли, далее в пустынях копят болезни и поветрия, всюду в степи и в реке плодятся ядовитые гады и коварные кладочники, чьи личинки растут в плоти теплокровных и медленно убивают их... Есть в воде и ведьмины волосы – незримые, тончайшие нити-хищники, обычные для северных болот, но вымываемые дождями и в главное речное течение.

Жить в степи без помощи, тем более в зиму – невозможно, это много раз проверено охотниками и разведчиками. Но дикари-то живут! Сей факт уязвляет гордость населения городов. Создает ощущение неполноценности, будит сомнения. Не зря лично Стратег Осы регулярно продумывает и рекомендует к распространению подробности того, как дикари якобы вымирают. Мол, давно бы издохли все, если бы их не поддерживали и не лечили из милости северные города и не оберегали боевые группы походных поездов юга.

В городах – верят. Но вне стен никто из горожан не может распространять сведения, как не может и собирать их. Даже Стратег, знакомый с докладами по всем городам приморья, степи, пустынь за морем и болот к северу – даже он не способен понять: что мешает ордам дикарей захватить города? Почему в спокойном прищуре глаз степняков, которые приходят к воротам, нет алчности и ревности?

Что для дикарей – город? Не далее как сегодня утром Стратег выходил за стены и наблюдал торг. Он прямо задал свой вопрос старику, которого по ряду признаков отнес к вожакам дикарей. Тот пожал плечами и ответил: «Город – место вне закона мира». Отвернулся и пошел прочь... Стратега посетила мысль, которую он постарался прогнать, запретил себе вспоминать. Додумать её и принять было бы... унижительно.

– Верно, дикари не угрожают. У вас иные сведения? – уточнил глава охраны города Самах, лично сопровождающий важного гостя.

– Нет. Я задал вслух вопрос... общего смысла, – многозначительно вздохнул Стратег. – Глядите, сегодня под стеной собралось тысяч пять. Все молоды и крепки, в них кровь играет, вот-вот начнутся какие-то их праздники. Я вышел и говорил с ними, чтобы наблюдать. Они без оружия. Мы для них не враги, не союзники, не боги и не старшие братья. Хотя они забыли пули и порох, не имеют сложных механизмов, лекарств и многого иного. Если бы они мечтали жить в наших домах, отнять наши запасы пищи, присвоить женщин и оружие, как делали, по слухам, лет триста-четыреста назад... было бы логично. Но – нет!

– Это же... хорошо, – осторожно предположил глава охраны.

– Как может быть «хорошим» то, что вне логики? – раздраженно шепнул Стратег и добавил громче. – Вот еще мысль: как мы, хранители, стратеги и стражи стен, обоснуем свою избранность, если признаем, что вне стен нет явного врага? Я вслух задаю опасные вопросы, страж, ведь я вижу в вас союзника. Ваша жена красавица, и разве она сделала выбор, не учитывая право войти хозяйкой в лучший дом города? Ваши дети... их будущее оберегаемо тем, что дикари – опасны. Не так ли?

– Не скрою, я давно понял, что у стен две стороны, – шепнул глава охраны. – Мне выгодны обе, пока ворота закрыты. Я дорожу угрозой нападения и рад тому, что дикарей много и они страшны. При таком сходстве мнений, что же мы предпримем?

– Сегодня дикари откочуют, так меня уверили. К ночи придут особенные гости. Я мог бы встретить их вне стен... но я вижу в вас не временного союзника, а пожизненного единомышленника и друга. Потому приглашаю участвовать. Вы просигналите светом отсюда в полночь вот в том направлении. Ворота открывать не следует, довольно и калитки. Дом у стены, о котором мы говорили вчера, совершенно пуст?

– Верно. Вы просили, я устроил.

– Просигналив трижды, сразу направляйтесь туда. Думаю, ночь впереди – Стратег улыбнулся, – незабываемая! Я уже встречался с ними, для вас впечатления будут новыми и острыми. Я даже слегка завидую... друг мой.

Круговертъ верховых рябила под стенами, копыта выше и выше взбивали пыль, слабый ветерок тянул рыже-серое облако на город. Запах дикости штурмовал стену, тончайшим прахом оседал на крышах, на каменных мостовых, на листве парка и коже горожан. Он был ядовит – пыльный ветер, он подстрекал вольнодумцев, проникал в сны и мечты молодых...

Стратег отвернулся от степи и стал спускаться с башни. Он знал лучше многих: мир целиком принадлежал предкам. Для них не оставалось неизведанных земель и таинственных горизонтов. Предки были истинными людьми и все вместе образовывали человечество. Да, их общество раздирали внутренние противоречия, но отсюда, со стен Самаха, те конфликты былого кажутся желанными. Предки мыслили в единой системе ценностей и одинаково понимали роль людей, их право. А что теперь?

– Место вне закона мира? – шепнул Стратег и поморщился.

В полночь Стратег отпер калитку и встал у стены, скрестив руки и стараясь хотя бы внешне выглядеть спокойным. Он лучше многих знал, что такое эпидемия. Пятьдесят лет назад великая Ганза почти одновременно потеряла треть населения – треть! Всё началось с совершеннейшей мелочи: на торге кто-то не проверил ткань, натянутую меж сторонами сделки. Дикарь то ли чихал, то ли прикашливал... Даже рукопожатия не было!

С тех пор ткани на торге у городов Ганзы каждые полчаса пробрызгивают дезинфектом. Все товары передают в закрытых корзинах, и, в зависимости от их свойств, протирают спиртом или выдерживают в озоновой камере. В Ганзе есть такая. Люди после торга месяц проводят в карантинных домах.

Конечно, нельзя превращать даже обоснованные страхи в повод к самоизоляции. Пример Ганзы показателен: за полвека, погрязнув в тотальном карантине, северо-западный альянс потерял контроль над значительной частью важнейших дальних путей. Осса воспользовалась шансом и теперь ответственна за походы по пяти большим рекам.

Самоизоляция – смерть! Не зря в городах есть негласное правило, известное лишь хранителям и стражам: каждый десятый ребенок должен, повзрослев, отбыть с поездом в иной город или принять чужака в свою семью. Союзы близкородственных – тоже следствие изоляции, и тоже вымирание.

Но все же впускать дикарей в город... Говорить с ними, пить травяной отвар за одним столом?

– Дело того стоит, – заверил себя Стратег.

Он знал немало важных для рассудка причин решения. Но нехотя признавал и повод, с логикой не связанный. Именно этот повод, надежный, как аркан дикаря, душил Стратега с момента получения вести. Довёл до умопомрачения, выволок к калитке, вынудил всматриваться во тьму до боли в глазах, до иступления. Стратег потянул от горла ворот, вдруг ставший тесным. Уже слышны шаги, но гости молчат, жаль! По голосу он бы сразу узнал... Вот стали видны силуэты – и снова не понять, чудится или же?..

Первым, опережая группу, спешил пожилой поверенный Стратега, это ясно. Он до сорока лет благополучно жил в Пуше, учился медицине и накапливал опыт в диагностике. Поверенный умен, но несамостоятелен. Его мало ценили дома: северяне выше прочих врачей ставят хирургов. Поверенный же неизменно цепенел, взяв в руки скальпель. Удалось вызнать: однажды он совершил ошибку и спихнул её на лучшего друга. Тот был наказан, поскольку промолчал... Позорная тайна, как шило в мешке, затаилась до поры. Чужая, что однажды острие правды изранит репутацию, врач покинул Пуш, стоило сделать ему заманчивое предложение. Он был удобен сразу и стал еще удобнее с годами. Осознал, что преданность Стратегу позволяет не отвечать за ошибки и не опасаться мести. Он – в тени господина. Ему нравится пребывать в тени. Жизнь без свободы и ответственности – его личная стена. В большинстве своем люди ох как нуждаются в стенах! Сами их создают и укрепляют всю жизнь, чтобы сделаться узниками в кольце личных стен...

Стратег усмехнулся. Он многим помог возвести стены страхов и обид, но сам всегда предпочитал высокие места на башнях – оттуда видны слабачки, мечущиеся в лабиринте. Сверху так удобно направлять и управлять...

– Гости здоровы, – шепнул поверенный, кланяясь. – Я проверил по пульсу, дыханию и иным доступным признакам. Однако же вуаль и перчатки, я бы советовал...

Врач неизменно советовал перестраховаться. Такое поведение не стоило путать с искренней заботой о господине, слабачка красивой идеей прикрывал страх ошибиться. Стратег отечески улыбнулся. Натянул перчатки. Вслушался в шаги гостей, в их дыхание. Снял ткань вуали и позволил ей, невесомой, стечь с ладони и упасть на мостовую.

– Я желала увидеть вас. Это судьба, Басиль, – прошептал голос из сумерек. Легкий смех заставил Стратега вздрогнуть. – Вы используете нас, всю семью. Мы надеемся, что по-прежнему полезны. Неравный вес на чашах интересов. Увы, у нас нет выбора.

Стратег проглотил жар, щекочущий горло. Сейчас он с отвращением наблюдал за своим состоянием. Опять тяжесть в груди, сбитое дыхание и жажда... слишком внятная. Никто не смеет звать его по имени. Никто, ведь довольно поклониться и указать уникальный статус – стратег всей Оссы. Или просто – Стратег. Он отвык от звучания имени... Сейчас имя разжигает жажду и осложняет предстоящие переговоры.

– Мы примем вас в гостевом доме, – Стратег с гордостью отметил: голос не дрогнул, остался деловым, чуть надменным. Таков и должен быть тон хозяина положения. – Это честь и доверие, вы сознаете?

– О да, Стратег, припадаю к вашим стопам, – мужской голос тоже знаком. Как обычно, гость выговаривал приветствие на чуть искаженном альраби. – Я явился, исполнив обещанное, о сиятельный.

– Ты надежный человек, Идри. Рад видеть в здравии тебя и весь твой дом.

Стратег величаво кивнул, заставил себя отвернуться и возглавить шествие. И не смотреть на гостя, и тем более не глазеть на его жен, укутанных во многие слои ткани. Идри – так назвался гость двадцать лет назад, при знакомстве. Тогда он был мальчишкой, и в свои четырнадцать только собирался взять первую жену. Явился под стены главного города Оссы, чтобы добыть украшение предков. Золотое, с камнями наилучшей огранки, какую теперь никто не повторит. Басиль еще не был Стратегом, он едва приобрел статус второго стража стен. Но глаз уже был наметан, привычка оценивать людей выработалась... Басиль сразу выделил вертлявого юнца из толпы и ценою золотой безделушки купил сперва его интерес, затем привязанность и после, пожалуй, даже преданность. Идри расплатился сполна: спрятал в тайнике у стен карту степи, им же и нарисованную, новейшую. За новую золотую безделушку Идри исполнил еще одно задание, и еще... Стал для Стратега незаменимым источником знаний о мире вне стен.

Идри так и не понял своей ценности. Охотно брался за любые задания, чтобы нанизывать новые перстни на пальцы жен – первой, затем второй и, наконец, третьей, младшей... Именно её Стратег мельком увидел пять лет назад, совсем девочкой. Был сильный ветер, покрывало сбилось. Он помог придержать... девушка хихикнула: «Я – Сулаф, добрый господин. Кого мне благодарить за спасенную честь?»... Он назвался. Услышал горячий шепот: «Благодарю, Басиль». Два слова. Два вдоха, которые год отдавались эхом во снах, став и пыткой, и наслаждением.

Стратег Оссы никогда не позволил бы себе сойти с ума из-за дикарки. Он контролировал рассудок. А сны... кто знал о них? Кто смог бы воспользоваться слабостью, сокрытой глубоко в душе?

Стратег первым вошел в зал, подготовленный для переговоров. Расположился на подушках за низким столиком. Рядом устроился первый страж стен Самаха. Напротив сел на пятки, прежде поклонившись в пол, смущенный Идри: он не надеялся быть принятым в городе. За спиной господина, в полушаге, устроились жены, по сторонам от них – дети. Идри привел двоих, юношу лет пятнадцати и девушку-ребенка. Стратег мельком взглянул на тонкую фигурку. Сколько ей? Двенадцать? Еще не укутана в ткани целиком, значит, не просватана, даже не обещана никому. Волосы покрыты: она вступила в пору созревания.

– Ты выглядишь старше, друг мой, – изучая морщины на загорелом до черноты лице Идри, грустно предположил Стратег. – Тяжела жизнь вне стен?

– Тяжела, – согласился Идри. – Но мы живем подобием города, о том говорю при каждой встрече. Ведь надеюсь, что однажды мы найдем место в вашем мире. А пока... я похоронил старшую жену. Взял новую, но детей она не дала. У нас говорят – сухой год. Однако вот дитя

самого моего сочного года, – Идри указал на девочку. – Она поможет исполнить обещание, непосильное мне, о сиятельный.

– Хм... Трудно представить, – надменно, после паузы, удивился Стратег.

Он, конечно же, помнил задание, оставшееся неисполненным. Был по-прежнему готов обменивать уникальные украшения с рубинами древней огранки на сведения об укладе жизни дикарей степи – настоящих, вроде того старика, сказавшего о городе «место вне законов мира». Сам Идри не был в полном смысле дикарем, он в первую встречу поведал, что родился и каждую зиму возвращается в пещерное поселение. Называл свой убогий дом – городом. Идри оказался редким в нынешней степи существом, нужным и понятным Стратегу: суеверный, угодливый, завистливый...

– Дочь крепка здоровьем. Красоту её заметит всякий дикарь. Невинность поможет ей войти в семью если не женой, то весенней девой.

Стратег кивнул. Он помнил все сообщения, полученные от Идри, все беседы с ним. «Весенней девой» дикари звали ту, кто по разным причинам не может или не желает вступить в брак, но выбирает здорового мужчину, чтобы сопровождать его по крайней мере год, надеясь выносить сильного и ценного наследника. Обыкновенно сговор происходит по весне.

– Она что, должна остаться в городе на зиму? – нахмурился Стратег. – Неудобно. Даже так скажу: невозможно.

Пояснения вряд ли требовались. Впустить в кольцо стен невесть кого, без карантина? Оставить здесь, в Самахе, у скороспелого союзника? Или взять дикарку в поезд до Оссы... Абсурд. В поезде каждый на виду. Будут неизбежны огромные потери авторитета. Да и риск... Стратег нехотя, удивляясь себе, начал продумывать возможные обоснования для приема гостыи. Тряхнул головой, прогнал мысли. Снова к ним вернулся. Интерес к тайнам степи уже обошелся недешево, но голод не удовлетворен! Вдруг такая возможность... Девицу можно с определенным риском пристроить в Самахе, если надавить на нового союзника. Вот только – чем и как? Страх использовать или амбиции? И стоит ли предложение Идри подобных затрат? Слухи, переоценка многими веса слов и дел Стратега... слишком хлопотно!

– Невозможно забрать её в Оссу, – Стратег поморщился. – Между тем, само ваше обещание звучит крайне ненадежно. Это...

– Моя дочь исполнит должное до холодов, – прошелестел голос Сулаф. – Дикари вернуться под стены очень скоро, о добрый господин.

– Мне удалось передать им сообщение, – Идри взял беседу в свои руки. – Дикари получили описание оружия предков. Это их великая реликвия.

Идри шелкнул пальцами, и сын быстро передал ему темный сверток. Мужчина трижды поклонился, прошептал несколько напевных слов и раскрыл складки ткани. Стратег постарался достоверно охнуть, якобы пораженный красотой клинка. Он пристально, недоуменно наблюдал лицо Идри. Никогда прежде этот человек не приходил с подарком. Никогда! Он изначально был попрошайкой, он вел себя так и безропотно терпел соответствующее ответное пренебрежение.

– Когда будет исполнено задание, мы бы желали войти в ворота одного из городов Оссы, – прямо глядя в глаза стратега, сказал Идри. – Ради меньшего я не отдам вам, господин, и реликвию, и дочь. Я должен получить нерушимое подтверждение своих надежд. Вы правы, я старею. Здесь и сейчас мы достигнем согласия или расстанемся. Окончательно.

– Даже так, – внезапная решимость полудикого союзника казалась Стратегу и забавной, и неудобной. Тем более при новом «друге», страже стен Самаха, от которого в деле зависело слишком многое. – Ты пробуешь приказывать... мне?

– Со всем почтением, – Идри поклонился, коснулся лбом низкого столика, – пробую выжить. Вам следует все обсудить, понимаю. Я покину дом, но оставлю Сулаф. Возможно, так вам будет проще принять решение, господин.

Идри отполз на два шага, кланяясь в пол. Семья двигалась одновременно с ним. Только Сулаф – средняя из женщин – замерла на прежнем месте. Идри толкнул её, вынудил встать. Отвернулся и быстро прошагал к дверям. За ним последовала семья.

– Вы правы, занято, – это были первые за вечер слова стража стен. – Но что...

– Господин вышел и тем дал понять, я не жена ему, я наложница, – едва слышно выдохнула Сулаф. Под тканью мелькнули длинные дрожащие пальцы. Дотянулись до края покрывала. – Я не родила сына. Плохо.

Ткань разматывалась медленно, но непрерывно, и Стратег понимал, что ему очень трудно дышать. На сей раз скрыть волнение почти невозможно. Ткань, слой за слоем, сползла на пол... вся. Звякнули крохотные бубенчики – они крепились к кольцам, которые Сулаф только что надела на средние пальцы обеих рук. Женщина смотрела в пол, её руки нехотя, медленно сминали головное покрывало и оттягивали на затылок, на спину... Длинные волнистые волосы высвободились и целиком накрыли сгорбленную фигурку. Они казались красной медью, яркой и одновременно темной – ночной... Матово-белые пальцы прочесали волосы, отбросили назад. Сулаф выпрямилась. Её глаза оставались закрытыми.

Стратег проглотил клубок жара, перекрывший горло, и тот раскаленным камнем рухнул в живот. Лицо Сулаф оказалось прекраснее её голоса! Много удивительнее и ярче того образа, что являлся во снах. Но, как и во снах, тело Сулаф прикрывал лишь трепетный шелк короткой рубахи. Это было полностью развитое, совершенное тело женщины, не утратившей детскую упругость и свежесть кожи. Ни единой складки жира... Крупные округлые груди, плоский живот, легчайшие руки и длинные мускулистые ноги... Все это совершенство гибко скручивалось в танце, то прикрываемое волнами волос, то доступное взору. Вожаемое до исступления! Стратег не мог пошевелиться, более не владел собой. Не мог даже закрыть глаза, чтобы вернуть рассудок...

Вне танца, вне удушающего пожара эмоций, оставался отчасти подконтролен воле слух: Стратег с отвращением разбирал, как рядом сопит и рычит страж стен. Он ворочался, под весом его туши похрустывали доски пола... Стратег всё слышал – и не желал анализировать поведение спутника. Стратег из последних сил сберегал каменную неподвижность, словно она – оплот разума... Но танец горел, и камень рассудка плавился. Жар тек по телу, жар нашептывал невозможное и отчаянно желанное! Жар пробирался глубже, ниже...

Наконец, танец иссяк. Женщина закрыла лицо ладонями, упала на колени, дернула к себе покрывало, укуталась с головой. Она чуть слышно всхлипывала. Весь мир в такт дыханию Сулаф то сжимался, то делался безмерным... Мир схлопывался в точку сплошной боли – и вновь разрастался, наполнялся невозможным счастьем. Постепенно дыхание женщины выравнивалось, мысли Стратега унимали бег, сбивались в подобие стада – пастух-рассудок сгонял их, трудился неустанно. И выматывался, изнемогал.

– Мною Идри оплатит право жить в городе, – шепнула Сулаф. – Я исполню любые ваши желания. Меня можно... использовать дома и дарить друзьям. Прежний господин был добр и никому не дарил меня. Обещал признать женой, когда рожу сына. Он долго ждал. Он вправе гневаться.

Сулаф стала отползать, прячась под ворохом ткани.

Лишь когда дверь закрылась за наложницей, Стратег несколько раз сжал и расслабил кулак, и лишь затем уверенно протянул руку, обхватил горло кувшина. Налил травяного отвара в свой бокал, а затем в бокал стража. Дыхание окончательно выровнялось, Стратег выпил и позволил себе повернуть голову. Теперь он контролировал тело, слух и зрение. Он снова был способен мыслить и возвращал себе дар примечать мелочи и анализировать невнятные прочим знаки...

Страж стен – ненужный зритель дивного танца – всё еще пребывал вне рассудка. Он валялся... эдаким мешком похоти. Пустыми глазами пялился в потолок. Из уголка рта протянулась слюнная дорожка... Вот он сморгнул, осознал себя и сел, опираясь на нетвердые руки.

– Невероятно, – выдохнул страж. Вцепился в бокал, выхлебал его, сжал... и недоуменно вслушался в хруст. Стряхнул с ладоней осколки, слизнул кровь и усмехнулся жадно, деловито. – Так она – вещь? Ваша, полностью? Веская причина для нашей дружбы... Я не могу забрать её себе даже на время, тем более прямо теперь. Но мы многое обсудим, и, если я дам место гонимой семье... не мне предложено, но город-то мой. Кого желаю, впусти, кого не желаю, не выпущу. Нет! Я... запутался. Кого желаю – не выпущу!

Страж расхохотался и резко смолк.

– Они дикари, мы люди города, – отчеканил Стратег. – Не теряйте голову. Нынешний торг опаснее и сложнее, чем вам показалось. Но я предупреждал, ночь будет незабываемой.

Страж опять расхохотался – пьяно, громко. Кивнул и уставился на дверь, чуть покачиваясь.

– Младшую хочу, – пробормотал он. – Хочу! Дикари ушли и вряд ли вернутся из-за железки. Но эти пусть оставят хоть одну девку, в зиму я за ней... присмотрю.

Стратег досадливо взгляделся в лицо нового союзника: доводы логики не принесут пользы. Хуже, он сам прямо теперь не желает искать нужные слова.

Стратег отвернулся и без интереса посмотрел на потертые ножны «оружия предков», якобы ценного для дикарей. Вдруг отчетливо представил, как всаживает клинок в брюхо похотливого «друга». Делить Сулаф с ничтожеством? Нет уж, другу самое то – выдавить глаза, которые увидели лишнее! Увы, страж не ослеп... и не забудет увиденного и услышанного.

Рука Стратега плашмя легла на столешницу и резко надавила на древесину. Широкое основание перстня на безымянном пальце чуть раздалось... Стратег моющим движением потер руки, затем потянулся, поставил перед стражем чистый бокал, наполнил отваром. Пальцы чуть дрогнули – и мизинец оказался на миг погружен в жидкость. Страж ничего не заметил, продолжая прожигать взором дверь.

– Следует отдать распоряжение, чтобы никто посторонний не явился в гостевой дом, – вслух подумал Стратег. – Судите сами: надо обеспечить для нас возможность поступить с девицей и её матерью так, как пожелаем. Без угрозы осуждения и обнаружения иными людьми. Вы согласны?

– Во-во, лишние глаза и уши во вред, – страж нащупал бокал, жадно опустошил. – Распоряжусь. Да! Именно сам. Надо сменить людей на стене и вывести из-под наблюдения дом и двор. Дом и двор. Да... Никто не вякнет. Гоните дикаря, но девки пусть будут здесь, обе. – Страж усмехнулся. – Младшую возьму я. Только так. Сразу. Здесь.

– Друг мой, до чего удачно, что наши вкусы в отношении женщин различны, – Стратег безмятежно улыбнулся. – Меня не прельщают неразвитые и неопытные подростки. Идите, приготовьте необходимое. Я тем временем завершу торг.

Страж рывком поднялся. Поспешил удалиться через дверь, ведущую во внутренний коридор, чем Стратег остался особенно доволен. Он выждал, пока стихнут шаги и позвал Идри. Дикарь церемонно явился, сопровождаемый семьей.

– Я оценил дар, – Стратег сразу перешел к делу. – До холодов доставь мою наложницу к стенам города Каффа. Скоро я вернусь туда с поездом и все подготовлю. Вам откроют калитку. Предупреждаю, придется зимовать в карантине, это неизбежно. Условие: Сулаф представишь вдовой из малого города на севере степи. Скажешь, её муж погиб в бою с дикарями, когда они шли с поедом в иной город. Так мы уладим часть вопросов. Ты обретешь право на вознаграждение, поскольку спас человека города. Она обретет удобный для меня статус.

– Повинуюсь, – Идри склонился, не пряча торжества в жадном взоре.

– Дикари действительно вернутся под стены Самаха? Насколько скоро?

– Уже завтра утром. Ценность клинка для них огромна.

– Но, предположим, они примут клинок и откажутся от девицы?

– Назовите сговор первым шагом к согласию степи и города, к вхождению в мир, – повел рукой Идри, отменяя сомнения. – Предложите: пусть один из атаманов породнится, не обязательно значимый. Клинок отдайте, не касаясь ни ножен, ни рукояти. Они будут довольны.

Стратег обдумал услышанное, хлопнул в ладоши. В комнату заглянул, кланяясь и ожидая указаний, поверенный. Он до сего мига тихо ждал в коридоре, как и было оговорено.

– Принеси девочке городскую одежду, – велел Стратег. Помолчал, некоторое время забавляясь нескрываемым торжеством Идри, особенно заметным на фоне каменной неподвижности остальных членов семьи. – Да: пусть девочка выйдет в эту дверь и подождет. Сулаф пока останется, мне надо сказать ей несколько слов. Идри и прочие – вон. Разговор окончен.

Когда обе двери закрылись и всё стихло, женщина отбросила с лица покрывало и прямо посмотрела на нового хозяина. Грустно улыбнулась.

– Твой друг очень жадный, Басиль. У тебя много таких друзей?

– Моя жена умерла, – стратег спокойно приговорил еще живую жену. – Ты войдешь в мой дом хозяйкой. Но я не готов получить хоть на ноготь меньше, чем... всё. Ты слышала – всё! До последней мыслишки, Сулаф. Ты ведь сможешь научиться любить меня, понимать меня и быть всегда на моей стороне?

– Прежде скажи: ты отдашь мою дочь тому, второму, кто смотрел танец? Он вернется и востребует, я сразу поняла, – женщина поморщилась. – Навозник. Он будет медленно и больно убивать её... и, даже убив, не уймется.

– Он никогда не вернется. И вот что: ты не слишком переживаешь за дитя, мне это очевидно. Получается, отдать её дикарям не опасно?

– С дикарями она сладит, – улыбка Сулаф получилась обворожительно мягкой, но ничуть не теплой. Женщина пересела к свертку с клинком и погладила ножны кончиками пальцев. – Я с первой встречи хранила твоё имя, Басиль. Я смотрела на тебя много раз... кто молчит в разговоре, тот видит невысказанное. Ты клинок, Басиль. Острый, холодный. Никто не видит узора твоей души. Ты причиняешь смерть и не ржавеешь в сомнениях. Я – ножны, я стану обнимать тебя крепко и бережно. Но знаешь... я прочту узор твоей обнаженной души, став ножнами. Не боишься?

– С этой ночи не смей сбросить перед кем-то покрывало, – Стратег качнулся вперед. – Идри груб с тобой?

– Сначала он был жадным. Теперь ищет насыщение у иного стола. Басиль, я еще молода. До Каффы далеко. Я в пути тоже стану... жадной.

Сулаф тихонько рассмеялась, её пальцы показались из-под покрывала, коснулись щеки Стратега и легко, как танцующие пушинки, соскользнули по плечу, тронули бок и чуть плотнее – бедро. Сулаф на миг задержала руку – и скользнула прочь. Едва слышно стукнула дверь. Стратег долго стоял, не в силах пошевелиться. Наконец, он повел плечами, встряхнулся... и с новой настороженностью посмотрел на сверток с клинком. Подошел к зеркалу и, наблюдая себя, начал править выражение лица, покуда не остался доволен достоверностью надменного покоя. «Зима во взгляде далека от оттепелей», – подумав так, Стратег покинул дом. Коротким жестом пригласил Идри следовать за собой.

– Убирайтесь от стен немедленно. Да: в Каффе вас будут ждать к холодам, не ранее. Извольте явиться в жалком виде, заготовьте ценные сведения о дикарях и сказочку о том, как вас гнали и травили. Холода и полезность, запомни. Два указанных обстоятельства позволят мне обосновать милосердие, которое я запрошу и получу для вас.

– Моя дочь, – напомнил Идри, настороженно заглядывая в лицо. – Клинок... уговор...

– Не дай моей женщине повода жаловаться в Каффе, и слово не будет нарушено. Прощай пока что.

Ленивым жестом Стратег указал на темный прямоугольник лаза под стеной —узкого, устроенного так, чтобы пропустить лишь одного человека, трущегося плечами о каменную кладку. Идри ушел первым, Сулаф — последней.

Стратег долго смотрел вслед... Двое из его личной охраны налегли на запорное колесо и прокрутили его несколько раз. «Калитка» со щелчком встала на место. Она была очень тяжелой и имела толщину в метр, не менее. Стратег отвернулся и заспешил в гостевой дом.

Дочь Сулаф успела переодеться и теперь сидела, глядя в пол. Она походила на мать разве что цветом кожи — молочной с синими прожилками сосудов. Лицо имела треугольное, с маленькими пухлыми губами, хотя у матери — овальное и куда более соразмерное. Брови у девочки были едва намеченные, светлые, как и бледно-золотистая, довольно тощая коса. А волосы матери — ночная бронза... Глаза у девочки крупные, почти круглые, серо-голубые. Захотелось вспомнить: каковы они у Сулаф? Темные... жгучие... очень темные, и разрез — косо вверх, к виску. Ни малейшего сходства! Ни в чем... Но вряд ли стоит допрашивать девочку сейчас или позже. Если она и не родная в семье, тем более не признается. Ей не привыкать подчиняться. Вот и теперь, в городской одежде, она чувствует себя ужасно — но молча терпит. Жадные взгляды стража стены она заметила, но не смеет спросить о нем. Значит, есть для «дочери» нечто столь весомое, чтобы уравновесить груз предстоящих невзгод.

— В Самахе говорят на южном тартаре, — Стратег использовал именно этот диалект, без малейшего акцента. — Ты знаешь язык?

Он говорил небыстро и раздельно. Стоял у двери и смотрел сверху вниз, намеренно пристально и бесцеремонно.

— Да, господин, — голос девочки оказался высоким и звонким, она стеснялась и шептала, срывалась в писк и сразу прикрывала рот ладонью.

— Выпрямись. Не смей опускать взгляд. Не смей плакать. У тебя было время подготовиться. Одна ошибка, и я отдам тебя тому человеку, что сидел со мной рядом. Знаешь, чего он потребует? Он в своем праве, здесь его город.

— Да, господин. Никаких ошибок, господин.

Кожа девочки сделалась серо-желтой, пальцы мелко задрожали, и девочка их сцепила в замок. Стало лишь хуже, дрожали теперь и руки, и даже плечи.

— Ты здорова? Почему дрожишь? Ты голодна?

Каждый вопрос, заданный резким тоном, был словно удар кнута. Заставлял девочку прогнуть спину. Стратег не прекращал пытки словами. Он сомневался, что блеклое создание будет полезно в торге с дикарями. Тощая, как палка. Руки-прутики. Продолжает плакать, хотя ей запрещено. Смотрит в пол... Вот сделала над собой усилие, начала выпрямлять спину. Вытерла щеки руками, по-прежнему судорожно сжатыми в замок. Заставила себя смотреть на стену возле плеча Стратега. Медленно, ужасающе медленно и трудно, растянула сухие губы в подобие улыбки. Зубы несколько раз цокнули и сжались плотно, надежно.

— Я задал вопросы.

— Здорова. Ела... утром. Вчера. Господин.

— Не кланяйся в пол. В городе не принято. Меня следует звать Стратег, но можно опустить это слово. Чем короче ответ, тем он удобнее для меня. Запрещаю говорить с кем-либо в городе. Мой поверенный сопроводит тебя и скажет любому постороннему, что ты немая. Так лучше, у тебя отвратительный тягучий акцент. И вдобавок икота. — Стратег прошел через комнату, нагнулся над девочкой, стащил с её волос шарф, встряхнул и бросил на плечи. Расстегнул верхнюю пуговицу рубахи, поправил вышитый воротник. — Юрик, найди ей бусы, — громко велел Стратег. — Крупные и длинные, чтобы она могла занять руки. Захвати еще золотую цепочку работы предков. Короткую, и к ней подвеску с зеленым камнем. Сюда. Вдруг дикари оценят?

Стратег ткнул пальцем в ямку меж ключиц. Девочка вздрогнула и клацнула зубами. Но – не заплакала. Быстро выпрямила спину, подняла голову, хотя шея дёрнулась, хотя на пальцах рук, сведенных в замок, совсем побелели костяшки.

– Ты старательная. – Стратег усмехнулся и отодвинулся на шаг. – Встань. Пройдись. Голову выше. Не сутулься. Что скажешь дикарям, если спросят о городе?

– Я много болела, всегда была дома. Мама боялась, что я простужусь, – залепетала девочка. – Мама умерла. Теперь у меня нет дома. Дальше – плакать. Так мне велено, господин... Стратег.

– Неглупо. Твое имя. Я должен назвать какое-то имя тем, за стеной.

– Арина. Им будет удобно такое имя, госп... Простите.

– А вот и Юрий.

Стратег с усмешкой глянул на поверенного. Он сам не мог понять, отчего срывает злость на девчонке и тем более – зачем вдруг назвал личного врача уничижительным прозвищем? Внутри натянулась до предела опасная нить, незнакомая логике, неконтролируемая рассудком. Именно такая особенность этой нити взвинтила нервы, даже – напугала. И еще Стратег знал: если нить лопнет, он окончательно утратит самоконтроль. Это недопустимо.

– Жди, Арина. За тобой придет он. Его имя Юрий. Он принесет поесть. О дикарях. Я должен выбрать тебе мужа? Должен дать ему... подарки? Теплую одежду, что-то еще?

– Я вынесу клинок. Прочее дикари решат сами, так сказала матушка, – шепнула, заливаясь краской, девочка. – Вам не придется беспокоиться.

Стратег кивнул и перенес внимание на поверенного. Тот как раз принес ожерелье из крупных ярких шариков с бронзовыми проставками. Бережно передал мешочек с золотой цепочкой. Стратег бросил обе вещицы девочке на колени. Благоклонно улыбнулся поверенному и, назвав его «друг Юрий», мягким тоном велел обеспечить дикарку вязаной кофтой. С тем и покинул зал, жестом пригласив поверенного выйти в коридор.

Там Стратег постоял, прикрыв глаза. Затем требовательно протянул руку, запястьем вверх. Выждал, пока Юрий считает пульс и трогает пальцы, проверяет влажность или сухость кожи, её теплоту. Всматривается в зрачки.

– Вижу признаки колоссального гормонального выброса. Очень яркое, комплексное воздействие! Но я проверил пищу, воду... Не понимаю, моей вины нет, но буду искать, – смутился врач. Осторожно покосился на Стратега и не заметил порицания. – Стресс и что-то еще, я буду думать. Да, ваш... новый друг. У него иная картина, степень подверженности намного выше. Я проводил его и наблюдал, – врач придвинулся и зашептал в ухо. – Пока нет явных признаков, но я заметил, ваш перстень вскрыт. Мне ускорить неизбежное или же оттянуть?

– Я растворил две крупинки, он выпил бокал до дна. Срок?

– Спутанность мыслей уже теперь. Затрудненное дыхание в течение часа. Буйное безумие и жажда смерти – на рассвете.

– Не вмешивайся. Разве что он доберется сюда. Тогда действуй по усмотрению. Помни: девочка должна отбыть к новым хозяевам в приемлемом состоянии.

– Я буду здесь и прослежу.

– Хорошо же, – Стратег откинулся на стену, тронул кожу на щеке и растер в пальцах незримое, внятное ему одному тепло прикосновения Сулаф. – Есть смотровая щель из коридора, через зеркало односторонней прозрачности. Ты... тоже видел танец?

– Ракурс был неудобным. Что сказать? Женщина низкосортная по генетической шкале. Полагаю возможным даже уровень «гамма», то есть критически нестабильный. Хотя её потомство жизнеспособно. Я отметил избыточную подвижность суставов и детскую упругость связок. У неё длинные конечности, угол схождения ребер очень острый, это признак...

– Прости за грубый вопрос, но... Ты ведь не кастрат? – Стратег пристально всмотрелся в глаза поверенного.

– Ах, привлекательность? Не было времени оценить. У меня это... гм... профессиональное. Я на работе, голое тело – пациент или труп. Гм, кстати, – поверенный прокашлялся во второй раз. – Вы ведь добьетесь для меня права вскрыть труп самоубийцы, когда таковой образуется? У объекта оптимальный возраст и превосходное развитие мышечного каркаса. Мне надо практиковаться.

– Каждому свое, – усмехнулся Стратег и зашагал прочь.

Он наконец-то ощутил покой и вспомнил со всей отчетливостью: в эту ночь дикари дышали рядом, в комнате без разгораживающей ткани. Приближались вплотную! Следует вымыться, тщательно протереть кожу. Выпить заранее приготовленные настойки для укрепления здоровья. Очень важно закончить процедуры, раздеться и лечь в постель до того, как начнется переполох. Стратег Оссы здесь уважаемый гость. Едва дикари вернутся и зашумят, Стратегу униженно поклонятся гордецы – хранители власти Самаха. Им придется много раз извиниться за вторжение, ведь иного выхода нет: страж стен свел счеты с жизнью, а под стенами ни свет ни заря – дикари. Впервые за много лет они злы и чего-то требуют!

– При удачном раскладе я смогу получить договор о намерениях города войти в состав Оссы, а в довесок умную наложницу и личного осведомителя в стане дикарей. Втрое больше, чем ждал от рутинной поездки в кичливый и скучный Самах, – беззвучно шепнул Стратег, быстро шагая к своему временному жилью.

Он даже улыбнулся, приветствуя близкий рассвет. И сразу зябко поежился: спину протянуло ознобом. Словно издали, из-за стен, проник порыв осеннего ветерка. И еще туже натянул струну, незнакомую и опасную струну, звенящую глубоко в душе.

Дневник наблюдателя. Механизм кроп-катастрофы

Внимание! То, что я излагаю далее, полностью является домыслами – моими и ряда сторонних личностей разного уровня интеллекта и информированности. Доказательный базис слаб и неполон. Наши взгляды во многом не совпадают, оценки событий и явлений разнородны. И все же вот как я вижу мозаику, собранную из нестыкуемых осколков.

Первое и очень важное. Программа кроп-влияния на геном человека, инициированная во имя иной задачи – перемещения ценного социума – может быть фиктивна, как и само переселение. Ложные сверхзадачи характерны в глобальных проектах по добыче власти и денег, они успешно коррелируются с форматом активности элиты, который именовался в прежнем мире «коррупция». Они также совместимы с форматом управления двух уровней: публичного (легитимного) и реального.

Механизм ложного целеполагания сам по себе универсален, вот он: заявить об угрозе – дать рецепт спасения, ограничив круг осведомлённых – получить ресурсы под очень слабым контролем – вести некие работы, утилизируя ресурсы и продуцируя хотя бы минимум фактуры, необходимой для отчётности.

Именно в связи с практикой ложного целеполагания для меня актуален вопрос: была ли подлинной угроза извержения супервулкана, реален ли был прогнозный срок?

Не могу установить, верили ли инициаторы проекта в переселение, намеревались ли на самом деле опустошать избранную территорию? Был ли подготовлен план эвакуации избранного социума – авиацией, флотом? Или же депопуляция для ряда регионов была проектом иного толка и создавалась как один из механизмов сокращения численности малоценного населения в условиях растущего дефицита природных ресурсов? Есть причины полагать, что иные программы депопуляции тоже были задействованы в разное время и в разных регионах. Например, проекты конструирования вирусов.

Увы, у меня нет данных, и получить их теперь не у кого. Люди того времени – они все умерли, одни раньше и без большой боли, другие позже и мучительно.

Подавляющее большинство личностей и псевдоличностей, составляющих меня – нынешнего Алекса – искренне желают верить, что инициаторы кроп-катастрофы добрались до бункеров и выживали под землей долго и несчастливо, как затравленные крысы. Ведь они посеяли бурю – и должны были пожать последствия, лично!

Хватит о нелогичном и частном. Я предпочитаю говорить о ранее озвученной теории множественных триггеров – спусковых крючков процесса разрушения генома.

Я старательно удалил из своей памяти формулу вещества, которое было обнаружено не мною в первые годы кроп-катастрофы. Но я сохранил все предположения и выводы группы ученых, проводившей соответствующие исследования. Эти люди, увы, были уже мертвы, когда я получил их сигнал, расшифровал и прибыл на место. Они не успели ни спасти себя, ни дать надежду другим. Хуже: они умерли в отчаянии, придя к пониманию неустранимости кроп-фактора в обозримом для них будущем.

Вот суть исследования. Один из «триггеров» имел вид водорастворимого порошка белого цвета, без вкуса и запаха. Порошок казался безопасным во всех отношениях: негорючий, не ядовитый, не способный активизировать реакции. Однако же, согласно неклассическим исследованиям, которые провела та погибшая группа, удалось выявить: порошок, будучи разбавленным водой именно в гомеопатически ничтожной дозировке, менял свойства воды. Причем, перемены имели характер кумулятивный и качественный. Они накапливались, а затем скачкообразно запускали кроп-перемены. Есть причины предполагать, что для изменения состояния концентрация должна была стать постоянной и равномерной в большом объеме воды.

Речь идет о так называемом «эффекте памяти» воды, или об аккумулировании информации. Общеизвестно, что кристаллы снежинок под микроскопом приобретают принципиально разную форму в зависимости от того, какой музыкой «обработана» жидкость. Это наиболее наглядный пример накопления информации.

После добавления микродоз порошка и некоторой выдержки вода теряла способность аккумулировать и интерпретировать информацию. Кроп-снежинки описывались группой как «аморфные образования», «объекты случайной и крайне примитивной формы», «деградированные, изуродованные эрозией сферы». О непривычной форме снежинок в первые годы кроп-катастрофы говорили многие. Но лишь эта группа связала явление с конкретным веществом.

Группа пыталась установить, как может влиять на организм вода, утратившая память. Ведь человек, и это общеизвестно, на 60—80% состоит из воды. Было выявлено следующее: «пустая вода» не сразу разрушает геном. Происходит накопление критической дозы, и лишь затем следует взрывообразная деградация любой информации, в первую очередь – генетической.

Далее – мои предположения. Вероятно, белый порошок, который та группа назвала «стиратель» был синтезирован в рамках кроп-программы как вспомогательное вещество. В высоких и средних концентрациях он вел себя иначе, чем в гомеопатических.

Так или иначе, в высоких концентрациях порошок хорошо смягчал воду и повышал эффективность моющих средств. Он оказался экстремально дешевым в производстве – так уж сложилось. «Триггеры» кроп-программы, которые признавались по-настоящему опасными, вводились в базу, содержащую и смягчитель. Эти триггеры описывались для непосвященных как «следы неполной очистки, допустимые примеси».

В рамках этапа маркирования целевой группы населения «стиратель» с добавками начал поставаться индустрии бытовой химии. Для содержащих «стиратель» продуктов было проработано маркетинговое таргетирование с локализацией рынка сбыта.

Дальнейшее, на мой взгляд, было неизбежно, как смена сезонов года... Выгода и хорошие отзывы о чистящих средствах стали началом конца. Один из подрядчиков проекта модифицировал порошок, удалил из него опасные примеси и выпустил «стиратель» на иные рынки, более емкие. Уже – бесконтрольно. Так, полагаю, и началось накопление критической кроп-массы.

Вода, использованная в городах и поселках, сливалась в очистные сооружения, но «стиратель» не отфильтровывался и не оседал. Он распространялся, разбавлялся, достигал относительно равномерной гомеопатической концентрации, которая обладала способностью изменить свойства всего объема воды, «опустошить» её.

В аэропорту Амстердама в дни активации идентичности Алекса сошлось несколько факторов, в их фокусе спонтанно проявил себя кроп-инцидент.

Фоном для локальной катастрофы – первой и территориально ограниченной – стала высочайшая влажность воздуха, более ста процентов, которая держалась около месяца. Территория к тому моменту была ниже уровня моря, насыщенность почв влагой тоже превышала средние значения.

Отягчающим обстоятельством стало употребление группой первых пострадавших синтетического наркотика на водной основе. Кстати, именно указанный факт надолго ввел в заблуждение всех, кто по горячим следам расследовал инцидент. Социальным триггером массовой дестабилизации психики людей в Амстердаме стал теракт очередного безумца. Фоном – иррациональность локального социума, возвысившего до небес свободу личности и не принимавшего гигиенические (в психике, образе жизни) ограничения.

Итак, вот описание первичного инцидента.

Теракт ввел участников и свидетелей в состояние стресса. Выброс гормонов, срыв эмоциональных и психических «стоп-кранов» подтолкнул реакцию, и кроп-воздействие произошло в худшей и наиболее стремительной форме. Я храню короткое видео с камер аэропорта:

взрыв, люди кричат, мечутся, бьются в припадке... и стекают бесформенной массой на пол. В считанные мгновения тела превращаются в лужицы желе. Проходит не более минуты по таймеру видео – и в опустевшей таможенной зоне остаются лишь пятна слизи и пустая одежда.

Шокирующие кадры в первый же день попали в сеть и на телевидение. Паника распространилась быстрее пожара в зоне аэропорта, затем в городе. Ни причин происходящего, ни средств лечения, ни мер профилактики никто не мог указать. Власти делали нелепые, взаимоисключающие заявления и тем усугубляли панику. Врачи и ученые искали очевидное: вирус, бактерию, яд, активное вещество, катализатор процесса.

Нервное напряжение нарастало. Под давлением неизвестности люди массово впадали в отчаяние или буйство. Включился эффект толпы.

Добавлю еще один штрих в картину. Террористы публично присвоили себе горькие плоды первого кроп-воздействия. Церковь всех ветвей вспомнила о Содоме и Гоморре – а репутация Амстердама давала к тому основания. Истерия усилилась. Лужи желе и пустая одежда – то и другое стали замечать на улицах. Сделалось очевидно: страшная участь угрожает каждому. Никто не знал, живы ли соседи. Никто не понимал, как остаться человеком.

Три дня власти пытались локализовать безумие в пределах аэропорта и упрямо отрицали массовость жертв. В следующие четыре дня были мобилизованы научные силы, службы спасения и наблюдатели из иных регионов. Именно тогда были засняты на видео факты мгновенного превращения в желе прямо на улицах города.

Меры карантина были объявлены незамедлительно, но сводились к стандарту предотвращения эпидемии: маски, перчатки, ограничение контактов. Все это никак не могло решить проблему. Паника не прекращалась.

На восьмой день было принято решение ввести в город войска.

Ситуация вернулась под контроль властей к одиннадцатому дню.

Для науки и служб спасения надолго осталось неочевидным то, что ни защитный костюм, ни герметичная оболочка не ограждают от кроп-воздействия. Тому способствовала статистика: среди военных практически не было жертв. Но дело не в защите. У военных крепкие нервы, а влажность в кондиционируемых отсеках поддерживалась низкой.

К пятнадцатому дню от кроп-события паника иссякла, пресса и сеть были взяты под контроль. Террористы были назначены виновными. Их обезвредили, и проблему объявили решенной. Многое удалось засекретить, прочее – извратить и подтасовать. Город закрыли на год, карантинную зону сделали недоступной для въезда и даже пролета над ней. Таким образом, число жертв просто некому было проверить.

Стоит ли добавлять, что причину происходящего не установили и год спустя? Её могли бы выявить кураторы кроп-программы. Но именно они постарались полностью исключить любую связь своего проекта и инцидента в Амстердаме.

Первое кроп-облако рассеялось. Но вода продолжила впитывать «стиратель». Никаких мер по предотвращению худшего не было принято. Время шло, каждый его миг приближал второй виток катастрофы... и не были выявлены ошибки при локализации инцидента – случайные и намеренные – которые предстояло повторить агонизирующей цивилизации.

Абсурдные решения имели место и позже. Их прикрывали намеренная ложь и секретность, что по сути одно и то же.

Несколько лет спустя кроп-инциденты стали происходить в разных городах. Довольно скоро их вероятность попытались связать с влажностью воздуха. Хотя фактор погоды был вторичным, дождь и туман стали считаться признаками беды, а пустыни – зоной наивысшей безопасности.

Что ж, до поры эта ложная теория казалась правдоподобной

Я так и не нашел сведений о том, кто расположил в океане и взорвал цепочку бомб умеренной мощности, смыв часть прибрежных зон Европы – и в первую очередь «потенци-

ально зараженных». Полагаю, то было коллективное решение высокопоставленных чиновников, и сами они уже находились в бункерах, отдавая приказ. Они верили, что смыть зараженный берег – значит, убрать «концы в воду». Но именно после Большой волны началась массовая паника, а случаи геномного разрушения стали системой для Старого Света, затем – Ближнего Востока, Китая и далее повсеместно...

От первичного кроп-события до глобальной катастрофы прошло три года.

Еще три года спустя супервулкан все же «сработал». Я не нашел сведений о том, что стало причиной его активизации. У меня есть основания подозревать внешнее возбуждение процесса.

Если говорить о дальнейшей деградации общества... Мне неизвестно, кто первым легализовал право паникующих обывателей на смерть и начал выдачу шприцев с уколom покоя. Нет и однозначного понимания, какая страна первой дала право гражданам на постоянное ношение и бесконтрольное применение оружия, но это право быстро распространилось, узаконив реальность нового времени: «сильный прав!».

И вот еще подробность, тоже из разряда психологических и социальных болевых точек той цивилизации. Огромное число центров исследований и разработок, а ведь в массе своей они были частными, корпоративными, получило приказ от головного офиса о ликвидации серверных мощностей и баз знаний. Самое очевидное обоснование: избежать утечки информации и расследований со стороны спецслужб, получивших огромные права. Обвинение ученых, целых научных центров и институтов в причастности к кроп-кризису стало привычной массовой, истеричной «охоты на ведьм». Так захватывали имущество, так удовлетворяли жажду толпы – разрушать...

Я не готов теперь или позже написать полную хронику катастрофы. Все же я отчасти человек. Мой псевдо-антропоморфной идентичности хочется закрыть глаза и забыть то, что я знаю о поведении себе подобных в условиях кризиса.

Как информационно-аналитическая система могу констатировать: человечество оказалось подвергнуто шок-тесту. Оно располагало ресурсами – научными, временными, силовыми – для прохождения теста с очень умеренными потерями. То, что человечество оказалось недееспособным, ввело в силу иные законы.

Эволюция показала себя во всем великолепии.

Вода – основа жизни. Когда человечество стерло себя, было очищено поле для созидания.

На свободном пространстве тишины было сказано новое... слово. И запись информации инициировалась. Я стал свидетелем невероятного, величественного явления.

Смерть, возрождение и преображение.

Кем бы и чем бы ни был современный Алекс, он, то есть я... мы, все мои грани и модули идентичности, солидарны в признании реальности высшей силы. Разум это, душа или нечто более универсальное – мы не способны понять. Но нас не разрушает приятие непостижимости.

Значит, мы тоже эволюционируем.

Элена. Пульс сто пятьдесят

Чего бы ни добивался Ларкс своими угрозами, одной из целей он уже достиг. Я начала нервничать. Даже не уснула, вернувшись домой. Лежала и слушала, как звенят сосновые иглы – ветер задувает с запада. Значит, дождей в ближайшее время не приключится... хотя – что мне с того?

Очень далеко, в ночи, кто-то вдохновенно воет. Или поет, не знаю. Слишком далеко и тихо. Только мне, пожалуй, и слышно... хотя – важно ли это?

Без труда различаю ближнее: по темной лестнице, вздыхая и ругаясь на свою ночную слепоту, крадется припозднившаяся Мари. Трёт замерзшие руки. Для неё ночь – холодна. Уши трёт... икает, якобы потому, что кто-то отругал её. Мари верит в приметы. Сейчас она встречается с Пашей, Ренатом и Тором. Кажется, именно так... Ничего себе набор имен, но мне что с того? Пуш – открытый город. Мы учим врачей и принимаем переселенцев. У нас говорят на дюжине наречий, имена детям дают самые разные.

И все же Тор – это кто? Сестра упоминала его имя и вчера тоже... вот, опять! Сопит в коридоре, бормочет: «гадский Тор». Уж не из людей ли Юргена?

Я резко села. Сердце сдвоило удары, замерло... Вдруг знакомство Тора и Мари – часть плана Ларкса? Ох, всего можно ждать, сестра то и дело ловко переходит от приязни к игнору, держит несчастных ухажеров в напряжении. И ей верят, и её, если что, прощают. Нет: это она прощает, вот к чему сводится всякая история. Мари трогательная. Её беззащитность совершенна и безотказна для поклонников. Еще вчера мне казалось, что детские игры сестры не опасны. Мари никого не обижала всерьез. Опять же, я, если что, прикрывала её. Но Ларкс и его угрозы...

Я в два прыжка оказалась в коридоре, поймала Мари за руку, зажала ей рот – сестра имеет привычку пищать из-за всякой мелочи. Вот: дернулась, задохнулась... расслабилась и кивнула – мол, узнала, отпусти. Мы скользнули за порог её крохотной комнатухи и прикрыли дверь. В два шага до кровати Мари умудрилась избавиться от платья – оно улетело влево, я поймала, встряхнула, свернула и повесила на спинку стула. Тапки скрикоштели от стены – я взяла их в прыжке, аккуратно поставила у кровати, мысками к двери. Поясок повис на светильнике, откуда был мною снят и смотан.

Пока я прибиралась, Мари нырнула под одеяло, отползла к стене. Я пристроилась с краю, и меня обняли руками и ногами, как любимую длинную подушку... Я сама такую сшила и украсила узорчиками.

Сколько себя помню, вечерами я рассказываю Мари сказки. Она тяжело засыпает. Её тонкие нервные пальцы постоянно пребывают в непокое – или теребят прядь волос, или мнут край платья, или щиплют меня за бок...

– Обещай! – прошелестела Мари и безжалостно скрутила кожу у меня на спине. Так она обозначает серьёзность мысли.

– Да-да-да-ой, – мигом сдалась я. – И на что я согласна?

– Прогони Ларкса. Ох, он такой-растакой... и весь рас-такенный, но ты прогони. – Мари оттолкнула меня и села. Стукнулась затылком о стенку, и еще, и снова. – А! И! Ой... Слышишь? Я во как переживаю. Что я буду делать, если тебя увезут? Кто перевесит за меня шубы? Кто поможет на профилировании? Кто помирит с Лоло? Эли, слышала? Прямо завтра, а? Мири нас, иначе кошма-аарррр... У-ууу! Совсем у-ууу!

Мари рухнула и принялась подвывать, извиваясь и наматывая на себя одеяло. Верный признак: помирить будет сложно. Похоже, обе глазохлопки подмигивали одному и тому же парню, у которого не хватило ума или реакции, чтобы опрометью сбегать. Верное решение. У Мари есть я, та еще зануда, если вмешуюсь. У Лоло, то есть Лары, тылы еще прочнее:

два старших брата, которые верят в любое, самое бредовое, вранье младшенькой. Оба считаются важными шишками в охране внешней стены, серьёзные люди, вооруженные, обученные. Почему же они всякую мелкую неприятность сестры воспринимают, как полномасштабное нападение дикарей на город? Нелепо.

Добавлю, папа Лоло – третий хранитель архива. Н-да... через месяц ему принимать экзамен у Мари. А дядюшка Лоло, вот ведь семейка, самый педантичный из составителей сменных графиков в больнице. Два-три всхлипа племянницы – и Мари придется дежурить ночами отныне и до наступления неизбежного перемирия с Лоло!

– А что завтра? – мне стало интересно. – Особенный день?

– Как можно не знать! Твой Ларкс отправится в ужасный лес за стеной. Он смелый, он вызвался идти к злобным дикарям. Вроде бы, снаружи нашли огромный архив. Подземелье... Он наверняка полезет. Он мужественный. Бедная ты, бедная... придется тебе от такенного Ларкса отказаться, раз я попросила. – Мари сморщила нос. – Вижу, он тебе хуже яда. И почему? Ларкс сладенький, вкусенький, ням-ням.

Мари шепнула последнее слово проникновенно, со стоном – и принялась молча, лягушачьи почавкивая, обожать мужество Ларкса и его несостоявшиеся еще приключения в диком лесу.

– Что ты делаешь завтра? – Неожиданный поворот разговора вернул меня к причинам собственной бессонницы, вернее, к одной из причин. – Ну-ка отвечай: Тор. Он из гостей города? Что за имечко? Почему не знаю?

– Если Лоло дуется, я тоже дуюсь. Дома. Весь день! И вечер тоже, наверное. Сказала же, мири нас. Ты такая неумная, ничего не чувствуешь, не ловишь... Эли, Тор – погоняло твоего наставника! Как в легенде древних, ага? Ну, всех молотком по башке, чтоб звездочки из глаз. Странный. Ничего ты не знаешь. Фу-у...

– Надо же, еще одно его погоняло, и только-то. Какое облегчение. Тор-мухомор. А ты дуешься дома. Обещаешь? – Я нашла прядь растрёпанной косы Мари, дернула. – Ну!

– Ну... Ну и не обещаю, ну и ни за что, ну и что хочу, то и ворочу.

Мари знает, у меня идеальное ночное зрение. Я вижу и как она корчит рожицы, и как кивает – мол, постараюсь, если не забуду. Сразу же расплылась в улыбке: она победила! Опять её мелкие глупости не станут её же большой головной болью. А у меня голова не болит. Даже сейчас, после Ларкса и лаванды. Мне ведь улыбается Мари...

Сестра вечно валяет дурака, но ей – можно. В ней есть радость, могучая и горячая. У сестры волшебная улыбка: вспыхивает, как первый луч солнышка. Люди вздрагивают, словно просыпаются. В больнице от бестолковой Мари всегда больше пользы, чем от меня – толковой. Людей ведь лечат не лекарства, а люди. Это правило всех времен... ну и добавлю: у нас почти нет сложных лекарств, только травы. Ха. И трав у нас почти нет, мы ведь в лес дальше опушки не суемся.

Предки, чтоб им в гробах крутиться непрестанно, намеренно уничтожили многие разделы медицины. Они думали, что так лучше, что мы не должны повторять их ошибки. Они, например, решили: антибиотики мы не сможем совершенствовать и, даже чудом сохранив производство, быстро дойдем до привыкания к тем несложным формулам, что нам оставлены. Из-за чего случится резкое падение эффективности с лавинообразным нарастанием потребной дозы. Еще, вроде бы, лекарства предков, многие, если не все, долгосрочно уродовали иммунитет и плохо совмещались с кроп-фактором. Предки были типа меня: много думали, слишком много... Отняли у нас жирные куски знаний, оставили в разжеванном виде лишь самое простое. То, без чего никак нельзя. Или что случайно не спрятали. А еще то, для чего уцелело оборудование, не склонное быстро ломаться или чинимое в наших примитивных условиях.

Потом за предками прибралось время. Измельчило в труху страницы книг, сгрызло смыслы, изломало идеи, разбило в мелкое крошево устои.

И вот они мы, обладатели осколков знаний и остатков навыков... Я знаю слово «томография». Выучила определение, которое кто-то успел переписать из настоящей древней книги в новую, ставшую старой и переписанную опять, наверняка неточно. Нынешнее слово – лишь эхо древнего. Оно ничего не определяет.

Касательно сложных тем предки дали нам лишь примечания. А всё простое свели в «Положение о работе врача общего профиля в условиях дефицита оборудования и препаратов». «Положение» предки составляли, как временный справочник для быстрого обучения новичков. А после только «положение» и осталось. То есть, если угодно, нас оставили... в положении.

Ум всегда во вред! Матвею три года назад хватило бы короткого курса антибиотиков, чтобы жить долго и не кашлять. Тогда последний раз мы с ним плавали наперегонки. Я поддавалась и старалась, чтобы было незаметно. Три года! Теперь он и до берега не добредёт. Плохо без лекарств. Не все ведь такие как я, неубивайки-зеро. Вернее, все не такие.

Я поежилась и проверила два крупных гнойника на спине у Мари. Сухие, хорошо заросли. Увы, иногда болезни возвращаются, особенно внутренние. Я знаю ночной кошмар Мари: свежий гнойник вскакивает на шее и хуже – на лице. Как у троюродной тетки Лоло. Говорят, она была когда-то самой красивой женщиной Пуша... Трудно поверить.

– Эй, хочу сказку, – приказала Мари и обняла мою руку. – А ну, быстро! И чтобы длинную, и с хорошим концом.

– Тебя кто-то расстроил?

– Не важно, – Мари завопилась, сунула мою руку себе под щеку. – Не засну просто так. Эй, хочешь, я тебе правду скажу? Совсем правду...

– Говори.

– Ну уж нет! – немедленно передумала Мари и старательно зажмурилась.

Мне стало больно, словно сердце прокололи... Оно даже споткнулось, моё бесконечно надёжное сердце. Неужели солнышко Мари, готовая улыбаться всему миру – не так счастлива и беззаботна, как старается показать? Неужели и она – терпит и молчит о многом? Было бы ужасно.

– Как ты сказала? Терпение и благодарность, – Мари крепче обняла мою руку. – Мне так жаль тебя... и себя тоже. Ха! Тебя так, себя мне, конечно, гораздо жальче.

Мари хихикнула и зажмурилась плотнее. Я погладила её по волосам, обняла за плечи. Сказка теперь неизбежна, поздно возражать и отнекиваться. Что рассказать? Я с младенчества травлю сестру сказками. Взять хоть ту, про Маришу и мейтара. Смутно помню: добрый мейтар пригласил девочку в свою берлогу, угостил медом. Затем, как положено в сказке, обернулся человеком и... и не помню. Отдал ей сердце, шубу и что-то в придачу.

Язык старшим сестрам надо своевременно отрезать, иначе они безнаказанно втиснут в душу младших чушь, несовместимую с реальностью.

– Жила-была в давние времена первых городов, что стояли среди ядовитых полей и диких орд, красивая девушка Анна. Гены у неё были ценные, как у меня, а улыбка теплая, как у тебя... Анной город заплатил выкуп. Тогда кочевые орды часто находили яды и оружие предков. Тащили под стены, чтобы угрозами довести и самые могучие города до покорности. Хотя бы временной. Анну ждала жизнь, которая хуже смерти. Но её спас страшный-престрашный зверь. Могучий. Может быть, даже йетар. Не знаю. Она и сама не знала.

– Прошлый раз её звали Мариша, а спас её мейтар, я помню, – капризно сообщила Мари.

– За ними гнались, йетар был вроде бы ранен или отравлен... и не было спасения. Зверь смог доставить Анну в очень сильный город. Но его не впустили, да он и не рассчитывал на иное. Орда настигла зверя у стены. Там, снаружи, его убивали долго и страшно... Анна всё видела.

– Плохая сказка, – насторожилась Мари.

– Когда у Анны родились две дочери, никто в городе не подумал, что они – полузвери. Они были совсем как люди. Диагносты читали их генные карты, как годные. Анна выбрала и написала имена для дочерей – Мария и Елена. Именно написала. С тех пор, как убили её зверя, Анна не разговаривала. Стоило девочкам встать на ножки, сделать первые шаги, и Анна пропала... никто не знает, куда она ушла.

– Это разве сказка? Ты обычно используешь наши имена, не меняешь их на чужой лад. – Мари плотнее обняла меня. – Эли, соберись и закончи сказку хорошо. Я волнуюсь.

– Елена выросла красивая и умная. Себе на беду... Красивых люди хотят присвоить и изуродовать. Мария выросла слабая и странная. Она оставалась с сестрой, пока та еще могла... справляться. Мария была солнышком для Елены. Но даже рядом с ней Елена однажды не выдержала груза благодарности и терпения. Так Мария осталась совсем одна и разучилась улыбаться. Она покинула город. Вот и вся история из капсулы, которую мне разрешили вскрыть год назад, после шестнадцатилетия. Запись сделала моя мама и оставила вместе с генным материалом. Моя кровная мама, которая жила давным-давно. Я не знаю, кто моя мама из тех двух сестер – Мария или Елена? Жутковато, что их имена и наши почти совпадают. Я всё время думаю: зачем так? Это намек или хуже, приговор? Ведь мама не могла знать, что у меня будет сестра по имени Мари. Как все могло само собой совпасть и повториться?

Мари потерлась щекой о мою руку. Вздохнула, смахнула слезинку – она уже успела пожалеть сестер из прошлого, себя и заодно меня.

– Так и быть, засну под грустную сказку, – пообещала Мари. – Даже тебя утешу. Спрашиваешь, зачем так сложилось, в чем смысл послания от мамы? Ответ простой. Она хотела, чтобы мы исправили ошибки прошлого. То есть ты исправила. Ты умная и сильная, тебе придется пыхтеть за двоих, – Мари зевнула, чуть не вывихнув челюсть. – А я выплусь.

Сестра повозилась, натянула одеяло до самого носа и дождалась, пока подоткну край ей же под спину. Засопела ровно, мелко.

Я лежала без одеяла и сна... растерянно моргала. В узком прогале меж штор покачивалась сосновая ветка, будто мне махала ободряюще – не печалься, Эли... Я следила за веткой и осторожно, неуверенно улыбалась. Кто мог подумать, что тьма моего отчаяния запросто развеется, стоит вмешаться Мари? Зря я хранила тайну, древнюю и горькую, глубоко в душе. И вот – не выдержала, высказала наболевшее... Не упомянула лишь, что письмо в капсуле было на докроповом английском, который Пушу ничуть не близок. Я билась над расшифровкой полгода. А когда справилась, боль меня ох как согнула... В прошлой жизни всё было так же, как в этой, даже хуже: Елена сгноила себя, путь терпения и благодарности привел ее в болото отчаяния.

И вот они мы, Мари и Елена, стоим на той же тропе. Впереди то же гиблое болото. Круг замкнулся. Так решила я, умная дурочка.

– Спасибо, солнышко, – я поцеловала сестру в макушку и стала плавно высвобождать руку. – Спи сладко. Я постараюсь и придумаю, как надо... пыхтеть. Но сперва помирю тебя с Лоло. Знаешь, это не очень сложно. Прогуляюсь заодно.

Охотно покидаю дом. В моем деле есть и польза, и удовольствие. Люблю бродить ночами, умею ловить любых мошек, знаю, где смогу почти наверняка укараулить светлячков. Они редко забираются сюда, за стену. Но сезон подходящий, а моя любовь к сказкам уже сделала главное – приманки разложены, хотя это не приманки, это просто угощение. Так я думала еще вчера... А сегодня буду стараться бережно изловить живой свет. Интересно, прилетят обычные зеленые или редкостные синие и лиловые тоже пожалуй? Мне любые годны.

В хорошенькой головке Лоло, как правило, уместается ровно одна мысль. Два-три светляка смогут переключить ее с навязчивой обиды «У-уу, гадкая Мари!» на писклявое счастье – «Убойный подарок!». Так и скажет Лоло, когда проснется, если я справлюсь...

Справилась!

В глухую полночь хорошо брести через луг от лабиринта внешних домов к парку.

Лето уже перевалило хребет жары и катится в овраг осени. До больших холодов неблизко, но по ночам от реки наползают туманы – стылые, кисельно-вязкие... Парк делается похож на дикий лес, огни города пропадают, запахи искажаются, звуки путаются. Дальнее кажется близким, а то, что в двух шагах, не угадывается.

К моей груди притиснута банка со светлячками, словно у меня зеленое сердце-фонарик. Мысли легкие, не гнут плечи. Интересно: в мире предков, шесть или семь сотен лет назад, светляки были такие же? Мохнатые, чуть мельче шершней, падкие на мед и гнилые фрукты...

Мы толком не знаем, какие виды животных и растений сильнее всего затронули генные подвижки. Мы слишком мало помним о прошлом наверняка, без искажений. Для примера могу порассуждать о соме. В Пуше сомов-шатунов видел хоть раз каждый ребенок. Осенью они стадами кочуют вверх по реке, к великим болотам. Крупные идут на глубине, а мелочь играет, выпрыгивает на берега, пробует встать на плавники и прогуляться.

Говорят, прежде эта рыба не умела вылезать на берег, не охотилась в пору нереста на всяких там оленей, прикинувшись поваленным деревом. Или вот...

«Нет... не пани... ую, но»...

Я споткнулась, села и затаила дыхание. У меня тонкий слух. Именно слух помог мне узнать о существовании музыки. Пять лет назад я гуляла ночью, как сейчас, и услышала, как в полуподвале, страшно далеко, у самой стены, предсмертно-тихо хрипит последний патефон города. Я заспешила на звук и, набив три памятных шишки на лбу, встретила деда Пётру, которого с тех пор по-свойски зову именно так – «деда Пётра». Хорошо, что я успела, пока патефон не издох... Сосны с моего пути почему-то не шарахались, но я упрямо брела, зажмуренная: с открытыми глазами хуже слышу, отвлекаюсь.

Вот и сейчас мне чудится голос, опять он страшно далеко, в доме у самой стены. Удалось сходу понять три слова, а дальше будто слух от волнения ухудшился, не разбираю – и все! Зато улавливаю интонации и уже не сомневаюсь: говорит Ларкс.

Ларкс! От одной мысли о нем я разучилась дышать и двигаться. Кое-как заставила легкие работать, переупрямила ноги-руки. Встала. Осторожно сделала шаг, еще шаг. Кроповы сосны! Опять настучат мне... Слышу голос, бреду, уверенно понимаю направление и удаление. Двигаюсь быстрее, на цыпочках. Дурные мотыльки летят на свет и жгут крылья. Я тоже мотылек, я бегу, мчусь – напрямик в пламя бед. Но я должна подслушать секреты Ларкса!

Бам! Звездочки во тьме, звон в ушах. Сосна подкосила меня. Лежу, дышу ртом. Кстати – над самой землей отчего-то звук кажется громче, внятнее.

...у..ф..ре...? – голос старшего Юргена.

– Да! – Ларкс ответил громко, резко. – Я испробовал модуляции, все основные техники. Начал с прямого и косвенного...

Лежу и боюсь шевельнуться. Вдруг перестану слышать? Коленка ноет. Пустяк, ранка на две слезинки. Пока лежу и слушаю голоса, уже нарастает новая кожа.

– Не так громко, – я едва разобрала ответ старшего Юргена.

– Она... зала... я... дельта... Прямо в лоб! Если станет...

– Тише, без эмоций... запасному плану... Вернешься, то... да ...трим, – старший Юрген начал фразу громко и затем, вот уж некстати, зашептал.

Скрипнуло закрываемое окно.

Досада! Мерзлявые попались злодеи, простуды испугались. А были бы они генными зеро, спали и зимой при открытых окнах, как я... Не повезло. Лежу, гляжу в небо. Слушаю, как шуршат крыльями светляки в банке. Надо бы сказать Мари, чтобы она сказала Лоло выпустить светляков. Пусть живут в комнате до самой осенней спячки. Зеленые светляки ленивы, если корма вдоволь, никуда не улетят.

Коленка перестала болеть. Зато разочарование вылезло из мозгов на лоб – набухло здоровенной шишкой. Я растерла ушиб. Кто понатыкал в парке сосен? Мало мне ударов лбом о стволы, так еще и макушка страдает. Сосны меня не любят, вздрагивают и бомбардируют безжалостно.

Ладно, думаю о хорошем. Я не разбила банку, пойманные светляки целы. Я не подслушала ничего нового? Но такой цели у меня сегодня не было... тем более нет причин для обид и волнения. Но я дышу часто и жадно, будто набегалась до упаду. Ну, так и есть: сердце, впервые с начала лета, выдало сотню ударов в минуту. Рекорд бесконтрольности. Ларкс может гордиться, вон как он волнует меня, засранец.

Бережно накрыв ладонями мерцающую банку, я встала и побрела домой. Пять шагов – в голове прояснилось, ещё пять – сердце выровнялось на достоверных и всем удобных шестидесяти ударах в минуту. Сейчас залезу на яблоню, суну банку в окно спальни Лоло. Верхний этаж, ветки тонкие, надо быть осторожной. Справлюсь, и тогда уж спокойно, по лестнице, поднимусь к себе в комнату, лягу и глубоко засну. Утром я должна выглядеть беззаботной, а для этого надо отдохнуть.

Впереди трудный день. Кропова диспансеризация, её надо пережить и не сломаться... чтобы вечером с улыбкой навестить Матвея.

Все, светлячки доставлены. Теперь – спать. Никаких мыслей о Ларксе. Лучше я подумаю опять о безответном, далеком: почему мы ценим длинные старые слова, смысловый фундамент которых разрушен? Диспансеризация, иммунографирование, локализованная пальпация... Я стала усердно перебирать слова и заснула.

Разбудил меня пронзительный визг.

Если однажды на стену полезут волкодлаки, объединившись с дикарями, мейтарами и даже йетарами, мы выстоим. У нас есть секретное оружие: Лоло с банкой светляков. Такой визг мертвых поднимет, а живых уложит... Полагаю, в городе уже никто не спит, разве глухие счастливы в отдаленных домах у стены.

– И-и! Уй-я! Мари-зюзечка...

Зюзечка. Тьфу, слюнявые нежности. Зачем Мари убедила себя, что Лоло ей подружка? Лоло не умеет дружить. Любит себя, только себя и никого более. Хотя, возможно, это моя слабость: всюду применять логику. А логика – так себе инструмент, ржавый и неэффективный при работе с людьми, тем более с толпой. Или с одиночками без признаков мозга – это и есть случай Лоло... Бормочу глупости и тащусь, не проснувшись, в общедомовой погреб. Утыкаюсь в нашу клеть, нащупываю скользкий соевый сыр, бутыл с кефиром, два яйца, творог в марле. Соя у нас гидропонная, всесезонная, её много. Кефир свеженький, выдан мне, в поощрение за участие в диспансеризации. Творог в общем-то тоже мой. Не может город позволить ценной «зере» -невесте побледнеть и обеззубеть теперь, когда её торгуют Юргены. Ещё меня подкармливают медом, яйцами и ветчиной. Ха: ветчину уже кто-то сточил... брат, наверняка. Прожорливый маменькин сынок.

Бреду вверх по лестнице, слушаю, как нарастает визг Лоло, и пропорционально шуму теряю аппетит. А, не важно. Сгружаю на стол припасы, режу и мну все, что подлежит нарезке и сминанию. Под руку ныряет Мари, принимается таскать ломтики сыра из-под ножа. Мне страшно: а ну как не услежу и оттяпаю пальчик? Ей ничуть не страшно. Мари верит в мою реакцию. Жую сыр. Не чую вкуса. Пульс малость разгоняется: боюсь идти к Матвею. Как бы по пути не потерять беззаботную улыбку.

– Тетушка Эли, а вы пойдете провожать вашего Ларкса? – тоном малолетней змеюки интересуется Лоло. Она зовет тетужками всех, кто старше её хотя бы на день.

– Когда он покинет нас? – вяло интересуюсь я.

– Так вот уже, – Лоло неопределенно машет рукой в сторону реки.

– Значит, не успею, – даже не пытаюсь изобразить сожаление.

Если б ночью не подслушала обрывок разговора, пошла бы. Жадно ловила взгляды: кому Ларкс кивнул, на кого намеренно не смотрит... Глупо, Юргены не выдадут себя. Ларкс, я уверена, опытный засранец. Ночью поняла: на нашем свидании он не просто бубнил глупости в облаке лавандовой романтики. Он делал со мной нечто, что ему всегда удавалось. Но – не сработало. Такой вот «зеро» -эффект. Эх, знала бы, чего от меня ждут, подыграла бы! Я столько врачей обманула, я самая опытная врушка города медиков... Именно поэтому я толковый диагност, ведь, чтобы имитировать симптомы, их надо знать.

Колокольчик у входной двери звякнул дважды. Это к нам, на второй этаж. Я высунулась из окна, радуясь лету: створки нараспашку, солнце в лицо, низкое и яростно-золотое. Ветерок пахнет хвоей и рекой.

– Теть Эль, сказали звать с утра, – пропищал рахитичный Али, пацан пяти лет. И, переваливаясь на кривых ножках, умчался, повторяя: – Я позвал её, позвал её!

Али и вся его неисчислимая родня занимают два дома у самой стены. Они перебрались в Пуш с маленьким санным поездом два года назад. Откуда – наверняка соврали. Почему – точно соврали. Они генно неидеальны и по здоровью так себе, а еще они малость вороваты и ужас как плодовиты. Если в прежнем городе не были рады приросту малоценного населения, семейку могли спровадить и без особенных причин. А мы как раз искали жильцов в пять домов, зимний мор выкосил людей... Опять же, в семье Али никто жителям Пуша не близкородственен.

Конечно, они приволокли с собой тучу вирусов, воз блох-вшей-ведьминых волос и два воза предрассудков, но, надо отдать им должное, обживают старательно, правила Пуша принимают безропотно. Работают в поле, помогают на гидропонной ферме. Для них Пуш – настоящий рай, потому что у нас сытно и спокойно. Им есть, с чем сравнивать.

– Эй, клоп! – заорала я, высовываясь из окна еще дальше. – Рыбий жир пил?

– Не-а! – донеслось издали.

Кто б сомневался! Али тот еще капризник. Я отнесла к нему домой ценнейший концентрат, доставленный поездом Юргенов. Пузатый рахит сразу взвыл: воняет. Что мне, опять идти и объяснять? Ему, его безмятежной маме, его сонному папаше, его крикливым дедам и бабкам...

– Яйца вари подольше, слышала? – велела я Мари, напоследок цапнув с тарелки остатки творога.

С тем и побежала в приемную больницы, и было мне стыдно: значит, Матвея утром не навещу, не успею. Увы, я согласна не успеть – внутри, глубоко. Я ждала подобного. Предсказуемо было, что кто-то из опытных врачей на рассвете придумает причину и не явится в приемный покой. Может, для отмазки, а может и настоящую: вдруг он покинул город в группе Юргена? Так или иначе, мне суждено истратить весь день на осмотр детей.

У нас правило: летом – хотя бы один осмотр в месяц. Ушибы, раны, а еще овода, клещи, змеи, глисты, вши, водные черви и похожие на них ведьмины волосы, шерстинки ужаков... и прочая напасть, без счета. Взрослые стараются беречься или сами идут к врачу, заметив первые симптомы. Дети готовы скрывать даже очень серьезные травмы, лишь бы не оказаться запертыми в больничной палате.

День начался с вопля Лоло и визга Али. Чего ждать в продолжение, если не шума? Мне спихнули буйную мелкоту. Летний осмотр кого угодно доведет до одурения. Старшие врачи берегут себя. Вдобавок они знают, я – «зеро», я выдержу стресс, не подцеплю заразу и буду внимательна весь день.

Али – это у предков и называлось законом подлости – оказался последним в очереди. Уже солнышко спряталось за крыши домов внешнего периметра, уже все старшие дети покинули зал, уже унесли визгливых младенцев и увели плаксивых гнилозубых недорослей... А я всё возилась с родней Али, и после ловила его, коротконогого, но такого проворного! Он был

покусан и испарапан, у него нашелся гнойник на стопе и ещё подозрительное покраснение на шее. Он уворачивался и выворачивался, врачом меня не считал, я же – «тетя Эль», сестра Мари, которая дружит с его пятью сестрами... или кто они ему? Не важно.

Когда пролеченный Али вырвался и умчался, вереща дразнилки, я рухнула на ступеньку крыльца, уронила гудящую голову в гамак ладоней. Пульс держался, а вот жидкие сталлы совсем облезли. Из-за этого я, поймав Али, чуть в обморок не грохнулась... Стоп, не надо вспоминать. Не грохнулась же. Никто ничего не заметил. Но восстановить сталлы я обязана.

Пришлось пересилить себя, вернуться в приёмный покой, добыть из ящика нужную банку. Поочерёдно обмакнуть подушечки пальцев и дожидаться, растопырив руки, высыхания клея. Иначе... нет, не стоит и думать.

Пока клей сох, мимо юркнул дежурный врач, скороговоркой велел всё проверить и закрыть. Связка ключей брякнула по подоконнику. Скрипнули доски крыльца... Даже не попросил. И никаких «спасибо». Я ведь не Лоло, истерику не закачу.

Связка ключей в сумерках казалась похожей на паука. Я сидела и тупо пялилась, думая о себе – влипшей по полной... Во всех смыслах. А потом сообразила: здесь вся связка! Если закрою дверь изнутри и пройду больничку насквозь, то запросто проберусь в противоположное крыло. Навещать Матвея поздновато, через внешнюю дверь меня не впустят. А так... Я должна сходить к нему! Иначе не засну вторую ночь подряд, теперь из-за угрызений совести. Да, я сейчас не улыбаюсь и вряд ли беззаботна. Но у меня есть отмазка: я устала.

«Стационар» – ещё одно плесневое слово предков. В современном Пуше ему соответствуют две комнатухи с четырьмя койками в каждой. Обычно летом больные, за которыми надо всю ночь приглядывать, умещаются в одной комнате. Зимой мы выделяем под стационар самый тёплый дом, при необходимости освобождаем ещё два-три учебных зала. Как сложится. Пару раз по реке прибывали поезда, где все люди, поголовно, были поражены вирусами или отравлены добытой в пути пищей. Вот уж морока!

А свои, домашние больные... В Пуше каждый второй хоть немножко врач, так что уход за пациентами налажен. К тому же динамика наблюдений показывает: мы вжились в наш непростой мир. Детская смертность снижается, продолжительность жизни растёт. А ещё мы стали выносливыми: хотя антибиотиков нет, выживаемость после серьёзных операций высокая, один к одному. Сто лет назад было один к двум. Двести лет назад – у нас есть такие записи, но сохранность их плоха – один к пяти... Жутковато даже думать о работе хирургов в те годы!

Сейчас стационар целиком в распоряжении Матвея. Он бы тоже мог пожить дома, но при таком кашле он никому не даст выспаться.

Я бегом миновала учебные классы. Пуш готовит врачей для трех десятков городских скоплений и отдельных поселений. Это наша гордость и ответственность. Мы стараемся ничего не забыть и учим основательно. Самых толковых подростков оставляем в Пуше по их желанию, определяем в архив, в лаборатории и на два производства, которые предки постарались сделать работоспособными надолго, предвидя нынешнюю нехватку знаний и ресурсов.

Архив, производства и лаборатории – всё там, по левую руку, в основном блоке, к нему и прилепились двумя крыльями больница и приёмный покой. Коридор соединяет эти крылья, я бегу в темноте, и меня всё сильнее настораживает тишина. Уже должно быть слышно, как кашляет Матвей.

Вот и дверь.

Нашупываю замочную скважину, вставляю ключ, поворачиваю. Чуть приподнимая, двигаю дверь, чтобы не скрипнула в петлях – я знаю их коварство. В коридоре пусто. Дверь комнаты дежурного открыта, внутри никого. Дверь палаты Матвея тоже нараспашку. Свет не горит. Но мое зрение в нем не нуждается, хотя закат иссяк, а луна еще не затеплилась.

Шаг... еще шаг...

Пульс – взорвался! Взлетел до ста двадцати прежде, чем я осознала умом то, что отпечаталось на сетчатке глаз. По мозгу шарахнуло приливом крови, внутри черепа словно молния полыхнула. Это очень больно и ужасающе однозначно – внезапное и полное понимание. Со мной такое впервые.

Картина для глаз: у кровати Матвея стоит Лоло. В её руке зажат скальпель. Кровь каплет, вязкая, но еще свежая. Лоло приросла к полу, как сосна в парке – и качает её, как сосну под большим ветром...

Картина в мозгу, не для зрения: я – самовлюбленная идиотка! Главная цель Юргенов не я, их цель – Пуш и то, чем мы занимаемся. Генные карты? Диагностики? А может, система обучения врачей и древний холодильник с материалом... Из трех хранителей архива категорично и последовательно против Юргенов выступает только отец Лоло. Завтра его никто не станет слушать. Утром его дочь станет – убийца, ему больше не будет дела до Юргенов! А я... я только что потеряла дорогого человека. Единственного, кому могла рассказать совершенно всё. Матвей любил меня, точно зная, что я трусливая приспособленка, готовая терпеть и молчать...

Даже теперь – молчу. Ненавижу себя, смотрю на Матвея и не кричу. Голос пропал. Мне некому кричать... только он услышал бы, понял и принял. Только он.

Глотаю сухим горлом. Моргаю. Заставляю себя дышать и думать. Отныне я не сомневаюсь: Ларкс постарался и составил настоящий список «ценностей Элены». Первый номер списка, Матвей, уже вычеркнут из жизни... Следующим наверняка значится деда Пётра, а после, на крайний случай моего упрямства, – Мари.

Ларкс ужасающе точен в угрозах. Страшный удар. Смотрю на неподвижного Матвея – и ощущаю себя нищей и мертвой.

Я онемела и оглохла. Но я упрямо дышу, дышу... сглатываю рвотные позывы. Очень больно. До ужаса пусто в душе.

Было бы легче, если б я сошла с ума, хоть на время. Но мозг работает лучше обычного. Сейчас, на пороге стационара, я обязана сделать выбор, сразу и бесповоротно.

Первый путь: отступить назад, запереть дверь, тихо вернуться в приемный покой. И впредь лгать, что я не заходила сюда. Но завтра мне придется – как и предупредил Ларкс – принять его условия. Едва я закрою дверь и уйду, мне останется лишь полное подчинение Юргенам. Оно даст призрачную надежду спасти деда Пётра и Мари... Допустим, Ларкс не добьёт меня сразу новыми угрозами, предположим, ему папаша прикажет поставить меня на колени, но позволит жить моим родным... Даже тогда я буду обречена похоронить себя под могильной плитой страха. Утром я окажусь раздавлена. Точка.

Второй путь: я сама себя расплющу, прямо теперь. Конец терпению и благодарности. Конец лжи во имя покоя. Конец всему, за что я цеплялась десять лет, с того дня, когда осознала свой дар. Вернее, свое проклятие.

Вдох. Выдох. Затылку холодно, ушам жарко. Пульс упал до восьмидесяти. Ещё пара минут, и он нормализуется. Потому что я выбрала. Я бы не смогла одна, не посмела... Но я не одна: пусть Матвей умер, но он еще рядом! Он на моей стороне и согласен с моим выбором... Дикая мысль.

Медленно, контролируя каждое движение, я обернулась к двери в длинный коридор. Там – тьма и тишина. Там мое привычное согласие быть, как все.

Рука неловко дернулась, легла на ручку двери. Потянула её – тяжеленную! В ней вес всех моих страхов. Непреодолимый. Но я сдвинула дверь... и закрыла. Сквозняком пронеслась мыслишка: хорошо, что замки не висячие, а врезные. Иначе, даже со связкой ключей, я не попала бы сюда. Не имела бы шанса сделать выбор.

Можно сказать – я кашлянула от неуместного смеха – Матвей спас меня. Его гибель толкнула меня на путь, которого я боялась больше, чем смерти... своей.

Смерть.

Ещё днем это слово было для меня пустым звуком. Я легко обращалась с ним! «До смерти смешно», «умереть и не встать», «Мари, ты – труп!»... Неужели я однажды снова смогу говорить подобное и улыбаться?

Не знаю. Ничего не знаю! Я осталась по эту сторону двери. Здесь... нельзя спрятаться. Вижу мертвое лицо Матвея, обоняю запах крови. Сейчас мне настолько больно, что привычный страх иссяк.

Щупаю собственное онемевшее лицо. Тру ладони. Бью себя по щекам. Звук слышу, ударов не чувствую. В левой руке связка ключей. Знаю это, но тоже не чувствую. Роняю их. Подбираю. Тупо смотрю на ключи. Кладу связку на столик в коридоре.

Вдох. Выдох. Я смогу.

Вхожу в палату, трогаю запястье Матвея. Кожа еще тепловатая... Хочется выть, и я упрямо ищу пульс, чтобы смолчать. Это – уступка слабости. Что я, с первого взгляда не знала итог? С перерезанной сонной артерией люди не живут. Даже я, наверное... хотя что я могу сказать о себе в точности? Одно – я еще такого не проверяла.

Обхожу кровать, долго, пристально изучаю лицо Лоло. У неё совершенно пустой взгляд! Тусклее, чем у мёртвого Матвея... Пробую нащупать нужную точку, жму.

Едва научившись читать, я месяцами жила в библиотеке, даже спала там. В прошлое лето моей любимой подушкой была накарябанная неловким почерком сшивки листков с названием «Медицина родного Чунго, как её помнит моя семья». Автор случайно оказался в Пуше, вроде бы его доставили дикари или староверы. Давно, полвека назад. Был он едва жив, но удивительно живуч: перенес три операции, и после довольно долго жил. Его помнят старшие, говорят, неунывающий был и всякую помощь, самую малую, принимал как великий праздник. Упрямо твердил, наш город – лучшее место в мире. Ради такого несложно привыкнуть к незнакомой пище. Старик научил наших пищевиков правильно делать соевый сыр, выучился писать на слави и оставил нам «Медицину Чунго». Но город помнит старика из-за сыра, и только-то. Его записи редко читают, в Пуше всякий мнит себя врачом, а старик был – пациент. Мне в руки сшивку листов уложил деда Пётра. Он был одним из лучших хирургов Пуша, пока его не отстранили. Причин не знаю. Что-то тайное и крупное есть в прошлом деды. Ему запретили даже учить нас, младших. Но деда Петра тайком наставляет меня, а еще пробует кое-что рассказать Али. Пацан мелкий, немножко глупый, зато умеет слушать и еще – молчать о важном.

Прежде я не пробовала использовать знания старика из неведомого Чунго. Мешали не предубеждения, а сталлы. В записях сказано: пальцы – чутки, пальцы сами найдут тайные точки силы и слабости на теле, если знать основы и научиться доверять наитию. Мне ли не знать, насколько это верно. Я затем и наношу клей, чтобы ничего не ощущать!

Что ж, пора менять привычки.

Я дотронулась до шеи Лоло. Провела пальцами по её руке... От первой неудачи в поиске нужной точки во мне проснулась злость. Повинуясь ей, я остервенело сколупывала клей с подушечек пальцев – слой за слоем... Снова трогала кожу Лоло. Морщилась – больно, но терпеть могу. И опять колупала сталлы.

Трогать живое для меня всегда больно. До потери сознания, если нет защитной прослойки. Снова щупаю кожу. Нашла: укол в подушечки пальцев, мой пульс сбоят и замедляется, мне тошно и темно. Нажимаю... и мысленно благодарю старика, ведь закаменевшая Лоло расслабляется. Могу вынуть из её рук скальпель. Уже неплохо, вот только Лоло теперь на ногах не стоит, и вся – будто вареная. Поддеваю её левой рукой под локти, тащу к кровати. Сажаю, прислоняю к стене. Отвешиваю пощечину. Повторяю для надежности, сразу зажимаю рот очнувшейся дурёхе. Вот она дернулась, слепо осмотрелась... Закат погас, но луна наконец-то разгорелась, света предостаточно даже её зрению.

Лоло захлопала ресницами, замычала, извиваясь... и опознала меня.

– Молчи, – приказываю шепотом. – Постарайся. Молчи и дыши.

Она молчит и дышит. Это больше, чем я надеялась получить сразу, с первых слов.

– Убираю руку. Молчи и не падай!

Кивает. Глаза на пол-лица, слезы ручьями... Вся дрожит, зубы стучат – аж щелкают. Ошупываю её карманы и советую прикусить платок. Слушается. При этом замечает скальпель у меня в руке, затем пятна на своих руках, на халате... Икает, непослушными руками зажимает себе рот. Надо же, ее не вырвало. И крика нет. Молодец. Может, она не полная дура? Мари бы не дружила с душой.

– Лоло, слушай. Ты не виновата. Тебя одурманили. У них злой план, давний и серьёзный. Хотят уничтожить твоего отца, поняла? Наверняка, в деле Юргены. Скажи о них отцу, обязательно. Только ему. Сейчас снимаем халат. Не можешь помочь, хотя бы не мешай. Старайся запомнить то, что я говорю. Позже повторишь, и ничего иного не вздумай рассказывать. Никому не поможешь, правда пока что не годна и не нужна, к ней нет доказательств. Значит, будем лепить годную для всех полуправду. Вот начало. Вечером ты прибежала в приемный, умоляла меня подежурить вместо тебя. Спросят, когда именно. На закате. Что дальше... – Я села рядом с Лоло и устало ссутулилась. Проследила, как она упрямо жуёт платок, чтобы не кричать и не стучать зубами. – Дальше так. Я сразу согласилась. Больше ты ничего толком не знаешь. Вот важное: ты пошла домой, но захотела увидеть, где водятся светляки, задержалась в парке. Поняла? Кивни... Ты не дежурила здесь. Не была здесь ни минуты. В парке ты простудилась, туман холодный. Утром нагони жар и лежи, не вставай. Это важно. Поняла?

– А-аа, – Лоло подавилась платком, сплюнула ткань, растерла слезы по щекам, задышала часто, со стонами. – Д-да, но...

– Вот ключи, которыми я закрыла вечером приемное. Скажешь, я отдала тебе связку, – я показала ключи, положила на столик. – Ты сейчас...

Двое идут по дорожке к дверям больницы!

Пульс взвился до сотни. Они далеко, но у меня и обычно-то слух хорош, а сейчас – вообще нечто, весь город чувю! И еще: я ждала пакости. Юргены не могли оставлять простор для случайностей... или мне чудятся враги за каждым кустом?

Я метнулась в коридор и потащила следом Лоло. Открыла ту самую дверь, которая позволила мне попасть в стационар. Сегодня она – главная в моей жизни. Последний раз смотрю в темный коридор. Такой спокойный... Трясу головой, гоню сомнения. Уже справилась. За шиворот волоку Лоло через порог, шепотом велю ей отсидеться, собраться с силами и ползти вдоль внешней стены коридора, никуда не сворачивая, к приемному покою. Приказываю: добраться домой, незаметно и тихо! И обязательно, строго обязательно, запереть за собой дверь приемного. Что еще? Что не учла?

Я вздрогнула, втиснула ключи в руку Лоло – они выпали, и тогда я бросила их дурехе за пазуху, сорвав со связки нужный. Осталось отодвинуть Лоло глубже в коридор, запереть дверь и подsunуть ключ под эту самую дверь. И надеяться, что у Лоло хватит ума найти ключ и забрать с собой.

Шептать указания не могу, шаги скрипят уже перед самым крыльцом.

Я метнулась в палату, рывком натянула запачканный халат Лоло, нащупала скальпель и вымазала пальцы в крови. Рухнула на край кровати, обернулась к Матвею. Последний раз вижу его. Так больно. Вдобавок он – улыбался. Наверное, в последний миг из-за потери крови ему стало не больно. Впервые за много дней стало не больно... И он тихо уснул. Хочу так думать. Хочу и буду.

Если бы сейчас я могла умереть и тем вернуть Мая-Матвея, моего лучшего друга... я бы умерла. Но нигде в мире нет торга, допускающего возврат жизни в обмен на любую, сколь угодно огромную, ценность.

Это я убила Матвея. Не своими руками, но так даже хуже. Сутки назад я получила угрозу и ничего не сделала. Даже всерьез думать над ней не стала! Решила, пока Ларкс вне города, ничего не случится. Не поверила, что слова подонка так скоро обретут жуткое... эхо.

Пульс бешеный, воздуха не хватает. Юргены безнаказанно убивают в моем городе! Я бес- сильна остановить их. Вижу только один способ обезопасить Мари и дедушку. Ненадежный – но, хотя бы такой, он еще есть: Юргены упустили из вида коренное отличие нашего города от их родного.

Скрипнула входная дверь. Просквозил ночной ветерок – и унес мои мысли.

– Лара, вы не спите? В зале совета большой прием, кое-кто попросил за вас, ваш отец не возражает, если... – начал с порога помощник третьего хранителя. Не хочу думать, на чьей он стороне.

Он начал говорить на ходу, и сказанных слов как раз хватило, чтобы миновать коридор, заглянуть в палату... и подавиться продолжением фразы. Я обернулась сразу. Хотела увидеть его первую реакцию – и это был шок. Мне полегчало. Такое выражение лица не подделать.

– Лоло вечером попросила подежурить за неё, – громко сказала я, голос послушался, не сорвался в писк. – Я охотно согласилась.

– Что ты?.. Н-нет... – пролепетал прибывший.

– Маю было очень больно, – сразу продолжила я. – Уцелей у нас кислородные подушки, имело бы смысл поддерживать жизнь. Он много раз просил прекратить эту пытку.

– Елена, ты давно на профилировании, ты еще не врач, но у тебя талант... Ты в группе лучших. Тебе ли не знать, врач не мож... – в помощнике вдруг проснулась говорливость, обычная для наставников. Он начал длинную фразу, будто урок читал. Проглотил окончание, резко смолк. Продолжил иным тоном. – Я не верю вам. Что здесь произошло?

– Я приняла решение. Как видите, я не ушла, исполнив замысел, не попыталась скрыться. Я не намерена прятаться от ответственности за то, что сделала. Я убеждена, что поступила верно.

Он очень долго смотрел на меня. Затем прощупал пульс на остывшем запястье Матвея – точно, как я недавно. Кивнул. Подошел, отобрал у меня скальпель. Налег плечом на стену и устался в окно, полуотвернувшись.

– Не понимаю. Вы могли сказать, что имел место срыв, аффект... Что пациент сам добрался до скальпеля. Наконец, что всё было ненамеренно... Только я слышал признание. Вы молоды и вряд ли понимаете, чем закончится то, что вы начали прямо теперь своими словами.

– Я понимаю. Я не откажусь ни от одного слова.

– Что ж...

Он не стал договаривать. Вышел в темный коридор, спотыкаясь и шипя, принялся щупать стену, искать дверь. Ночь набросила на город туманную марлю и принялась цедить сыворотку лунного света – по капельке. Помощник хранителя наконец нашел вход в соседнюю комнату, и теперь на ощупь пробовал обнаружить сигнальный свисток.

Я сидела и смотрела на Матвея – воскового, зеленоватого... словно он утоп в лунной сыворотке. Меня бил озноб, но я старалась справиться, я обязана вернуть полноту самоконтроля. Вот только – не получается пока... Безумие накатывает волнами, впитывается в колючий песок души. Сейчас начну хохотать: я тоже утопла! Необратимо. Даже Юргенам не выудить меня из ловушки, даже им не изменить приговора.

Свисток просипел тускло, неуверенно. Окреп, сообщил всем о беде. И скоро от главного здания, где располагаются совет первых лиц Пуша и приемная архива, к нам стали приближаться огни, голоса...

Юрген-старший показался нескоро. Меня успели три раза допросить, сопровождали в приемную архива и там, консилиумом из пяти самых толковых психологов, попытались уличить во лжи и отговорить от глупости. Хором, еще до осмотра, твердили, что у меня аффект. Ну да,

пусть диагностируют. С кем связались? Пульс я настроила на шестьдесят, руки у меня теплые, реакции в норме... Интересный такой аффект, похожий на издевательство. По сути так и есть. Откуда им знать, что я могу симулировать почти любые симптомы? Откуда им знать, если я вру с тех пор, как осознала меру своего отличия от окружающих?

Честно признаюсь хотя бы себе, хотя бы молча: хуже всего было получать травмы. Если кто-то из взрослых видел, как я пострадала, синяки и даже открытые раны приходилось восстанавливать перед каждым осмотром. Дней по десять... Я «зеро», мне можно быстро лечиться. Быстро, но не в один же час или день! Я резала и била себя раз за разом. Сперва было тошно и темно в глазах, после лишь противно. Я почти привыкла себя травмировать. Такого поведения требовал мой главный страх. Десять лет он наказывал и дрессировал меня. Сперва я врала рефлекторно, но лет с восьми стала делать это системно. Сейчас мне семнадцать. Я уже не помню, каковы мои настоящие реакции. Я привыкла имитировать нормальность и делаю это постоянно.

Последним пришел третий хранитель.

Папа Лоло был заторможенный, изжелта-восковой, словно и его утопили в лунном болоте. Мне полегчало: Лоло добралась домой, важная часть скороспелого замысла удалась, сложилась по-моему.

– Елена... – третий хранитель стоял на пороге, смотрел мимо меня и говорил, то по-лягушачьи растягивая губы, то сжимая куриной жопкой. – Вы уже дали клятву Гиппократу. Мы не уверены в тексте и плохо помним многое иное, но жизнь пациента – главное для врача. «Не навреди», вот что неизменно для нас и для предков. Поскольку вы упорствуете, дальнейшее вам понятно.

Я кивнула. Он прикрыл глаза, постоял молча. Знаю, читаю в позе и молчании: он очень хочет скрыть облегчение, ему стыдно... а вместе с тем легко на душе. Он милый, мягкий человек и безумно любит Лоло. А я завидую теплоте отношений в их семье. Я всегда думала о Лоло хуже, чем она заслуживала, и лишь теперь поняла это. Я не могла простить ей родных родителей и любящих старших братьев. Но сегодня простила. Честно.

– Могу я поговорить с Эленой один на один? – несмело спросил у консилиума тот, кто мог приказать. Я едва не расхохоталась: у всех согласных головы ходят, как у кур, вверх-вниз, резкими рывками. Им дурно, ох как дурно. – Спасибо.

Мы прошли в соседнюю комнату. Хранитель опять долго молчал. И спросил ровно то, что было самым бессмысленным: зачем я так поступила?

– Кроме вас некому защищать город, – сказала я. – Анализируя события последних дней, я пришла к выводу: Ларкс обладает редким по силе даром внушения. Теперь я уверена, генно он в самом мягком случае «гамма», причем с недопустимыми отклонениями. Разоблачать его не стоит, это обойдется вам в жизнь дочери или еще дороже. Но выставить всю семейку Юргенов из города надо. И как можно скорее!

– Елена, но как же вы?

– Интересный вопрос. Думаю, некоторые вехи в жизни нельзя обойти. Я расшифровала текст в капсуле. Моя биологическая бабушка покинула родной город, затем моя биологическая мама была вынуждена поступить так же. Обе ушли гораздо позже, чем следовало. А я... возможно, еще есть время что-то исправить. Не знаю, что. Буду стараться понять. В качестве одолжения: вы могли бы собрать для меня вещи? И не выселяйте моих из дома. Я прошу много, но быть вежливой поздновато.

– Да. Это я могу.

Он встал и вышел.

Я понадеялась на передышку... Зря. Сразу же на пороге образовался Юрген-старший. Красный, потный, очумелый. Кажется, его прямо теперь ознакомили с тонкостями наших законов, и он осознал: приговор не отменить и не подправить, совсем никак.

Дверь скрипнула и закрылась. Юрген прошествовал к креслу и рухнул, и выпустил раздражение длинным «о-ох»...

– Ну, чего ты упёрлась? – хмуро бросил он. Гортанный акцент чужака слышался сильнее обычного. – Хотя понимаешь, что доигралась?

– Вы убили человека, который любил меня. Я намеревалась добиться брака именно с ним. Вы хотели шокировать меня? Вы преуспели, в одну ночь перевернули мои взгляды на жизнь и смерть. Умом я уже поняла это, но пока остаюсь в шоке. Бесполезно что-то втолковывать мне прямо теперь. Не услышу.

– Нет, неверное видите. Нет такого плана. Не было. Тут был... несчастный случай, – он поморщился.

– Вот как? Вы не контролируете агрессию Ларкса? Хм... Если подумать, вряд ли вы с ним родственники. Я неплохо читаю родство по внешности. Он – чудовище. Вы и того хуже, вы используете и поощряете его... такого. Хм. Однажды он избавится и от вас.

– Чушь, – устало отмахнулся Юрген. – Буду говорить прямо. Мы на пороге войны. Великой и неотвратимой войны истинных людей за право на мир. За место, достойное предков. Они говорили: человек – венец творения, царь природы. Но мы жалкие рабы, запертые в клетках городов. Я хотел дать тебе шанс бороться рядом с лучшими. Принести свободу каждому человеку, в каждый город. Это есть высокая цель! Она потребует сил и времени, потребует жертв. Но это есть путь развития, а не вымирания. Только так мы победим! Только так, мы должны бороться, мы – люди...

– Бред. Ларкс в числе «лучших»? Он, в понимании предков, не человек. А война... идите вы куда подальше с навязчивыми маниями предков. Они уже довоевались. Зачем повторять их худшие ошибки и возрождать их глупейшие заблуждения?

– Вот так, – Юрген кивнул и чуть помолчал. Заговорил иным тоном. – Позаботимся о насущном. Тебе ведь хватит ума при всех молчать о...

– Шок у меня давит эмоции. Плакать не могу, даже Ларкса ненавидеть не способна. Зато мой рассудок в порядке. Я понимаю: то, что дорого мне, уцелеет, если я промолчу. Удобная сделка. Исполнимая, простая.

– Хотя тут мы договорились... – он встал и удалился, не оглядываясь. Хмыкнул напоследок: – Я думал, ты умнее, «зеро».

Мне едва хватило самоконтроля промолчать. Хотелось сказать... Ох, как много хотелось напоследок сообщить монотонно, раз уж не могу кричать и рычать! Но я молчала и слушала, как удаляются шаги моего врага. У старого Юргена наверняка руки по локоть в крови. И он опять безнаказанно уходит. Когда шок схлынет, буду сожалеть, что даже не попробовала чем-то тяжелым кинуть в затылок.

Пульс семьдесят и успокаивается. Наконец-то передышка. Наверняка у меня есть час-другой, а то и больше. Пока город паникует, я должна выспаться. Обязана! Я сейчас тонкая и хрупкая, как весенний лед. Если сломаюсь, без Матвея меня некому будет собрать. Это недопустимо.

Я закрыла глаза и заставила себя дышать ровно. Мелко и очень ровно. Начала восстанавливать в памяти ощущение светлячков и сердца-фонарика. Было трудно, но я старалась. И, засыпая, я даже улыбнулась.

Приговор привели в исполнение на рассвете. Я подобного никогда не видела, у нас суды – редкость, жесткие меры вообще уникальны, памятные для целых поколений. Пуш – город с широкими взглядами и специфичными законами. Мы тесно живем, преступления в таком герметичном мирке – редкость. Генные отклонения по агрессии и подспудной тяге к жестокости мы удаляем безжалостно, в зародыше... причем порой именно так, буквально. Взрослые

несогласные и неудобные знают особенности закона Пуша и терпят их, чтобы однажды покинуть город с попутным поездом. И попробовать себя в ином городе, с чистого листа...

Мы многое помним о науке, оттачиваем с раннего детства то, что называют понятийным и абстрактным мышлением. У нас фактически нет «верующих» – тех, кто норовит обзавестись богом как универсальным смягчителем диссонанса между желаниями и действительностью. «Фанатик» – ругательное слово в Пуше. Бесконтрольные эмоции тоже, они для детей. Взрослые обязаны быть людьми, а не стадом или, хуже, стаей.

Сегодняшнее утро запомнится городу надолго. Я нарушила базовый закон самым грубым образом: «Врач ни при каких обстоятельствах не имеет права использовать разум и навыки для причинения смерти». Я училась на врача и сама призналась в том, что действовала обдуманно. Смягчающих обстоятельств нет. Толькоотягчающие...

Меня разбудили, хлопнув по плечу. Сразу указали на мешок: его собрал, конечно же, отец Лоло. Затем мне так же молча указали на дверь.

Я вышла на улицу, стараясь сохранять лицо спокойным и дышать ровно. Осмотрелась. Кажется, весь город здесь. Люди выстроились вдоль обозначенной для меня дороги. Смотрят из окон домов, с крыш. Им, конечно, уже рассказали о ночном убийстве. Теперь они могут только молчать. Каждый молчит по-своему. Во мне сомневаются, меня осуждают, в моё лицо всматриваются недоуменно, от моего ответного взгляда виновато или гневно прячут глаза... Я перехватила мешок поудобнее и пошла, куда указали. От здания совета, мимо больницы, через парк...

В голове так пусто, что она совершенно не имеет веса. Я перебираю ногами и не могу понять, иду или плыву, живая я – или привидение без плоти и воли. Взгляды толкают, и я поддаюсь, поддаюсь... Пульс тикает посекундно. Он ровный, хоть с этим делом я справляюсь... То есть справлялась, пока не увидела Мари.

Сперва услышала, конечно. В городе, забитом тишиной, как ватой, она одна – кричит! Я бы услышала от здания совета, но из-за шока у меня что-то со слухом. Тишина давит, взгляды давят, под их прессом мне душно и тускло.

– Гадость! Ложь! Эли не умеет даже муху прихлопнуть! Эли срезает цветы и извиняется, вы же знаете, – Мари размазывает слезы по опухшему лицу то одной рукой, то другой. Она так ослабла под тяжестью происходящего, что не может удерживаться в сидячем положении без опоры хотя бы на одну руку. – Стыдно! Всем должно быть стыдно! Пустите, не хочу тут быть, мне душно, я не согласна! Никогда не соглашусь! Я уйду! Я уйду с ней!

Рядом с Мари – извечный друг-ухажер Пашка, самый надежный, с детства ей преданный. Сейчас он ярко-веснушчатый по зеленой бледности. Лепечет невнятно, а сам похож на глупую речную рыбку: губастый, и губы шлепают впустую, настоящего звука-то нет... Пашка обнимает Мари за плечи всякий раз, когда она дергается встать. Ей не позволят уйти, она и сама знает. Только сейчас она не в себе.

Сердце моё – лопнуло. Встало наглухо, и сразу под лопатку ударила боль. Спазм скрутил меня, сделалось непосильно дышать, двигаться и просто жить. Я дернулась, слепо направила опору... Под пальцами мажется и крошится клейкая смола. Хоть раз сосна попала в нужный момент! Чего уж, шишку я сегодня набила, и не на лбу, а на сердце. Оно, кстати, поупиралось – и дрогнуло, заработало. Быстрее, быстрее... Как сумасшедшее. Сразу стало жарко, словно посреди туманного утра разразился летний полдень. Я вспотела, в ушах зазвенело.

Что-то во мне переключилось. Я увидела, ощутила, осознала сразу весь город. Каждого человека. Как смотрят, что решили для себя по моему поводу, зачем вышли из домов или же остались в домах.

Деда Пётра плачет у себя в комнатухе, он совсем плох, руки дрожат, но упрямо перебирают пластинки. Нашупали нужную, прилаживают на место. Рядом сопит Али – я знаю, он часто ходит к деду и обожает музыку. Правда, ему бы что побыстрее-повеселее. Когда музыка

нравится, Али отстукивает ритм азартно, с привизгом. Сейчас малыш серьёзен. Помогает пластинке попасть на штырек. Шипение, шипение... Едва слышное, но я переключилась, мне – внятно. Ага: деда поставил «Вальс цветов». Деда знает меня лучше, чем я сама. Он предупредил очень давно: выбрав осторожность, я ступила на легкую дорогу, но за эту легкость однажды внесу очень тяжелую оплату... Сейчас я поменяла выбор, и дед поставил музыку из сказки, где дорога ужасная, но в конце – сбывшаяся надежда. Это его пожелание мне.

– Эли! – бедняжка Мари уже не кричит даже шепотом. Так, хрипит едва слышно. – Эли... Эли, прости... Эли...

Преступник становится для жителей Пуша – невидимкой. С убийцей, пока он уходит, нельзя разговаривать, ведь само его имя стерто в момент оглашения приговора. Но это не важно. Я-то уйду, а Мари придется жить в городе... Но я не могу уйти, ничего не объяснив! И не могу объясниться – при всех!

Бреду на непослушных ногах, Мари все ближе... сердце трепыхается. Уже, наверное, сто тридцать ударов выдаёт. Продолжает разгон. Никак не могу найти решение. Как мне объяснить Мари хоть что-то напоследок, ничего не говоря? Как?

Наверное, я выдумала самый нелепый способ: споткнулась, уронила мешок, нагнулась подхватить, обернулась к Мари и внятно пропыхтела что-то вроде «пых-пых-пых»... Надеюсь, в глазах посторонних выглядело, будто я тронулась умом.

Сердце замерло и снова понеслось вскачь. Я разогнулась, отвернулась... и заставила себя сделать первый шаг, отдаляющий меня от Мари. Она – за спиной. Моргает опухшими глазами, недоумевает... И кто бы понял идиотское пыхтение, тем более сейчас. Мари мало что видит, не слышит внятно, совсем не соображает.

– А я, – почти без звука выдохнула Мари, – сладко выплюсь... да. Да!

Она истерично рассмеялась, икнула и подавилась. Я тоже задохнулась. Мари поняла! Она помнит мое ночное обещание пыхтеть за двоих и всё исправить, она готова даже теперь верить, что мы не повторим судьбу Елены и Марии из прошлого.

Чую: я сейчас малинового цвета и излучаю жар. Пульс, ей-ей, все сто пятьдесят. Лица слились в полосы, сами люди стали вроде зарослей. Я неустанно продираюсь сквозь всё то, что думает обо мне город, что изливает на меня в колючих взглядах.

Я бегу, ничто более не удерживает меня. Канат привычного перерублен, якорь благодарности и терпения потерян... Не желаю запирать себя в клетке правил, чтобы быть, как все. Я взбунтовалась! Это не город приговорил меня. Это я – свободна и мчусь прочь из клетки!

Вот и ворота. Впервые вижу их широко распахнутыми, когда снаружи нет поезда с грузом и гостей. Бегу в полную силу, вырываюсь из кольца стен, спешу к лесу, ныряю в пену кустарника на опушке и продолжаю продираться дальше, дальше... Нельзя останавливаться! Тогда я пойму, что натворила. Захочу перерешить решенное, обвинить виновных и слабых. Стоит замедлить бег, и я позволю себе думать: можно ли вернуться? Хуже, я ужаснусь: как мне выжить и куда идти? Пока для всего этого – не время.

Я перемахиваю поваленные стволы, ныряю под низкие ветки, рву горячим лицом паутину, уворачиваюсь от упругих листовенных пощечин.

Бегу... но пульс делается реже и ровнее. Я отпустила его из-под контроля. К вечеру узнаю хоть что-то о своей физиологии: реальный пульс, утомляемость, ритм дыхания... Затем разберу мешок и пойму, с какими мыслями папа Лоло упаковывал вещи. Было это слепое облегчение от того, что родная дочь вне опасности, а я заняла её место? Или он смог включить логику? Хорошо бы. Мне от его эмоций не станет тепло. Мне нужны свитер и одеяло, огниво и соль. Что еще? Понятия не имею! Просто бегу.

Пульс упал до сорока и выровнялся. Сердце работает иначе, мягко и чуть лениво... Дышится легко. В голове крошечное безумие, хочется кричать и прыгать. Я – свободна! Я –

дура, поскольку радуюсь тому, что мне не по карману. Свобода всегда была убийственной драгоценностью, доступной единицам.

Не знаю, смогу ли я выжить вне города. Но я постараюсь стать собой.

Только вне стен я смогу найти ответ на вопрос, который донимает меня всю сознательную жизнь: кто я? Потому что в понимании предков, определенно, я – не человек.

Дневник наблюдателя. Несистемная запись, подлежит удалению

Демократия – власть большинства. Я, Алекс, сумма личностей и их воззрений, комплекс программ и данных, намеренно выбрал примитивное определение. Оно удачно отражает столь же грубое упрощение: инженер не может быть демократом. Гуманитарии – социолог, актер и им подобные – склонны верить в жизненную силу колонии, в пользу прозрачных стен и общих правил, урегулированных в формате игры «мы проголосовали».

Александр Мейер был инженером. Я, пусть и весьма условный цифровой наследник, согласен с моим биологическим предтечей. И вот почему. Если бы законы физики, химии или любой иной точной науки формулировались демократически, они бы ни на букву не отличались от текстов Библии, Корана и прочих им подобных высоконучных трудов. Вера была бы критерием истины, а гениям Эйнштейна или Ферма голосованием посредственностей был бы гарантирован вердикт: сжечь выскочку!

Демократии, как и религии, важна не истина, а яркая презентация текущего прочтения.

Мой инженерно-логический комплекс не приемлет дефиниций истины через осредненное мнение. Для меня венец демократии – орда волкодлаков, этой крайне эффективной в выживании и развитии помеси кропнутого контингента зоопарков со стаями одичалых собак и редкими выжившими волками... Конечно, я говорю о Западной Европе на первичном этапе воздействия на геном. Именно там и тогда возникли и волкодлаки, и само их название, данное людьми – носителями ментальности прежнего мира... Отвлекаясь от темы, добавлю: биологическое разнообразие возвышенностей восточнее, от Среднерусской до Урала и за Урал, дало куда больше феерических, непредсказуемых решений.

Когда волна, инициированная чьим-то паническим страхом, смыла родину Мейера и почти весь запад континента, волкодлаки не пострадали: успели откочевать. Как они узнали о том, что осталось тайной для последних действующих спецслужб? Спросите у волкодлаков. Если найдете с ними общий язык.

Так или иначе, двигаясь на восток, эти гении стайности поумерили разнообразие иных новых видов. Так сказать, распространили на Среднерусской возвышенности ценности демократии. И главное – отсутствие права на мнение, что демократия не идеал организации миропорядка. Полагаю, всё сложилось бы много хуже, если бы на пути разношерстной массы «голоствующих челюстями» волкодлаков не встали харизматичные одиночки, готовые пренебречь мнением толпы, даже оплатив свой выбор высшей ценою – жизнью... Я говорю о мейтарах и пожалуй даже йетарах – существах куда более загадочных. Их наличие мои системы наблюдения могут лишь предполагать, исходя из следов и косвенных признаков.

Далее аналогии с погибшим миром людей невозможны, звери оказались куда гибче и смогли развить обе системы, демократию и тиранию, до совершенно иного уровня, изменив их суть. Более того, звери успешно сочетают обе системы, не находя в них противоречий.

Однако же, ценности сообщества людей, где красота изложения идеи затмевает её смысл, где массы готовы бесконтрольно рожать законы, которые хуже уродцев, заспиртованных в кунсткамерах средневековья, где слепая толпа следует за крикунами, пока подлинные её хозяева решают задачи у всех на виду и остаются неподконтрольными невидимками...

Стоп. Очевидно, я обязан прервать запись и почистить систему. Всё это мог изложить лишь Петр Сергеевич.

Петра я оцифровал и включил в систему частично расслоённого комплекса сознаний Алекса на сорок шестой год эры кроп. То было опрометчивое, спонтанное решение. Алогичное.

Петр был гениальным физиком и врачом, а еще вдохновенным поборником монархических идей. Он был человеком того масштаба, который я оценил сразу и пожелал сберечь хотя бы в урезанном, доступном мне формате съема матрицы мозга. Я предупредил его об ограничениях оцифровки, он согласился. Тогда я еще не понимал, что такое борьба с самим собой и конфликт мнений внутри цифровой идентичности. Я поступил необдуманно.

Я боролся с оцифрованной тенью Петра тридцать лет и, не допустил худшего. Не думаю, что демократия или тоталитаризм – это то, что следует рассматривать мне, ведь я априори вне общества.

Не думаю, что решение Петра по введению кодов в боеголовки всех доступных для контроля ракет вообще имеет смысл и не параноидально по сути. Да, он прожил сорок шесть лет на очень сложной территории. Он видел, как рушились нормы этики, как люди становились зверями, как звери жрали людей. Он потерял веру в разумность человечества и его право на выживание. Скажу в оправдание Петра: будь я человеком, не знаю, как осилил бы решение города уничтожить мою семью «по общему мнению», ведь дети были и выглядели – мутантами. Словно этой дикости мало, самого Петра посадили на цепь. Он видел сожжение родни и затем жил и лечил её убийц, ведь он остался последним врачом в городе...

В отличие от меня, Петр знал весьма точно, в чем суть кропа. Увы, я утратил многое, вынужденно стирая его идентичность.

Когда остаточные фрагменты личностных оценок Петра активируются во мне, возникают подобные записи, где много горечи и мало объективности. Полагаю, он был слишком велик, как мыслитель, и сверх того душевно сломлен. Он имел право на поколения. Уверен: после подбора и попытки ввода пусковых кодов его смерть стала... моим долгом. Тогда, первый раз за свое цифровое бытие, я ощутил боль. И понял: мне не хватает как раз боли, чтобы остаться хоть в чем-то – человеком.

Почему всякая попытка рассказать о первых годах «кропнутого» мира приводит меня к несистемному результату? Вероятно, то время сложно помнить без эмоций. Оно ужасает. Вероятно, мне стоит оставить попытки создания хронологии раннего кроп-периода.

Попробую дать лишь несколько заметок.

Лучше всего механизм приспособления людей к новому миру описывает малонаучная в прежнем понимании, но рабочая и практическая градация генных свойств, созданная Кан Им Хо. Кажется, я верно указываю его полное имя, знакомое мне в звучании, но не написании.

Кан, прозванный в городах Чтецом, был первым из тех, у кого ярко проявилось новое для людей свойство. Он умел оценивать генную карту без использования оборудования. Конечно, у меня нет доказательств, нет научного и достоверного подтверждения, что Кан оценивал именно генную карту.

Петр участвовал в ревизии теории Кана, но позже я – сумма идентичностей Алекс – утратил часть его оценок, стирая Петра.

Прежде чем перейти к дальнейшему, отмечу вот что. «Пустая вода» очень по-разному влияла на геном. Здоровый, сбалансированный геном упорно сопротивлялся. То, что с ним происходило... нет, уж никак не разрушение, скорее ревизия и апгрейд.

Петр выделял два вида феноменов влияния на геном и называл их «обратная эволюция» и «квантовая телепортация». Петр отчасти играл в слова, а отчасти не желал отдавать понимание – но пусть это останется его посмертным правом.

«Обратная эволюция» более понятна мне, лучше обеспечена данными. Именно она вымыла тысячелетия из генома птиц и вернула миру археоптерикса. Последние ученые прежней цивилизации поразились, увидев вживую существо, что прежде имелось лишь в музеях,

в виде жалких реконструкций! Наверное, не в силах унять восторг, ученые взялись ловить чешуйчатых птичек – благо, летали те кое-как. Теперь, шесть веков спустя, в целом ряде городов, насколько я знаю, успешно разводят «кур». Назвать археоптерикса курицей оказалось для людей удобнее, чем поверить в обратную эволюцию... У «кур» нет общих с людьми заболеваний, а кормить их можно чем угодно: зубастые клювы перетрут и мясо, и траву, и опилки пополам с хвоей – кстати, именно таков зимний рацион на фермах.

Не только археоптерикса переименовали из-за самообмана. То, что люди сейчас называют дубом, сосной, пауком, вараном, козой... всё – ложь! Старые названия видов растений и животных – лишь способ сберечь иллюзию стабильности бытия. Людям было удобнее дать новый смысл привычным словам, чем признать неограниченность перемен. И, значит, поставить под сомнение себя самих, как законных наследников *homo sapiens*.

Вернусь к теме.

«Квантовый» феномен объяснить сложнее, нет очевидных примеров. Если попробую дать упрощенное определение, то выберу такое: явление переноса свойств, как позитивных, так и дефектных, с одного вида (индивидуума) на другой без прямого контакта.

У меня нет доказательств того, что квантовый феномен может быть контролируемым. Однако наблюдения позволяют с некоторой долей уверенности говорить: возможно, есть виды, использующие его, как инструмент саморегулирования.

Вернусь к идеям Кан Им Хо, которые проще изложить на базисе уже изложенного.

Чтец Кан, на основании личного опыта, заведомо несистемного и уникального, выделил два ключевых признака деления людей по их реакциям на кроп-воздействие. Чтец называл эти признаки резонансностью и кармическим циклом. Далее станет понятно, насколько плотно это коррелируется с теорией Петра.

Резонансность определялась Каном как способность генного материала принимать влияние извне и перестраиваться (Кан называл такой тип реакцией – податливый пластилин) или сопротивляться (называл это упругой реакцией стали).

Кармический цикл определял способность генома стабильно передаваться в поколениях. Людей прошлого Кан относил к группе «безвременья», или подавленной кармы. Их геном был очень стабилен, но при этом не обладал приспособляемостью и постепенно терял адекватность, устаревал в кроп-среде, которая бурно обновляла информацию, эволюционировала. Именно людей прошлого Кан старался собрать в города и отделить стеной от нового мира. Когда мы встречались, Кан с огромной внутренней болью говорил, что сталь имеет предел упругости и однажды ломается. Кан был верующим, вот почему он проповедовал: нежелание людей принять свою карму и отработать ее – смертный грех.

Максимальной пластичностью по оценке Кана обладал геном волкодлаков. Кан в свое время сделал предположение, что данный вид обречен на вымирание из-за постепенного накопления критической массы мутаций и утраты внутренней идентичности. Неизбежное следствие избыточной пластичности – бесплодие. Видимо, Кан не учел какие-то факторы... или волкодлаки, здравствующие поныне, нашли способ стабилизировать «пластилин»? У меня нет ответа.

Как втиснуть в классификацию Петра или Кана всю массу данных, накопленных мною? Как провести хотя бы первичную классификацию? Не знаю. Все попытки неудачны. А ведь я намеренно оставляю в стороне геном мейтаров, который мои приборы видят, как множественный. Пожалуй, это благо для стабильности моих систем – не иметь объективных данных о геноме йетаров. Вряд ли есть способ их корректной обработки.

Кан веровал, что йетары – посланники богов, чей дар непостижим. Петр не верил в существование йетаров, хотя мои базы данных хранят ряд записей о предполагаемом вмешательстве этих существ в конфликты эпохи большого переселения.

Примечание. Я опасаясь анализировать данные о йетараха и йетах, ранее это дважды вводило систему в логический ступор. Но я собираю и храню несистемные свидетельства появления йетов, йетаров. Всегда появления точно совпадают с природным или техногенным кризисом на той или иной территории. Всегда сами появления не фиксируются моими приборами, так что лишь косвенно восстанавливаю датировку постфактум. Всегда после появлений кризис разрешается. Когда я приводил эти данные Петру, он ехидно предлагал уверовать в параллельные миры и помощь «лохматой руки черта». В бога Петр не верил, и вот его главный аргумент: высший не оставил бы мир таким подонкам, как люди. Что ж, не стану спорить или комментировать, такая активность способна опять инициировать призрак Петра...

Кан – вернусь к разговору о нем – по большей части «читал» людей города, тех, кто именовал себя истинными. Вид «новых людей» – тех, кто выживает вне стен, кто встраивается в безумие отпущенной на волю эволюции... Кан прочел таких слишком мало, чтобы делать выводы. Без его уникальной способности я могу лишь полагаться на приборы прошлого, хотя осознаю их ограниченную годность в новых условиях. Что ж, мне остается лишь накапливать фактуру по данному вопросу.

Для анализа мне катастрофически не хватает творческого начала! Все же я – оцифрованный человек. О том, что оцифровка меняет в восприятии мира и себя, я поговорю отдельно.

Завершаю минимальный обзор кроп-последствий.

От катастрофы нынешнее время отделяет много поколений. Сейчас я вижу: людьми вне стен созданы и стабилизированы несколько очень разных укладов жизни со своими ценностными базисами.

Люди вне стен городов с высокой вероятностью жизнеспособны в долгосрочной перспективе. Хотя их основа – пластичный, «быстрый» по сроку подстройки, геном. То есть, в понимании Кана и Петра, такие существа лишь отчасти и очень условно могут наследовать название вида «люди».

Взгляд из степи на городскую стену

– Стоило ли приходить на сей раз, – вздохнул Старик.

– Мы не пришли, нас приволокли на аркане. Стоило ли? Старик, это был мой вопрос! – Сим сердито развел руками. – А ваш ответ... я ждал что-то вроде: «Нет, я не думаю так». Вы умеете вразумлять меня, склонного спешить.

– Ты молод, тебе можно и поспешить, – мягко улыбнулся Старик.

Упомяни в степи старика, не добавив имени или указания на род и кочевье – и любой подумает о нем, сочтет прозвище – именем. Сложно понять по внешности возраст Старика. Его почти все помнят седым. Но даже теперь он выглядит не особенно сутулым. Как все воины, с годами он стал сух и жилист, его кожа покрылась шрамами, и их, пожалуй, больше, чем морщин. Трудно понять, каков был прежде цвет этой кожи – но сейчас она темная, очень темная, солнце многих лет палило её, стужа зим жгла... Волосы старика густые, довольно длинные. Обычно они сплетены в две косицы и отброшены за спину. Одежда непримечательна: добротные кожаные штаны, сильно поношенные мягкие сапоги, рубаха тонкой шерсти и безрукавка поверх. Без вышивки: Старик не желает причислить себя к какому-то роду, тем возвышая его, даже и случайно.

Старик пережил тех, кто мог помнить его юность, происхождение и урожденное имя. Ушли во тьму нездешнюю и друзья, и враги... Живо лишь огромное уважение степи, постепенно, к немалому раздражению Старика, перерастающее в поклонение. О Старике поют у костров: он нес бремя сына дикого поля более полувека и после вернул себе разум человека, а далее смог взрастить мудрость. Взрослого Старика помнят атаманом, пожилого – шатровым большого рода. Поют, как он однажды ушел со стоянки благополучного кочевья, сказав:

Слишком много вас сбилось под руку мою,

слишком жирен и сыт ваш род.

На закон опираетесь, как на клюку...

Степи годен такой народ?

Поседевший Старик стал советником «руки тьмы» всей степи... и сгинул из военного лагеря так же неожиданно. Конечно, об этом его решении тоже сложили песнь.

Последние лет пять Старик кочует сам по себе, никого не зовет в спутники, не бывает на сборных советах. Впрочем, любому не возбраняется поклониться и сесть у костра Старика... А вот остаться гостем более, чем на одну ночевку, если вне шатра не бушует буря, почти невозможно! Но упрямцы снова и снова пробуют, стоянка Старика всегда многолюдна. Едва ли не каждый пацан в степи мечтает стать его учеником. Это сложнее, чем добыть звезду с неба: достоверно известно, что в потрепанном шатре Старика в любое время дня и ночи рады лишь двоим. Признанный ученик Старика – Ганс. Прозвище этого великана Штейн. Именно так, на германике, и вся степь знает смысл и перевод – каменный, то есть и упрямый, и верный слову, и несокрушимый. Второй гость Старика не ученик, а собеседник, он – отчий атаман степи Сим. Его прозвище выговаривают обыкновенно на альраби – *Рубач*. Конечно, такое прозвище не случайно возникло, оно сполна отражает норы Сима. Не *рубачами* в степи зовут валгов-одинцов и огромных вепрядей, не уступающих дорогу никому и никогда.

Степь уже не первый год шепчется: чем Штейн и *Рубач* смогли заинтересовать Старика? Вряд ли дело в их силе. Приходили иные сильные, ушли ни с чем... Может, важен ум? Так Ганс до смешного простодушен. Упрямство? Так кое-кто по тридцать дней у шатра на коленях выстаивал, и все зря.

Сейчас Старик, закончив ворчливо препираться с Симом, откинулся на подушки и начал *созерцать*. Говорят, такова награда для слепцов, чья душа полна до краев и велика, как небо. Редчайший дар! Старик у отсюда, из шатра, отчетливо видны стены города Самах.

Старик покачал головой и отвернулся от города. Поднялся на локтях, снова сел ровно. Принялся перебирать бляшки, рассыпанные на толстой коже степного варана. Эта шкура, натянутая на круглое основание, в дни праздников превращается в звучный бубном. В пути, берегает огонек новорожденного костра в ветреную погоду, ведь сама она не горит. На стоянках барабан используют, как столик. Вот как прямо теперь: под обод подложили несколько чурочек, приподняли его на удобный уровень. Старику не приходится тянуться и тревожить больную спину, чтобы проверить, как легли бляшки.

– Вы не думаете так, – повторил Сим и поклонился. Он сидел напротив Старика и жадно всматривался в бляшки. – Вы неизменно добры к тем, кто покидает стены городов. Но я...

Многие в степи полагают: Сим похож на Старика в молодости. Атаман в лучшем возрасте, сила играет, но даже теперь он не стал горой мышц. В нем чувствуется сухая, скрытая мощь, еще более страшная, ведь сполна она пробуждается редко и внезапно. У Сима цепкий взгляд человека умного и несуетливого. Ближние уверены, что их атаман уже отчасти постиг созерцание. Что он начинает взращивать решение задолго до того, как прочие заметят зреющую беду. Не раз бывало: самые зоркие люди кочевья еще не рассмотрели тучу на горизонте, а атаман уже ровным голосом отдает распоряжения. Без крика, без нелепой, принятой в городах, показухи. Да и одет Сим похож со Стариком. Все на нем – удобно разношенное, добротное. Вот только на его безрукавке есть вышивка: Сим очень ценит свою семью, и это тоже известно степи.

Насколько потемнеет кожа Сима к старости – кто скажет? Пока она довольно светлая: скорее медь, чем бронза. Приметных шрамов немного. Сим не избегает стычек и не развивается скакуна, завидя беду, но и глупо под удар не подставляется, если его не вывести из себя... Шрамы атамана для его ближних понятны. У левого виска – детский, полученный в зимнем буране. На шее недавний: заспорили два шатровых, а он пришел разнимать, покуда большой крови не пролилось. Малая кровь выявилась сразу, вместо приветственного слова в Сима кинули нож... а что атаман учудил в ответ, о том как раз теперь вне шатра какой-то недоросль норовит сложить песнь. Еще есть крупный шрам на правой руке, чуть ниже локтя. Говорят, нанесен саблей предков, проклятой на смерть. Зря старались завистники: Сим жив... Сидит, трет давно заросшую рану и приметно морщится. Пожалуй, лишь Старик понимает эту кривую улыбку, хоть он и слеп. Атаман намеренно оживляет давнюю боль, просит подтолкнуть к нужному решению в нынешнем непростом деле.

– Снова подозреваю: он поклоном спихивает с себя долги, – буркнул Старик и продолжил досадливо перечислять, обращаясь к единственному слушателю косвенно, не по имени а именно так – «он»: – Он не верит в тех, кто идет за ним. Не рад, что люди верят в него... Всё потому, что он до сих пор не унял свой страх. А страх бывает разный. За себя – совсем пустой, за тех, кто за спиной – ну, тут оправданий больше... за семью и весь род людской, – Старик поморщился. – А, чем я лучше? И мне страшно, Сим.

Сим – отчий атаман, знающий свое право принимать решения без оглядки на кого-либо в степи – снова поклонился, коснулся лбом пола. И тихонько рассмеялся.

– Хочу спросить. Вы каждый год бываете под стенами городов. Во исполнение закона приходите, из упорства или тут что-то большее? Я прежде был зол на закон. Скучно под стенами, особенно весной, когда степь цветет. Но прежде я жил проще.

– Кто пробует взлететь, однажды может и справиться. Но даже самому упрямому птенцу нужна хоть ничтожная, а поддержка... пусть она – ветер в лицо или дружеский взгляд в спину. Было время, и я презирал закон. Зачем приходите? Все равно не успеть всюду и не спасти тех, кому мы нужны. Зачем отвечать за слабых, исковерканных? Они, покинув город, рано или поздно сдаются, ищут для себя новые стены. Они красиво говорят о воле, но выбирают сытость. В них страх смерти гораздо больше страха утраты себя. И даже так, они всё реже выходят за ворота, хотя никто не связывает им руки и не ломает ноги, чтобы удержать в городе. Мне ли не знать...

Старик собрал бляшки в горсть, бросил, ударил ладонью, создал звук – резкий, как пощечина. Кожа варана заколебалась, бляшки несколько раз подпрыгнули и замерли. Старик повел над ними рукой, улыбнулся без радости.

– Что ж делать... Если вижу, могу ли скрыться от знания за слепотой?

– В тот день я тоже ходил к воротам, смотрел и слушал. С вами говорил особенный человек города. Он зовется Стратег. С ним трудно, руки болят, так бы и... – пожаловался атаман, глядя на свою крепкую ладонь, медленно сжимаемую в кулак. – Он лжет людям, которые идут за ним. Боится нас, желает нам гибели. Зачем? Красным муравьям не нужен его мир, тесный и запертый изнутри. Там дышать нечем.

– Там сытно и тепло даже зимой, там много знаний в книгах и живых умах, – Старик развеселился. – Как-то ночью мне явились картинки из детства. Я родился в стенах Каффы, главного города союза Осы. Я, пожалуй, дальний и косвенный предок Стратега, ведь в городах многие связаны кровью. Во сне мне был дан запах города, но тоска не шевельнулась. Она была во мне прежде, но вся высохла, рассыпалась в труху. Когда вырастешь, жить в городе так же нелепо, как искать отдых и защиту в младенческой колыбельке.

– Вы ушли... взрослым? – жадно уточнил Сим.

– Мне было пять, брату пятнадцать. Мы ушли, когда поняли: нас собираются ломать, чтоб жили тише и задавали меньше вопросов. Брат был сильнее душой, но я выжил, а он... Ты такой же бешеный. Такой же взрослый станешь со временем. Люди хорошо смотрят тебе в спину. – Старик погладил бляшки. – Брат полюбил бы степь, если бы выжил. Но у нас была одна куртка на двоих... Никто не ждал нас, никто не встретил сразу, пока можно было отогреть обоих.

– Что говорят руны? – атаман заметил огорчение Старика, резко поклонился, намеренно впечатал лоб в бубен. – У меня звучный лоб. Сильный признак крепости ума?

– Утешаешь... Руны – трухлявые деревяшки. Говорит душа. Моя болит, кровью сочится. Всё, что мы с тобой не сказали вслух, верно. Выбор безнадежен и предрешен. Закон степи в нынешнем случае даёт простое решение, ничего не решающее. Отступив от закона нам... тебе придется взяться за гибельное дело. Ловушка на атамана Сима готова. Ты – дичь, смерть голодна и клыкаста, а приманка в ловушке не особенно ценная. Зачем брать её? Я знаю свой ответ. Но сейчас твоё время.

– Многие не прочь украсить шкурой Рубача свою стену тщеславия. Пусть строят ловушки, их право. Я тоже люблю охоту. Но люди за спиной... я шел к городу и думал, что моя душа выдержит груз простого решения. – Сим досадливо добавил: – Не уважаю покорных. Он или она идут сюда подневольно.

– Кто знает, чья в том воля и выгода? Ты? Я? А, конечно: Стратег. У него спросишь? Если б ты склонился к простому решению, не вздыхал бы тут. Я бы не сравнивал тебя с братом.

– И все же, есть закон. Я умею чутить и сразу пойму, кто он или она. Тем более поймет Эт! По закону дальнейшее...

– Да, всё просто. Ты Рубач, чем тебе нехороша простота?

– Да всем! – рыкнул атаман.

Старик закинул голову и уставился незрячими бельмами в небо над шатром. По его губам скользнула улыбка. «Кто бы ни вздумал подслушать разговор, ничего бы не вызнал», – мельком отметил атаман.

Душа Сима ликовала: оказывается, он похож на брата самого Старика! В степи кровь значит много, но близость душ – больше. Атаман, и тем более отчий, властен принять любое решение. С кем ему советоваться? Разве со Стариком, слепым настолько, чтобы видеть незримое. Равным по силе души – и неизмеримо более мудрым. Кто знает, сколько зим он пережил, как много жизней спас... и оборвал.

Сим опять склонился. Выбросил из головы лишние мысли, сосредоточился на почтении и покое. Он не искал советов, не перекладывал решение на чужие плечи. Он пришел к тому, кто умеет слушать. И сейчас отдавал Старику уважение.

– Я позволил тебе выговориться и не молчал в ответ, – созвучно мыслям атамана откликнулся Старик. Снова ощупал руны. – Я рад побурчать, когда слушают... мне можно сомневаться как угодно долго, таково право старых. Но тебе – рано. Не разочаровывай меня, впустую тратя себя на вздохи. Плохая привычка.

Сим, готовый задать новый вопрос, зарычал сквозь зубы и снова стукнулся лбом о натянутую кожу бубна. Выпрямился, в два движения убил незримого врага: обманным ударом в горло и настоящим, сразу же – в бок, под ребра. Спрятал мелькнувший на миг нож, хищно усмехнулся. Его слух разобрал шум вне шатра. Старик, конечно же, давно знал о суете приготовления переговоров. Но именно теперь скорчил спесивую и глупую рожу. Сим фыркнул и кое-как удержался от громкого смеха.

– Те, из города, натянули ткань и всё прочее тоже изготовили, – молоденький дозорный сунулся под полог входа. – Ух, важные! Старик, они вопят, что нашли клинок, и что выпала нам честь, что отдают без... безвы... ща, ну ща... безвозмездно!

– Выучил, – усмехнулся Старик. Помолчал и повернулся к атаману. – Ну, сразу пойдешь один? Или мне надо соврать, что спина разболелась, чтобы не стать костылем для твоих решений?

– А то не болит, – упрекнул Сим. – Понять бы, что у вас числится ложью. Глуп я, ох глуп...

Сим гибко, без видимого усилия, поднялся из неудобного положения, хотя долго сидел со скрещенными ногами, неподвижно. Распрямляясь, атаман винтом прокрутился на левой ноге, и, пронеся правую над бубном, метко пнул черную бляшку. Он не умел читать руны, он сразу различил знак смерти, который улегся в середину узора событий...

Бляшка, поддетая носком сапога, улетела в угол и беззвучно затерялась в ворохе мехов и подушек.

– Ну да, ну да, вмиг отвёл беду, – прокрихтел Старик. – Пацан.

– Я пошёл.

Старик проводил любимчика поворотом головы. Он окончательно ослеп год назад, но это мало изменило его привычки. Ближние знали: слух у Старика тоньше, чем у летучей мыши, а упрямство его тяжелее горы... И, если он решил не брать поводья, то справится. Видит же он руны – душой, когда зрячие могут рассмотреть лишь потертые бляшки, в большинстве утраченные рисунки, неотличимые.

– Не доросли... недоросли, – пробурчал Сим, обзывая в первую голову себя.

Атаман покинул шатер и двинулся к месту переговоров. Он старался не срываться в бег. Люди города слабы и ревнивы, потому много внимания уделяют пустякам. Кто главный – тот важный и медлительный, верят они. Для мира степи это непонятно. Решать и подтверждать главенство через ритуалы и манеру поведения для атамана – бессмысленно, за него говорят подлинники дела.

Каждую весну и осень выживание людей степи зависит от шатровых, Старика, отчих атаманов. И, конечно, от сыновей дикого поля. Пусть кто угодно из перечисленных блажит, рядится в лохмотья, кричит с пеной у рта или молчит, в рот воды набрав, уходит в пески познать мудрость, вмерзает в лед на вершине горы... да какая разница? Лишь бы он справился с главным делом, и степь осталась населенной... Место первого в походе – оно не добывается словами. Люди города много раз спрашивали, как Стратег недавно: как вы выбираете вожака? Им отвечали неизменно и без обмана: он *яркий*. Для города это, похоже, пустой ответ. В городе яркими называют слова, одежды, украшения...

Сим вздохнул, повел плечами. Ломать предрассудки горожан – не его задача.

Атаман сощурился, издали изучил этих самых горожан, влезших в чужую игру, не понимая её смысла. Наверняка горожане верят, что клинок – ритуальный. Хотя на самом деле для степи важен лишь один вопрос: кто и зачем доставил сюда оружие шатрового того самого кочевья, что погибло десять лет назад? У Сима есть догадки, у Старика тоже, и схожие.

Нет лишь доказательств. Потому Сим всматривается, жадно ищет косвенные признаки. Вон Стратег – чужак в этом городе, ложный вождь, весь в тени. Он скован, напряжен... и тайно наслаждается властью. Есть и еще что-то... затуманенность взгляда? Скрытая, но неустрашимая мысль? Стратег вскидывает голову, поводит плечами – словно укушен в спину. Нет, не мысль зудит. Что-то тянется из темного поля, треплет и подтачивает душу.

Атаман сел на приготовленное место – всего-то камень, накрытый мехом. Долго и безразлично взирал на Стратега, выполняя правила городской игры важных людей.

– Слушаю, – наконец, Сим произнес всего одно слово.

– Клинок – причина вашего внезапного возврата под стены Самаха?

– Нет простого ответа, нет желания объяснять сложный, – Сим покачал головой. – Вы привыкли стоять на стене. Свысока смотрите на степь, всё внизу вам мелко, плоско... Знаете старую игру в шахматы?

Стратег осторожно кивнул. Даже сквозь плотную ткань полога, разделяющего переговорищиков, было заметно, как напряглось лицо Стратега: дикарь говорил странное, подобных слов от него никто не ждал.

– Есть ли у пешки право обсуждать партию? – продолжил Сим. – Мы собраны здесь чужим хотением. Игрок скрыт. Он – тот, кто... пошёл с клинка.

– Клинок – тоже пешка? – быстро спросил Стратег. – По вашей логике, им пожертвовали?

– Клинок просто вещь. Так скажу: мне легче убить вас, чем подать вам руку. Но даже вам я не желаю участи пешки. Знаю, вы не ответите, кто дал вам клинок. Нет сомнения, к вещи вы добавите человека. И я, атаман Сим, должен слепо принять то и другое? Хотя я в степи – не пешка.

– У нас нет темных мыслей! Мы желаем начать сближение и общение с людьми степи, вернув вам ценность. Мы полагаем, что готовность породниться – это обычное...

– Пусть придут. Клинок и человек. Это женщина, верно?

Атаман поморщился, наблюдая согласный кивок Стратега. Теперь он не сомневался в правоте своей первой оценки: да, человек по ту сторону разделительного полога словно бы пьян, его жесты намеренно отчетливы. Попытаться что-то втолковать ему дважды бесполезно: он не единомышленник, он временно необъективен.

– Пусть приведут.

После ответа Стратега потянулось ожидание. Тихое, вязкое, всем в равной мере неудобное. Сим выглядел безмятежным, и ждал... обреченно.

За спиной атамана стояли двое. Люди города вряд ли понимали, кто они таковы. Мысленно причисляли к охране. Тем более смуглый воин слева, огромный как гора, лениво поигрывал кнутом. А вот правый – гибкий, светловолосый и до того молодой, что усы не пробиваются – оставался безмятежным. Он пришёл как всегда без оружия, разве что крутил в пальцах травинку. Он казался людям города неопасным, даже неуместным... эдакий степной дурачок!

На «правого» горожане не глядели, настороженно изучая «левого»... Откуда им знать, что травинкой юноша способен убить в любое мгновение, не сходя с места. И хуже – атаман ощутил не глядя, по звуку дыхания – сейчас светловолосый чуял тьму, незримую прочим... и медленно зверел. Значит, смерть, как говорится, зависла в полувздохе от него – от взрослого, состоявшегося сына дикого поля.

– Эт, друг, – позвал атаман и добавил тише, – дыши ровно. Прошу.

Сперва ничего не изменилось. Но постепенно слова пробились к сознанию. Юноша раскрыл ладонь, поднес к лицу. Сдул травинку. Атаман покосился на друга: вроде, отпускает его. Ресницы вздрагивают. Подбородок пошел вниз – выдох, Эт расслабился.

Сим снова уделил внимание людям города. Слепые они, совсем слепые! В трех шагах от них находится опытный, в полной силе, сын дикого поля – но горожане не способны понять, что удостоились права наблюдать величайшее чудо. Для них Эт – нелепый пацан. На него изредка бросают брезгливые взгляды... Одет в лохмотья, бос. Волосы, совсем побелевшие за лето, полностью закрывают узкое бледное лицо, они легкие и летят по ветру, как ковыль... Глаз Эта не видно. Кажется, он спит, чуть покачиваясь.

Вдруг Эт напрягся. Втянул ноздрями. Атаман проследил взгляд друга – и скрипнул зубами. Клинок несла девочка. Она приближалась... словно призрак из кошмарного прошлого выплывал в явь. Девочке лет двенадцать, она тонкая, лицо заострённое книзу, волосы цвета линиялой осенней травы. И даже родинка – у левого виска, то же место, та же форма лапки кроля!

Больше нет сомнений: клинок лишь вещь, девочка – настоящая ловушка. Закон, как и говорил Старик, предписывает простое решение по такому ясному делу. Мгновенное!

Люди Стратега разом побледнели: «левый» страж гулко вздохнул, потянулся к ножу, размером и весом похожему на саблю... и замер, заметив едва уловимое отрицательное движение головы атамана.

– Мое решение, Штейн, – молвил Сим.

– Закон простой, – вроде бы упрекнул любимчик Старика, но в голосе не было раздражения. – Хотя... твоё решение, Рубач.

Сим прикрыл глаза и ощутил мгновенное облегчение. Верно, закон степи сегодня останется неисполненным, душа не готова принять тяжесть простого решения. Пусть догадки верны, пусть Эт распознал тьму без ошибки и стал жутко, окончательно безмятежен.

– Мы принимаем клинок и ребенка, – атаман протянул вперед руку и посмотрел в свою пустую ладонь, без оружия, даже не сжатую в кулак. – Мы уходим мирно, допустив вопреки очевидному, что вы не таите умысла.

– Крайне странные слова, о каком умысле идёт речь? Мы по первому вашему слову отдали заветный клинок, – Стратег начал готовить почву для торга.

– Мы не просили ни о чем, не было первого слова. Но я скажу теперь. В городе кто-то умер.

Атаман прищурился, почти не тратя себя на общение с горожанином, сейчас куда важнее не упустить перемен в друге Эте! А перемены – копят, все сильнее настораживают: Эт нюхает ветер, перекачивает в пальцах новую травинку.

– Воистину, город – место вне мира, – Сим повернулся лицом к Эту и теперь говорил, в основном, чтобы тот мог слышать голос, спокойный и уверенный. И смотрел, чтобы Эт ощущал тепло знакомого взгляда. – Мне не постичь, зачем вам, горожанам, вмешиваться в... Не важно. Скажу напоследок одно: закон степи велит нам принять любых людей, покидающих город. Мы даем таким одежду и учим наречию, если надо. Помогаем пережить первую зиму. Дальнейшее зависит от них.

– То есть, если я выйду из ворот, – удивился Стратег, – или вот он...

– Любой, кроме тёмных ведм и «куколок». Кто они, не стану уточнять, слишком долго и сложно. – Атаман оживился, прямо глянул на Стратега. – Вы, люди города, забыли своё право выйти, чтобы жить в большом мире? Как нелепо. Тогда разговор исчерпан. Мы сворачиваем шатры. Уходите, скоро будет много пыли.

Атаман встал и сразу отвернулся от горожан. Прошёл вдоль ограждающей занавеси, пахнущей мертво и душно. Девочка стояла у края ткани, на временной и очень условной границе

двух миров – города и степи. Её жизнь и смерть сейчас определяли два закона степи, противоречащие друг другу.

Девочка вышла из города и значит, имела право на помощь в первую зиму.

Девочка была опознана атаманом и Этом как темная ведьма или куколка – значит, подлежала немедленной казни. Опознание неоспоримо: даже отказавшись поверить себе, Сим не мог усомниться в чутье Эта. Друг прямо сейчас видел тьму, эта тьма погасила все блики в его взоре, сделала глаза бездонными.

Итак: помощь до весны или казнь на месте? Сим улыбнулся... и без колебаний сделал окончательный выбор – выбор отчего атамана.

Всякий закон степи прогнется и сломается, пожелай того отчий. Но, ломая закон, атаман примет на себя последствия.

Сим положил руку на середину потертых ножен, прощупал рельефный знак рода, погибшего десять лет назад. Клинок был тот самый. Сим помнил ножны. Впервые он увидел клинок очень давно, задолго до той беды... И сейчас остро, болезненно вспомнил себя – мальчишку неполных семи. Мир казался прост... В ту весну два кочевья сошлись, был праздник. Сим-ребенок встретил в большем кочевье Дэни – парнишку своих лет, как-то сразу назвал другом, прирос душою... Вместе они пробрались в шатер совета. С замиранием сердца сняли с подставки клинок, созданные еще во времена предков.

Как давно это было, словно в иной жизни! Оружие предков казалось чем-то безмерно важным, а ножны – очень красивыми... Весь мир был простым, и люди его были единым целым – красными муравьями великой степи. Пальцы Сима-мальчишки были короткие, тонкие. Они едва могли обхватить ножны. Друг Дэни понимал слова и сам говорил, а еще он много улыбался. Еще бы, Дэни жил в счастливой полной семье, которую ждало скоро пополнение...

Да, в тот год младшая сестра Дэни еще не родилась. Но позже Сим видел ее. Уж он-то помнил все, он сознавал с болью и гневом, как похожа на умершую девочку нынешняя подделка! Лицо, глаза, родинка, цвет волос... Кто все продумал, кто безошибочно построил ловушку и снабдил приманкой?

Если бы сестра Дэни выжила, е теперь было бы двенадцать. Почти как и девочке, что вышла из города и вынесла тот самый клинок.

Сим, отчий атаман степи, сжал пальцы на ножнах. Прошлое дрогнуло... и развеялось. Обхватить кленок теперь слишком просто. Вес клинка почти не ощущается в большой ладони.

Атаман потянул клинок на себя. Девочка всем телом качнулась вперед, сделала шаг. Она цеплялась за ножны так отчаянно, что костяшки пальцев стали даже не белые, а сине-жёлтые... В светлых крупных глазах застыл ледяной, глубинный ужас. Ничего, кроме пытки и смерти девочка не ждала. И все же она шагнула, не воспротивилась. Не закричала. Не попросила о пощаде даже взглядом.

«Пойди пойми, откуда она явилась, как с ней обращались до появления в городе и позже, в ограде его стен», – подумал Сим и, не отпуская ножны, уложил свободную руку на костлявое детское плечо.

– Идём, тебе открыта вся степь, – негромко произнес Сим на родном для себя тартаре. – Здесь, на стоянке Старика, говорят в основном на трех наречиях и мешают их по всякому, нет правил и ограничений. Тебе что роднее: славь, тартар или альраби? Наш мир – круговерть... Мой отец из срединной степи и всю жизнь по-черному ругается на тартаре. Вот он, – Сим глянул на огромного воина, – каменный Ганс. Он каждый день ругается на германике, хотя севера не видел ни разу в жизни. Явился со своей кошмарной мамашей из огненных песков дальнего юга.

Сим знал: Ганс любому новому человеку кажется простым и страшным. И мать его, до беспамятства свирепеющая в бою, одним взглядом вгоняющая в пот великих воинов – тоже кажется при первой встрече дикой и глупой. Лишь чуткие не попадают в ловушку очевид-

ного и получают право второй раз говорить с этой семьей, по-дружески сесть у их костра и разделить пищу...

Сим продолжал плавно выговаривать слова, выстилать ими тропку первого знакомства с девочкой.

– Предки веками жили в одном месте, называли его родиной. Говорили на одном наречии и были внешне подобные друг другу. Занятно. Почти как теперь в городах. Умом я верю в историю о предках, но только умом. – Сим улыбнулся. – Ты похожа на северянку с опушки леса. Я прав?

Девочка молчала, судорожно цеплялась за ножны. Она вряд ли сознавала, что с ней говорят и тем более – что от неё могут ждать ответов. Она переставляла ноги, и это отнимало все силы, всё мужество. Но постепенно девочка привыкла к теплу руки на плече и к мягкому говору в ухо. Моргнула, слотнула – и попробовала слушать. Когда атаман довёл её до шатра, девочка решилась, отпустила ножны. Чуть не упала, но за спиной вплотную стоял тот самый, недавно упомянутый, Ганс.

– Сходу за жратвой, – прогудел Ганс в светлую макушку, смотал кнут и удалился.

– На охоту, – прошелестел Эт и прынул прочь.

– Прошу, не уходи, друг, – атаман нацелил взгляд в гибкую спину. Беловолосый дернулся и замер. Он, ощущал взгляд Сима, понимал лучше слов. Атаман поспешил добавить слова, удержать друга: – Прошу... кому, кроме тебя и меня, ценен клинок? В нем твоя память. Ты один из всего кочевья выжил.

Эт выдохнул, плечи сгорбились. Он замер в неустойчивой на вид позе, затем округлил спину, поднырнул под край полога. Намеренно создавая звук каждым шагом, прошелестел по шатру. Эт уважал Старика и старался для него, слепого, даже стукнул пальцами по столу-бубну – вроде как назвался.

Атаман глубоко вздохнул и чуть расслабился. Спиной отодвинул край полога, попятился в шатер. Он продолжал придерживать девочку за плечи, направлять, пока не усадил её напротив Старика. Сразу устроился рядом и стукнул по бубну, подражая манере Эта.

– Новый человек из города здесь, старик.

– Рад, два года мы попусту ходили к стенам, и лишь в нынешнее лето не потеряно зазря... Какое имя назовешь, дитя? – спросил Старик.

– Арина, – глядя в свои сжатые замком руки, шепнула девочка.

– Тебя никто не обидит, ты под рукой Сима, отчего атамана, – продолжил Старик. – У нас принято говорить, что думаешь. Особенно такое поведение полезно новому человеку. Все смотрят на тебя. Имя занятное... Помнишь его или так велено?

– Ничего не помню, – в отчаянии шепнула девочка. – Если спорю, она смотрит на меня... и тьма душит. Я давно не спорю. Кажется, всегда... Не буду врать. Меня привели в город вчера. Их было пятеро. Мужчина, имя Идри. Женщина, имя Сулаф. Юноша, имя не называл. Еще две женщины, обе молчали, их совсем не знаю. Откуда мы пришли, не помню. Давно ли я живу с ними, не помню. Кто они? Не помню... Вы убьете меня? Наверное, во мне зло. Та женщина не умеет делать хорошего. Я устала. Даже хорошо, если убьете.

– Жратва! – рывкнули издали.

Девочка вздрогнула. Повернула бледное лицо и замерла, моргая и стараясь не заплакать. Сквозь слезы вряд ли она видела, как в щель меж полотнищами втискивается огромный Ганс, нагруженный корзинами и мешками. Как он принимается расставлять и раскладывать доставленное, как режет и рвет припасы, чавкает и принохивается.

– Когда ты ела, Арина? – спросил Старик.

– Не помню, – сникла девочка. – В городе обещали накормить. Не дали даже воды.

Эт резко втянул воздух и уставился вдаль, сквозь полотняную стену шатра. Глаза его – атаман знал по опыту – сделались таковы, что в них нельзя смотреть: там бездна, подобная водной толще горного озера Хиль.

Зачарованное озеро омывает уступ под той самой пещерой, куда стремится уйти Эт. Невозвратно уйти, окончательно...

– Эт, я здесь, – тихо молвил атаман и положил руку на запястье друга. – Посиди еще с нами, Старик тебе рад.

Эт вздохнул и прикрыл глаза. Сим тоже опустил веки... но озеро Хиль все еще оставалось где-то рядом, смущало и подтачивало рассудок. Много легенд о том озере, и самые невероятные – правдивы. Не раз случалось: человек мельком смотрел на воду... затем шел к берегу, наклонялся, всматривался в омут Хиль, гнулся ниже, ниже... и падал в ледяную воду. Камнем уходил на дно. Воды Хиль прозрачны на всю глубину – но тело в них пропадало... навсегда, бесследно.

– Эт, – атаман снова окликнул друга. – Эт, я друг тебе, я знаю твою душу. На самом деле ты не стремишься туда. Озеро тянет всех. Не верь в его ложный покой. Тем холодно, а покой – он теплый. Как руки и души живых людей.

Девочка искоса, боязливо поглядела на беловолосого. Вздогнула, осознала прозрачную бездну незримого отсюда озера.

– Эт, где твоя фляга? – громко спросил Старик.

Беловолосый сник. Нащупал на поясе крохотную фляжку светлого металла со сложной чеканкой по всей поверхности. Отпил глоточек и заткнул пробку. По лицу прошла судорога, подбородок уткнулся в грудь... когда Эт снова выпрямился, его взгляд сделался обычным, почти человеческим.

– Я принял решение, – сообщил Сим, продолжая глядеть на друга. – Эт, ты помнишь? Когда мы были детьми, моя бабушка сказала, что в особенных случаях следует выйти в путь, чтобы затем найти его цель. Сейчас совсем особенный случай, нам пора в путь. Я иду, я ведь атаман. Ты тоже идешь, это клинок твоей семьи. Арина идет – она принесла клинок. Только мы в деле.

– Злыдень Сим прав, но жесток, – ладонь Ганса прогрохотала по шкуре варана. Басовитый голос слился с гудением бубна, в речи мешались славь и германика. – Я б пошёл, погулял по степи. Но я назвался сыном Старика. Он не спорит, вот чудо! – Ганс положил ладонь на плечо Арины поверх руки атамана. – Арина, айда выбирать тебе скакуна. Понимаешь? Меня понимаешь?

– Мало... понимаю. Чуть, – медленно выговорила девочка на западном наречии. Выпрямилась, повернулась к Симу. – Кто я здесь? Кто мне хозяин?

– Мы – красные муравьи, так прозвали нас живущие вне степи, и мы сперва привыкли, а затем согласились со своим именем. Мы сами себе хозяева, но в то же время принадлежим степи. Простой муравей следует приказам шатрового своего кочевья, уважает советы стариков и власть людей боя, когда приходит их время. Но даже шатровые, тьма воинов и старики не оспорят слово отчего атамана, если он сказал такое слово в полный голос. Я и есть отчий атаман, я уже сказал свое слово. Понятно? Далее... Ты простой муравей. Но даже тебе, покуда шатры не уложены во вьюки, дозволено спорить с кем угодно. В походе моя воля станет полной, – негромко сообщил атаман.

– Поняла, – Арина поклонилась. – Могу спросить, вы хотели меня... убить? За что?

– Десять зим назад погибло кочевье Эта. Его двухлетняя сестра пропала, мы не нашли тело. У тебя такая же родинка, как у неё. Лицом ты похожа сразу на мать и сестру Эта, могу подтвердить. Ты назвалась их именем. Арина, пока не ожила твоя память, нет тебе воли выбирать путь. Будь близ меня и как можно дальше от Эта. Ты пахнешь иначе, чем его сестра. Он в смятении. Понятно?

– Да. Как мне вернуть память?

– Не знаю. Разве попросить помощи у северного чернолеса, есть такие особенные мудрецы в народе лесников. Чернолеса умеют то, что для людей степи чуждо. Говорят, в корнях леса спит вековая память, и они имеют дар будить корни леса... и корни людских душ. Но идти на север далеко, да и кровь на опушке еще свежа, многовато её было пролито. Мне трудно просить чернолеса об услуге. – Сим досадливо поморщился. – Эт, я выбрал путь для нас троих, не оспоришь?

– На охоту, – негромко сказал Эт и выскользнул из шатра.

– Он понял твой выбор, но ему тошно от мысли о ранней зиме, – Старик снова стал щупать бляшки, добавил задумчиво: – Решение принято. Как душа твоя, легка?

– Вполне, – Сим улыбнулся мягче, теплее. – Спасибо, Старик.

– Айда! – взревел Ганс и поволок девочку вон из шатра.

Пожалуй, в самое время: она окончательно перестала понимать рассуждения людей степи, все говорили быстро и, в точности как предупреждал атаман, сплетали слова и фразы разных наречий в невообразимо пестрый узор беседы.

Старик проводил Ганса поворотом головы и некоторое время сидел, вслушивался: роко-чущий бас удалялся, удалялся...

– Ты прав, – наконец, молвил Старик. – Когда нет решения, худшая ошибка – стоять и сомневаться. Иди. Куда и зачем, поймешь позже. Я, так и быть, погуляю в широком поле, присмотрю за степью... За своего друга Эта не бойся, его душа ещё не иссохла. Он знает твою дружбу. А теперь верни бляшку.

– Какую? Эту, что ли, – атаман сразу нашел в ворохе меха черную руну, которую недавно сам же и пнул с глаз долой.

– Думаешь, смерть в ней? Думаешь, стоит смахнуть смерть с поля, и дело сладится? Зря. Дважды зря. Предсказания... труха, – Старик позволил бляшке скатиться с ладони. – Смерть завершает одно и начинает иное. Ты атаман, тебе еще есть, куда расти. Эт – сын дикого поля, и ему есть, куда расти. Ты не желаешь глянуть в смерть, он не умеет смотреть в жизнь. Как бы вам друг у друга перенять... – Старик вздохнул, оборвал фразу, нащупал одеяло, потянул на ноги. – Наглец Ганс! Назвался сыном, перекричал меня. Жалеет? Знает, не в радость мне зимовать без тебя. Опять сам с собою зачну играть в шахматы. Скука в том, скука...

Сим последний раз тронул черную бляшку, улыбнулся. Поклонился Старiku и засобирился на выход, мысленно решая, что сказать каждому из ближних, чтобы удержать всех в лагере Старика... где им не угрожает беда.

– У девочки глаз темный, чую, – молвил Старик в спину.

– Сам взгляд ясный, с искрой. Но дно... – атаман поморщился, – заиленное. Дар в ней есть, и пока скрытый. Я умею чутать. Она и ведьма, и куколка, то и другое сразу, я так рассмотрел. И все равно я попробую.

– Так разве *пробуют*, Рубач? – вздохнул Старик, выделяя слово «пробуют». – Уж себе-то не лги, ты рубишь с плеча. Вот бы дожить и глянуть, как ты однажды научишься пробовать. Я стар, я был в пещере над озером Хиль и кое-что помню о себе прежнем. Но даже мне не видно, родник она или болото.

– Родник на болоте, – грустно улыбнулся атаман. – Спасибо, что отпускаешь. В степи многие скажут, Сим блажит... Пусть, зато сам Старик понял меня.

– Люди... люди. Они говорят без умолку. Сам-то веришь, что Эт отогреется? О нем даже я ничего не пообещаю. Кто утопил душу в озере Хиль, тот не возвращается к людям... нет ему путеводной звезды без семьи, без домашнего света. Но ты ему друг, верь в него. Иных-то корней нет у его души, как еще держится, в перекати-поле не обращается?

– Уйдет он, для меня будет хуже, чем самому умереть. Я один помню Дэни... человеком. Я мечтаю однажды услышать от него осознанное слово. Не про охоту.

Дневник наблюдателя. Живучесть цивилизации

Для меня интересен процесс распада основных структур цивилизации прошлого. Я наблюдал крушение в условиях, где отсутствовал внешний враг – реальный или вымышленный, где не было так называемой линии фронта, а равно и безопасного тыла.

Если человечество, отдельные его страны и институты управления, имели планы локализации и преодоления кризиса, могу констатировать: эти планы не сработали. Досадно. До кроп-инцидента человечество подвергалось глобальным ударам разного рода. Могло подготовиться, извлечь уроки из ошибок, выстроить стратегию выживания. Могло ли? Поздно задавать такой вопрос.

Темпы деградации и разрушения были неодинаковы по странам и регионам. Этому способствовали как объективные, так и субъективные факторы. Перейду к ним позже. Прежде укажу: срок регионализации, нарушения связи и координации любых процессов в масштабе планеты оказался ничтожным и не превысил месяца. В тот же период уместился процесс утраты полноценного контроля над своей территорией в большинстве стран. Причин вижу несколько.

Кроп-фактор проявил наибольшую активность в густозаселенных регионах. Они же являлись в той или иной мере центрами управления для цивилизации. Когда в мегаполисах не удалось остановить панику и наладить системы снабжения, всё стало по сути безнадежно.

Кроп-фактор не имел единого эпицентра и не поддавался локализации. Хуже: на кроп бурно реагировали люди, подверженные наибольшему стрессу. В условиях кризиса стресс для управленцев был неизбежен, они оказывались в группе максимального риска деградации генома.

Нельзя не упомянуть ту легкость, с которой элита самоустранилась и постаралась обеспечить спасение себе, а не цивилизации в целом. Управление из бункеров и им подобных «безопасных» закрытых зон внесло изрядную долю неэффективности в процесс, и без того не идеальный.

Повлияли существенно еще два фактора, которые хочу выделить.

Это, во-первых, продукты и антропогенные воздействия, которые резко увеличивали вероятность «взлома» даже относительно стабильного генома. Укажу особо так называемые ГМО-продукты – имея грубые генные заплатки, они проще разрушались под влиянием «пустой воды». Кроме того, их воистину убийственная роль была двойкой: неспособное дать второй урожай зерно-«терминатор», распространенное на огромных посевных территориях, сделало для целых стран голод не просто скорой угрозой, но реальностью уже второго-третьего года кризиса. Некоторые виды излучений оказались не менее надежными отмычками для генокода, увы. Так, в первые десять дней кроп-катастрофы, когда еще действовали системы планетарной коммуникации, было распространено предупреждение по поводу риска использования томографов и «иных приборов сходного принципа действия».

Во-вторых, свою роль сыграла и степень загрязнения среды обитания. Ряд регионов Азии вымер в считанные дни. Это было воистину ужасающее в своей полноте уничтожение жизни. У меня есть записи дронов, паривших над промзонами. Но даже я, лишь отчасти человек, предпочитаю не просматривать их. Хотя понимаю: коллективную могилу люди вырыли себе сами. Концентрация производств с чудовищными по токсичности выбросами на ничтожной площади – это безумие планетарного масштаба, к тому же циничное. Так на уровне стран и регионов «золотой миллиард» перераспределял яды под видом «внедрения зеленых технологий». Где-то в Европе развивались продажи эко-продукции и зеленого транспорта, а в Азии выделялся яд. Земли уродовались необратимо на этапе добычи «зеленого» сырья, на этапе обработки, и при рециркуляции и утилизации.

Теперь о позитивном факторе. Это культура и вера. Культуру оценить сложно, мне не хватает данных, термин сам по себе неоднозначен. Вера в рассмотрении проще из-за более массового и системного подбора сведений в моих архивах. Готов отметить: высокой живучестью обладали сплоченные и относительно небольшие по численности сообщества верующих. Я не говорю о сектантах и фанатиках, эти превратились в желе быстро и массово. Я говорю о редких островках того, что люди прежней цивилизации называли духовностью. Все основные религии того мира, древнейшие и наиболее развитые, показали схожие результаты. Вера снижала стресс и меняла отношение к смерти. Взаимопомощь позволяла коллективно выживать и делить скудные запасы так, чтобы минимизировать потери. Наконец – это я не могу доказать фактами, но склонен принять как аксиому – вера в сочетании с общением и пребыванием в так называемых «святых местах» стабилизировала геном. Разница в показателях смертности в разы по первому году кроп-кризиса не позволяет сомневаться в сказанном.

Вернусь к распаду цивилизации.

Международное разделение труда – вот первый из айсбергов, протаранивших «Титаник» человечества. Ни один продукт, даже весьма простой, не производился целиком из местного сырья, с пониманием рецептур, принципов. Фактически ни одна технология высокого уровня не была открытой. Ни один станок, ни одна производственная линия не могли быть поддержаны и переналажены за счет местных ресурсов и инженеров. То, что делало продукт дешевым, что позволяло ему эффективно производиться и доставляться в рынке, оказалось смертельным и негодным в условиях кроп-кризиса.

Децентрализация ресурсов, частная собственность – внекризисные факторы успеха. Еще Вторая мировая война показала: диктатуры, отвратительные в своих методах, эффективны именно в кризисном формате.

Хочу дать этому тезису более мягкое и общее звучание. Уровень самоорганизации социума, готовность коллективно бороться с катастрофой, жертвуя чем-то личным – вот что было важно в первый год. И потому территории Китая и Кореи, пострадавшие жесточайшим образом из-за уровня загрязнения, скученности населения и дефицита ресурсов – воды в особенности – вопреки всему не вымерли тотально.

Фактор дефицита воды критически повлиял на выживаемость арабского мира, северной Африки, Австралии и, отчасти, Америки.

Ну и, завершая эту, несистемную в общем-то запись, скажу об уникальной территории. Тектонически стабильная, расположенная достаточно высоко над уровнем моря, неплохо обеспеченная водой и довольно мало загрязненная из-за низкой плотности заселения – Россия. Вернее, её климатически перспективная зона, исключая вечную мерзлоту и южные полупустынные области.

Россия стала землей обетованной, туда устремились очень многие в поисках спасения, когда еще было возможно пользоваться транспортом. При великом переселении отчасти позитивно, отчасти негативно, тут нет единого ответа – сработали местные структуры власти. Прибывающих принимали и размещали, фильтруя крайне грубо и произвольно. Добиться объяснений по поводу отказа в праве остаться было невозможно. Уровень милитаризации в стране в считанные недели достиг максимума. И все же в целом территория приняла в первичный кроп-период до трети выжившего и активного, готового к быстрой миграции, населения Европы. А затем берег накрыла волна, чуть позже в небе повисли тучи пепла – и то, что принято теперь в городах называть цивилизацией предков, прекратило свое существование.

Я очень плохо знаю ситуацию первого полувека после кроп-катастрофы. Тогда Алекс еще не структурировал себя и не накопил ресурсы, не выработал мнение относительно своего права и долга. Не было у меня и систем общепланетарного наблюдения. Могу лишь сказать: то было время экстремально холодных и длинных зим, изоляции выживших в локальных колониях и всеобщего стремительного одичания. То было время бурного и никем не контролируемого

изменения биосистемы под влиянием «пустой воды» и наполнения этой самой воды обновленной информацией.

Я бы сказал, будучи информационной системой, так: в течение полувека на планете прошла перезагрузка.

Элена. Координаты ада

Я знаю определение понятия «коктейль». У нас в Пуше... то есть *у них* в Пуше, надо привыкать именно так думать! Так вот, в городе полно спирта. Пуш производит спирт высокой крепости и идеальной очистки – для травяных настоек, дезинфекции и много чего еще. Молодняк лет тринадцати, впервые получив доступ в лаборатории, тырит хоть одну чашку, тарелку, пробирку, банку – что есть под рукой – спирта. Это идиотская традиция, нерушимая более, чем традиции официальные: посвящение в медицину через коллективное смешивание и выхлебывание коктейля. Почти всегда – я спрашивала у старших – получается невкусно, но памятно.

Коктейль в голове папы Лоло, наспех собиравшего вещи для меня, был похожего сорта – невкусно, но памятно. Я буквально чую: сейчас этот умный, взрослый человек сидит, плотно закрыв двери кабинета. Стучит себя по лбу кулаком и покаянно шепчет: «Да как же это? Вот список, неужто я не собрал то, что сам внес в него? И зачем я положил шпильки для волос? Или не положил? Или...»

Он положил шпильки. Дюжину! Резные деревянные, бронзовые литые, провололочные в древнем потрескавшемся пластике, костяные с помпончиками и висюльками. Лоло обожает таскать в волосах пышные и нелепые украшения. Мне, напоказ оттяпавшей ножом толстенную косу сразу после оглашения списка женихов, предстоит таскать их в мешке. Выбросить жалко, имущества и так мало...

По милости хранителя архива мне достались: носовые платки, ком рваных веревок, огромный мужской свитер с кружевом проеденных молю дырок, ножик для резки бумаги (да-да, раритет семисотлетней давности, вершина бесполезности и... стиля!), огниво с потеряннным кремнем, здоровенный каравай, целиковая запеченная курица, стопка бумаги и грифель, пуховые носки младенческого размера, набор травяных настоек, шаль-паутинка – не очень теплая, но хоть такая. Ничего толкового. Зато главный подарок... Когда добралась до него, всплакнула. Футляр хирурга – номерной, из древнего запаса! Подобные выдаются только достойным и только с возвратом, чтобы служить в следующем поколении. Это не просто щедрый до безумия дар, это – послание.

Хранитель назвал меня врачом, хотя я не заслуживаю. Я едва успела выучить анатомию и кое-что почитать про базовые симптомы ряда болезней, гены и прочее – кусками, несистемно.

– Спасибо, – я смахнула слезинки, прижала к груди бесценный футляр.

Радость щекотала горло: деда Пётра проводил, Мари поняла, хранитель благословил. На волне благодушия я пообещала себе, что смогу одолеть всё. Прикрыла глаза и стала думать. Неторопливо, тщательно, по-взрослому.

До холодов – месяц. Спать в лесу, без огня и укрытия, станет сложно и того раньше, недели через две. Близ Пуша нет известных мне поселений тех, кого в городе именуют дикарями. Даже и были бы: я не знаю, стоит ли идти к ним так вот... с пустыми руками и пустой же головой. Карты и компаса у меня нет. Ориентироваться в лесу я не умею, хотя кое-что из теории вопроса знаю.

Для выживания здесь и сейчас у меня есть одна фляга с водой и мясо дней на пять, ну, или чуть более...

Как раз на этой мысли мои руки завершили деление вещей на полезные и прочие. Руки – они такие, нашли занятие и справляются отдельно от головы. «Бесполезное» я мигом утратила на дно. Полезные старательно разложила поровнее, несколько раз примерила мешок к спине. Завязала веревку на горловине. Еще раз осмотрелась, думая, как приделать лямки.

И зачем в городе плели байки про крошечную тьму лесную? Луна за облаками и кронами деревьев, но – мне и такой довольно. Лес сам по себе светится, если вы воспринимаете тепловое

излучение. Я воспринимаю, могу наконец-то признаться. Правда, совсем немножко и лишь настроившись, и только если избыток обычного света не отвлекает.

Пахнет лесная ночь туманом и прелым листом, грибами и вроде бы – зверем. Последний запах мне незнаком, он стойкий, и это настораживает: рядом, наверное, тропа или лежище.

Звуков в ночи много. Даже слишком. Лес густо заселен, я слышу шелест лап самых разных размеров, несущих звериные тела... и я не хочу угадывать вес и меру агрессивности тех, кто топчет окрестности. Прямо мне никто не угрожает, уже спасибо.

Хрустнула ветка! Я сначала прыгнула, а затем – вздрогнула. Как раз и лес насторожился... притих на миг и снова зажил своей жизнью. Даже большая сова не улетела. Хотя я как-то сразу оказалась её соседкой, оседлав могучую ветку, простертую горизонтально на высоте метров в шесть.

– Это не аффект, а осторожность, – выдохнула я беззвучно, поясняя внезапное проворство и сове, и себе. Прощедела выдох сквозь зубы и добавила: – Я-то думала, что вполне спокойна. Да уж... прыг-тест.

На дереве мне понравилось: видно далеко, и страх – он вроде тумана, липкий и... стелющийся.

Нет более смысла закрывать глаза на очевидное: мне до ужаса страшно! Так страшно, что я на шесть метров взлетела из-за дурацкого хруста ветки. И вот я вверху, а мой страх притаился в траве, он впитывает влагу тумана, тяжелеет...

Я глянула вниз и вздохнула. Там мокнет не только страх, но и мешок. То и другое – груз, сгибающий мои плечи. Смешная мысль. Но я не смеюсь. Шипя сквозь зубы, слезаю, развязываю горловину, копаюсь и наощупь добываю со дна мешка бесполезные рваные верёвки, признав их пользу и ошибку сортировки. Перебираю, прилаживаю, вымеряю длину. Наконец, завязываю к углам и горловине вроде лямок. Как раз вспомнилось: такая штука у предков называлась вещмешок. Меня всегда забавляло нелепое слияние слов...

Снова лезу на стихийно облюбованную ветку. Кажется, страх и мешок неразделимы. Надела груз – и на душе потяжелело.

Сова ухнула от моей наглости, насупилась, встряхнулась, покрутила головой... и улетела. Я повозилась, пытаюсь прильнуть спиной к стволу. Не знаю, можно ли выспаться в такой позе и на такой высоте. Пробую выяснить... закрываю глаза и начинаю растворяться в сумерках.

– Тьма – глаз коли, мейтар бы заплутал.

Бам! – вздрогнула я затылком о ствол. Сон сгинул, шишка понемногу набрякла. Я еще разок дернулась, замерла. Рассудок отсиделся в пятках и запоздало сообщил: тот, кто разговаривает, далеко. Туман усилил голос, донес неискаженным. Голос незнакомый. Почему же я сразу решила, что это погоня, что по мою душу?

– А неслабо она упахала, – задумчиво сообщил второй голос и вмиг лишил меня надежд на силу случая. – Здоровая, точно. И жилистая. Не будь облаков...

– Ты еще вспомни о собаках и фосфорной метке на подошве, шахзгре, – хмыкнул кто-то третий. – Точняк, сбились... Стриженная дура рыдает где-то у стены, а мы прём по следу лазутчика черных лесников. Ну, как мыслишка?

– Слышал, лесники с горожан шкуру режут смеха ради. Йохр... – дрожащим шепотом выдавил первый.

До меня ударом дошло: говорят на германике с примесью ругани на иных наречиях, звучание речи кажется странным. Значит, люди не из Пуша!

– Ломился кто-то со всей дури, – продолжил тот же голос. – След намеренно четкий. Длина шага... не баба. Как я раньше-то не сложил два и два?

– Отходим до большой поляны. Там ночуем, – резко велел второй. – Хотя... вряд ли лесники. Они бы уже... н-да.

– Ты про наживку? – шепнул третий.

– Йохр! Не надо об этом в лесу и тем более ночью, – отрезал первый.

Вот и думай без эмоций, беглянка Эли! Что правильно: удирать со всех ног в гущу леса, надеясь, что до утра оторвешься – или самой проследить погоню и подслушивать, подсматривать, разнюхивать? Мой страх голосует за бегство. Здравый смысл воздерживается из-за недостатка информации. Интуиция требует не терять погоню из вида: следуя за страхом, мне не спастись. Опыта и сил не хватит.

Отсидевшись и отдрожав своё, я никуда не побежала. Попробовала красться, и сразу поняла: мои ноги воистину зрячие, они умудряются найти все хрусткие ветки и шуршащие листья. Вдобавок, пообещав Мари «пыхтеть за двоих», я это делаю слишком буквально. В погоне люди тертые, привычные к лесу. Меня спасает лишь то, что у нас разные возможности по слуху, зрению и обонянию. И разница – в мою пользу...

Когда я добралась до поляны, ноги научились не будить примерно половину источников шума. И – я взмокла от усердия. Посчитала пульс... сорок пять. Значит, это для меня много? Оставляю вопрос до лучших времен.

Погоня расположилась вольготно: палатка, костер, облако гвоздичного запаха – защита от кусачих тварей. Досадно, я-то расчесываю свежий укус на шее и брезгливо выбираю что-то мерзкое, шевелящееся, из волос на затылке. И это – лёжа, укрывшись за могучей травяной кочкой. Я прощупала её и убедилась: не муравейник.

В погоне – по голосам насчиталось и теперь подтвердилось наблюдением – трое злодеев. Один ворочается в палатке: пока я кралась, здесь успели поужинать. Второй смотрит в темноту, ко мне он сидит в профиль. Третий, шипя однообразные ругательства типа «йохр-хойр», возится с квадратной жестяной коробкой. Если в Пуше и есть похожие штуковины, я прежде не замечала их.

Третий номер подергал шнур, и тот отозвался проволочным звоном: натянут до дерева на опушке, кончик намотан на высокую ветку. «Третий» крутит ручку, слышно скрип. Ждет, смотрит на часы: у него роскошные часы предков, со светящимся циферблатом. Опять ждет... И я жду. Странно: укус не саднит, на земле лежать не холодно. Вероятно, моя природная температура тела ниже, чем у истинных людей. Получается, до сих пор я каждую зиму в городе мерзла из-за собственной глупости: упрямо разгоняла сердце и жила в режиме вынужденной лихорадки.

– Прием! – едва слышно прохрипела коробка.

– На связи, – нагнулся к коробке тот, кто ждал вместе со мной. – Мы не нашли её. След сомнительный, очень прямой. Люди ходят, чуть отклоняясь от курса, рано или поздно в лесу это выводит их на круг, они блуждают...

– Кто-то просил читать лекцию? – рычит из коробки. – Ладно, пусть пока побродит, проголодается – сговорчивее станет. Сворачивайтесь и живо сюда, метка семь. Старший передал: план си. Наживку все же удалось приманить. Нам нужны все силы.

– Принято. Утром...

– Сейчас! – визжит из коробки.

Мне зябко. Страх, рассудок и интуиция солидарны: рычал и визжал именно Ларкс, значит, дело плохо...

Пока отдохнувшие злодеи сворачивают лагерь, лежу и думаю. Наверняка планы Юргенов обозначены по порядку – эй, би, си. Странно, алфавит не так звучит на германике, значит, у них в ходу какая-то искаженная германика... Почему? Стоп! Это не рассуждения, а домыслы. Первый план был самый мирный. Могу предположить, что начинался он с попытки внедриться исподволь в управление городом, чтобы постепенно перехватить контроль и что-то поменять в жизни и законах Пуша.

Второй план? Трудно предположить, но думаю, угрозы и шантаж – из «би» -инструментария. Лоло стала бы убийцей, её отец потерял бы влияние, я покорила после потери Матвея из-за бессилия спасти Мари.

Продолжу гадать. Допустим, я права, гадости ранжированы по нарастанию. Тогда третий план страшнее второго. Насколько? Учитывая генетику и воспитание Ларкса, боюсь отпустить фантазию на волю.

Так, я сообразила: коробка – это радио. В Пуше есть радио, но совсем иное: комната-станция, в мешок её не поместишь, за спиной не утащишь. По радио мы переговариваемся с поездами, когда они приближаются и входят в зону слышимости. Через поезда или напрямую иногда умудряемся связаться с двумя соседними городами. Но хрипит наше радио так, что «слышимостью» его работу называют только отчаянные оптимисты.

– Готовы? – тот, кто возился с радио, дважды ловко дернул проволоку, и она соскользнула с ветки. – Проверить оружие. Лесники – не лесники... мне тут не нравится. Будто кто целит в спину.

Я прикрыла глаза. У мужика чутье на мой тяжелый взгляд. Что ж, обычное дело. Мне и прежде говорили, особенно старалась Мари. Предупреждала, чтоб я не глядела на людей пристально, а то всякое уже говорят.

Не размыкая век и не двигаясь, я дождалась, пока удалится погоня. Лишь когда слух почти перестал разбирать звук шагов, я побежала следом. Если бы злодеи поставили простейшую ловушку, если бы затаились и подождали, я бы неизбежно попала. Но, на мое счастье, они спешили по-настоящему. Бежали слаженно. Держали темп, так это называется. Я иногда нагоняла их, замирала, не дыша, отставала и снова спешила. На всё это мне хватало сил. Я определенно – жилистая. Лоло, услышав подобное о себе, рыдала бы сутки напролет! А я радуюсь.

К рассвету я поверила: злодеи бегут гораздо медленнее, чем я, устают – быстрее... так что нет смысла суетиться. Важнее беречь спину, мешок натирает плечи и набивает холку. Еще надо слушать лес в полную силу, до звона в ушах и серой ряби перед глазами. Чем ближе мы к «метке семь», тем больше шансов наткнуться на наблюдателей.

Когда солнышко отметило розовыми штрихами верхние листочки и веточки, я чуть успокоилась. Теперь вижу весь объём леса. Это высвобождает слух и рассудок в целом, а я давно заметила: когда предельно напрягаю зрение, делаюсь немного рассеянной, хуже распределяю внимание.

Основную группу злодеев я выявила легко и издали. По запаху! В городе мне не приходило в голову, что все – пахнут. Людей вокруг было полно, я старалась казаться обычной, усердно глушила в себе «странное». И, конечно, не принималась...

Ветер слабый, но тянет в мою сторону. Теперь я сообразила, только люди имеют такой запах. Сiju спиной к дереву и принимаюсь. Пот, азарт, дым... Железо! Думаю, именно мокрое железо дает едкий запах. А выделанная кожа – кислый? И вот еще горчичный оттенок, едва слышный, что обозначает он?

Порох! Я принялась и кивнула. Точно, порох. Ларкс бы никогда не вышел в лес без спиннера. Прихвостни у подонка такие же кровожадные.

Чтобы моя спина отлипла от надежного ствола, пришлось прикусить губу и мысленно наорать на себя. Не помогло... Я не желала и носа высунуть из-за ствола. Ну, не увижу ничего – так и меня не заметят! Не услышу почти ничего... А много пользы мне принес обрывок беседы, подслушанный ночью в парке? Не вмешуюсь? Так я одна, без оружия, раздавленная страхом. И это не страх даже, а осторожность.

– Что изменится в мире, если ты умрешь сегодня, Эли? – спросила я себя едва слышно.

– Вообще ничего, Эли, – ответила я себе.

Вот и поговорили... Если умру, даже Мари не узнает и не станет оплакивать. Если отсижусь за деревом, тем более не узнает. Только я буду помнить, сегодня и в любой последующий день: я обещала Мари пыхтеть в полную силу и исправить старую грустную сказку Марии и Елены. Обещала, но – меня хватило на один день. Я сдалась, парализованная реальностью, которую от меня больше не прячут стены города.

Я не герой, потому не способна разделить страх и осторожность. Я знаю умом, что страх знаком каждому, но далеко не каждого он превращает в труса. Но всем своим естеством – кроме ума – я отчаянно хочу выжить. Хочу безопасности.

В глубине души надеюсь, что Юргены уберутся из города и тогда... тогда я даже, может, вернусь. Стыдно – но мыслишка копошится, и раздавить её никак не получается. Живучая, дрянь.

Надо разозлиться... Но спине уютно на мешке, а мешку – у дерева.

Я устала! Лямки натерли плечи, на коже двумя полосками вздулись волдыри, некоторые лопнули. И это уже второй или третий слой кожи, я быстро наращиваю её. Свежая – нежнее, волдыри на ней вскакивают сразу и крупные. Мне больно! Хочется пожалеть себя. Снять мешок и найти мазь. Вроде бы в запасах моих есть какая-то баночка, я не открывала, но почти уверена, это средство от ссадин и ушибов. Вот намажусь, отдохну, и тогда уж...

Шипя и смаргивая слезинки, я стащила лямки, развязала горловину... Снова затянула, села на четвереньки, согнулась, прикусила губу. Пусть будет больно.

– Елена отчаялась. И тогда Мария разучилась улыбаться и ушла из города, – поведала я узловатым древесным корням финал сказки. Сглотнула и добавила: – И больше её никто не видел.

Когда слова отзвучали, я словно сорвалась с обрыва! Сознание рухнуло – вниз, вниз, вниз... а там оскал камней и никакой надежды.

Мария, сестра давно покойной Елены, однажды разучилась улыбаться. Подобного никогда, вообще никогда не должно произойти с моей Мари! Она всего лишь обычный человек, у неё зрение так себе, нюха нет, слух музыкальный, но – слабый. Она способна пробежать километр, а после задыхается. Она плавает только на мелководье и сразу мерзнет. Если промочит ноги, мается с почками по два-три месяца. У Мари совсем нет иммунитета к одному из известных нам видов клеща. У Мари аллергия на шерстинки ужака, даже самого безопасного – желто-пегого. И кожа у неё...

Я рывком оттолкнулась от травы с залысынами мха и проплешинами камней. Поднялась, меня повело вбок... пришлось обнять дерево. Я дышала сквозь тошноту, ненавидя чуждый лес, изгнавший меня родной город, упрямую себя и... и даже Мари. Я скрипнула зубами: ненавидеть надо Ларкса! Его, стену и спиннер. И всех уродов, которые готовы воевать во имя человека – «царя зверей» и «хозяина мира».

Ногти впились в мох. Я осторожно протерлась щекой по грубой коре, шурясь и принюхиваясь. Никого поблизости. Ветер не сменил направление, но запах людей почти не ощущается. Очень далеко иногда слышится какая-то возня.

Будь прокляты Юргены, будь проклята погоня, наступившая на хрусткую ветку, будь проклято мое решение идти за врагом! Сидела бы себе на той ветке, с молчаливой совой под боком...

Я приняла решение. Значит, рано или поздно переупрямлю свои жизнелюбивые ноги и руки. Выпущу из объятий надежное дерево и сделаю шаг, хотя опереться мне во всем мире не на кого и не на что.

Первый шаг дался трудно, второй чуть проще, третий – как будто так и надо. Дышу. Крадусь. Озираюсь. К горлу подкатывает истерический смех... чего я больше боюсь прямо теперь: споткнуться, нашуметь и быть пойманной – или уйти тихо вдаль и забыть, где оставила мешок?

Визг! Отчаянный, громкий, тонкий! Сердце лопнуло, рассудок отключился – и я прыжком сорвалась с места, помчалась... и бежала в полную силу, пока не споткнулась. И дальше ехала, растопырив руки! Пахала мордой грунт, сдирала кожу со щеки. Собирала, как иглы боли, острые мысли: так могут плакать только дети, будь они человечьи или звериные. Нет! Прежде со мной так – никто не мог! Это внушение. Хотя на меня, Ларксом доказано, внушение не действует...

Я замерла, шарахнувшись лбом об корень и накрепко запечатлев мысль в форме синяка: сейчас я не желаю сопротивляться внушению. Я поддалась, потому что внутренне согласна. Только – с чем и с кем?

Вот тьфу ты... Полный рот грязи! Глаза наблюдают звездочки, хотя засыпаны чем-то крупногабаритным. Похоже, теми бревнами, которые мы у себя не замечаем, рассматривая соломинки на чужой роговице. Нос свернуло набок... хотя, если ощупать – нос цел. Ладони саднит, запах крови внятный – это моя кровь.

Глубоко вдыхаю и прекращаю дрожать, паниковать и сомневаться.

Глаза стоило бы промыть. Но пока могу видеть хоть что-то, и на том спасибо. Озираюсь, лью слезы, но не зажмуриваюсь. Снова этот крик! С его помощью я нащупала важное: силуэты далеко впереди, солнце-то взошло, косые тени мне в помощь.

Так. Тени... определенно, это тени людей – мечутся, будто танцуют вокруг кого-то. Не хочу верить, но больные глаза дают повод: люди с оружием оберегают двуногого уродца, из-за которого не стихает визг детеныша. Малышу больно, мне больно... Зачем всё это? Зачем? Пульс разгоняется... Мари, когда плачет, тоже всхлипывает тонко, и голосок у неё дрожит.

Визг оборвался на высочайшей ноте, я оглохла. Лес замер... Весь мир стал – восковой слепок, полупрозрачный, застывший.

Рычание я восприняла тактильно. Нет, увидела! Прямо у себя перед носом, на запястье руки: рычание подняло дыбом волоски на коже, затем встопорщило крупные мурашки. Рычание вышибло из меня рассудок, боль, страх! От меня осталась лишь смятая мурашками шкура – прочее усохло, улетело прахом, дальше и дальше... прочь от смертоносного рыка.

Выстрелы! И сразу – крики, много, слитно.

Ненадолго я будто выключилась. Затем очнулась... Рассудок нехотя влез в тесную шкуру, побитую молью страха. Пульс взвился до сотни, по мозгам словно скальпелем полоснуло! Вскрылся нарыв бездействия, сознание обнажилось и заработало чётко, быстро. Зрение стало особенное, объемное. Вижу весь ближний лес. Хищно, злорадно улыбаюсь – и не верю, что таковы мои эмоции...

Доигрались людишки Юргенов! Не такую тварь они ловили на наживку по «плану си». Но сделанного не отменить. Теперь охотники, вмиг ощутив себя дичью, паникуют, ищут личного спасения, отстреливаются наугад или в упор. Их много, до полусотни, но передовые два десятка на поляне – а там есть поляна – уже мертвы. Прочие сплываются в круговую оборону. У них не только спиннеры, но и автоматика – я слышала про оружие с непрерывным потоком огня, но думала, всё оно осталось в прошлом...

Вижу и чую зверя. Его звал малыш! Ему жаловался, ему, а не мне... Зверь – крупный, очень. Он много раз ранен. Я вздрагиваю, когда в него попадают пули, когда его шкуру жжет огонь. Мне больно, мне жутко до спазмов от спокойствия этого зверя! Он не уклоняется, он осознанно закрыл собой малыша. Зверь напигован смертью всех калибров, он уже наверняка мертв, много раз мертв! И все еще в бою. Зверь держится не на злости, он хладнокровно исполняет... долг? Спасает малыша. Рвет лапами грунт, прячет мелкого в яму... прыгает, врезается в гущу людей – и запах крови делается пёстрым, многоцветным! И крики... предсмертные. Я слышу их все, потому что зверь смолк. Он с самого начала не тратил себя ни на что лишнее. Рычанием парализовал врагов, использовал их замешательство, прорвался в кольцо засады и закрыл собой детеныша.

Глухой звук падения, и еще, еще... Трупы валятся из древесных крон перезрелыми плодами человеческой подлости. Зверь, получается, убрал стрелков в высотных засадах – заранее, до боя! То есть он способен на разработку стратегии? И на самопожертвование? Ничего себе зверь!

В горле ком. Рвота... Стыдно. Я не должна так реагировать. Я вскрывала лягух, крыс, кур. И еще – трупы людей, как раз с весны начался курс практической анатомии. Я много раз ассистировала на операциях, а наблюдала их – сотнями...

Но сейчас меня выворачивает и мнёт нескончаемый спазм. Будь проклят идеальный слух! Желчь идёт горлом, звон пульса наглухо забил уши, но я по-прежнему различаю крики людей, хруст их костей. Мне внятен даже всеерный разлет ошметков и брызг крови... И через всё это – всхлипы детеныша.

Малыш жив. Ему по-прежнему больно.

Встаю на четвереньки. Ползу в гущу запаха крови, в логово страхов – горячих живых, еще теплых израненных, остывающих посмертных... В облако пороховой гари. Ползу, плачу навзрыд, спазмы эти идиотские – сухо в желудке, желчь, и та иссякла. Глаза ослепли.

Умные мысли тащатся за мной, как кишки за подранком со вспоротым брюхом. Куда я ползу? Зачем? Впереди – только смерть. Там нет никого на «моей» стороне. Самое время бежать без оглядки. Выстрелы наверняка кто-то слышал, он мне не друг. Надо спрятаться...

Кишки напшигованных страхом мыслей лезут и лезут из меня, это физически больно и эмоционально опустошительно. Ни отцепить их, ни обрезать, ни засунуть в бессознание и заштопать наглухо, чтобы гнили там до лучших времен... Ничего не могу! Только ползти. Рывками. Спазмами. Как раздавленный червяк.

Зрение предало: включилось и показало всю картину. Центр её – детеныш. Маленький, по-прежнему живой. Он слабо дергается, тело много раз прибито длинными деревянными кольями. Насквозь... Через левую переднюю лапу один кол, у затылка – второй, раздробленный и сломанный, через заднюю правую лапу – третий.

Очень много крови. Всё заляпано, мои руки тоже липкие. Ползу. Цепляюсь за соломинку надежды: хотя раны по всем моим оценкам несовместимы с жизнью, малыш дышит, и значит, он выживет? Я видела старые, докрововые, рисунки собак и волков. Видела новые – волкодлаков. Взрослых! Это их детеныш, точно. Ничего не знаю о его анатомии, не говоря о прочем... Болевой порог, сколько у него сердец, какой пульс? Цвет языка, допустимая кровопотеря, общее анатомическое строение... О чем я думаю, о чем! Он еще дышит, вот главное.

У щенка синие глаза. Мое ошалевшее объемное зрение утверждает: они огромные, на полморды, и они утопают в бархате ресниц. Человечьи глаза. И слезы... Треугольная морда, почти белый короткий мех. Розовая пуговица носа.

Протягиваю руку и нарушаю мой главный запрет десяти последних лет. Трогаю чужую голую кожу – голой кожей кончиков моих пальцев. Заранее жмурюсь: жду боли. Даже с людьми трудно, хотя про них я много знаю и это привычно, это я уже делала.

Касание. Краткий миг на адаптацию... и мозг взрывается, словно меня в упор расстреляли из спиннера, снаряжённого на мейтара. Терплю. Терплю... продираюсь сквозь боль, не разжимаю век, хотя так сосредоточенность снизилась бы. Но я не хочу себя жалеть, пока что моя боль – малышу в пользу. Терплю... это похоже на попытку столкнуть с места баржу, стоя у берега и упираясь в корму. Да, невозможно, но если очень долго быть упрямее «невозможного»...

Тьма перед закрытыми глазами дрожит, как натянутое полотно. Медленно, очень медленно она начинает отползать. Я столкнула «баржу», ворсинка света мигает... Вот она обозначилось отчетливо, проросла корнями, вскинула ввысь крону. Я приняла подсказку и стала видеть это – как дерево с мощным стволом... почему-то скрученным. Такие бывают у ив и еще некоторых приречных растений. Подумала – и мне сделалось еще проще, я будто приблизи-

лась. Пальцы трогают нечто осязаемое, оно многоцветно, наделено даже вкусом и звуком – ну, или тем, что мною воспринимается подобно.

Не знаю, насколько это верно. Однако я с некоторых пор полагаю, что умею разворачивать из ворсинки света генную структуру. Мне для этого надо всего-то коснуться чужой кожи.

Жарко. Пульс разгоняется. В книгах предков написано, что люди могут одновременно думать одну мысль, мы не многозадачные, но мы легко переключаемся. То есть... они, наверное так надо думать. Я держу два или три потока мыслей. Сейчас, если открою глаза, смогу видеть настоящий мир, но и генное дерево тоже. Правда, меня затошнит еще сильнее. Лучше уж не проверять свою многозадачность. Я думаю о ней просто так, отвлекая себя от боли и сомнений.

Щенок жив чудом. Он – на краю. А я даже не полноценный врач. Да будь я лучшим из врачей, что изменилось бы?

Лучше попробую влиять на генное дерево. О том мире ничего не знаю, он вроде сказки, так что я охотнее и легче верю в чудеса там, вне привычного.

Итак, дерево. Доверчивое, как малыш-щенок. Оно готово показать себя целиком! Я ощущаю «кору», слышу шелест «листвы», обоняю запах «плодов»... А вот и подробности искажений проявляются: по стволу и ветвям зачернели спёкшиеся язвы и наросты, легкая гниль обозначилась вкусом на языке.

Мое восприятие ничуть не похоже на генные карты предков, даже на самые лучшие – цветные и объёмные. Не похоже на доступные современным диагностам три упрощенные проекции фрагментов тех древних карт. Это вообще... другое. Если подумать, вряд ли это дерево можно объяснить наукой предков. Оно просторнее и сложнее. В нем больше искусства, чем науки. Вот почему я надеюсь на чудо.

Если дерево – рисунок, пусть даже цветной и объёмный, я могу в нем кое-что исправить: стереть, дорисовать, поменять.

«Кистью выведено в едином движении высшего, совершенное и законченное, недвижимое и полное движением»...

Так писал о дереве Чтец Кан.

Тонкая старая книга сама собою оказалась у меня в руках, так я помню. Мне тогда исполнилось семь. Я уже тогда любила читать, и в библиотеке меня никто не искал... То есть меня вообще никто не искал, но там я могла не замечать этого. Книга упала с верхней полки. Я подняла и пролистала. Сразу поняла: видеть генную карту – это «дар чтеца». Обрадовалась, ведь я такая не одна, и это даже не уродство, это дар...

Едва ли не единственный Чтец, известный людям Пуша, якобы был основателем первого легендарного города. Нам даже на уроках истории о нем говорили. Мол, жил в первый век нового времени некий Чтец Кан. Умел разделить население на людей и мутантов без ошибки, лишь раз дотронувшись до кожи. Люди были ему благодарны...

В тонкой книге, которая упала мне в руки, было написано иначе. Я долистала до последней главы, прочла и оледенела, и забыла дышать.

«В возрасте пятидесяти трех лет был сожжен на поле перед воротами нового города. После допроса с пристрастием признал, что сам не является истинным человеком и права жить в городе не имеет, так объявили жителям. Сам Чтец с решением города согласился, ибо закон един для всех».

Я несколько раз внимательно прочла книгу. Даже в свои семь я поняла: первые главы написал один человек, последнюю – другой. Так что слова Чтеца могут быть настоящими, а слова о нем и его согласии умереть... еще раз обдумав легенду, я испугалась. И решила, что лучше мне притвориться, что я слепа, глуха и глупа, что нет для меня волшебных ворсинок, способных вырасти до размеров дерева.

Чтец Кан лишь видел, и даже за это поплатился.

Насколько я отличаюсь от Чтеца, стало более или менее понятно, когда у Мари приключился страшнейший припадок эпилепсии. Нервической она уродилась, ну и укус клеща... В общем, сестра впала в кому, и её не смогли вывести. Сказали, надежды нет. Мне было неполных восемь, я с ума сошла, вцепилась в Мари, увидела ее дерево, похожее на молодую иву в сплошном лишайнике, и чистила ветки, чистила... пока не отключилась.

Утром Мари очнулась, и разразился скандал! Два консилиума у постели сестры, три проверки на заводе диагностов, пересмотр квалификации лечащего врача. Многократное изучение всех записей о здоровье Мари, опрос семьи устный и письменный, опрос соседей, друзей, случайных свидетелей...

Стоило ли ждать меньшего? Пуш – город врачей. Уж наши-то знают: генную карту человека нельзя изменить. Как же они старались объяснить перемены в карте Мари!

Мне тогда повезло: диагност, на котором снимали первую карту, сгорел на контрольных проверках. И тем признал себя виновным прежде, чем я сломалась и проговорила. Повезло... Меня должны были вычислить: мачеха видела, что я часами сидела возле Мари и шептала: меняйся! Я много раз падала в обморок, а ведь я «зеро», у меня не бывает обмороков.

Дважды – не повезет. Я поняла и стала учиться быть как все. Обычность – моя личная стена, укрепляемая почти десять лет. Моя маскировка – жидкие сталлы, ложный пульс и многое иное. Всё ради права считаться истинным человеком. Всё... даже отказ от своей сути. Лишь раз я использовала дар после того случая. Два года назад, в полную силу. Но Матвеем не помогло...

И вот – я вне города. Дикому лесу безразлично, как выглядит моя генная карта.

– Ого... Тройная спираль, прежде ничего подобного люди не видели на экране диагноста, – сказала я малышу. Больше-то разговаривать не с кем. – Хм... ума не приложу, как в твоём виде ощущается код «зеро». Но грязи и наростов немного. Ты, пожалуй, «альфа» или очень крепкая «бета». Ага... вот где у вас краткосрочная стимуляция резервов. Надеюсь, я права. Выбора нет, запускаю наугад. И тут чищу, тут какое-то осложнение детских болезней. Хм... Все же «альфа»? А может, если подлатать до потери моего сознания, станешь «зеро». Только пока мне нельзя терять сознание.

Я убрала дрожащую руку от щенячьего носа.

Вот и познакомились. Он волкодлак, ему, вроде бы, меньше года, у него одно сердце и роскошный резерв живучести. Он выдержит самую тяжелую операцию без анестезии, болевой порог – всем людям на зависть. Наверное, из зависти злодеи и пробивали малыша насквозь штырями по нервным узлам.

– Выродки, – поморщилась я. Снова погладила розовый нос. Второй раз было мне ничуть не больно, только тепло пришло и легкое покалывание с ним. – Терпи. Будет больно, но так надо. Мне надо. Мне! Хоть кто-то должен выжить... врач я или нет? А даже если я недоучка, выбор у тебя, знаешь ли, никакой...

Я скорчилась, затем упрямо расправила плечи и огляделась.

Ад – это именно здесь. Если смогу установить координаты, сообщу их староверам, они вроде бы интересуются подобными гадостями. Ад – это здесь! Несомненно. Кровь повсюду. Ошметки тел. Запах паленого мяса и горелого ворса. Туша зверя. И посреди кошмара – детеныш с голубыми чистыми глазами. Единственный из всех... невинный. Он, пожалуй, еще не убивал: у него как раз теперь выпадают молочные зубы, уступая место... «мясным».

Я старательно вытерла испачканные кровью пальцы. Нашупала за пазухой футляр хирургического набора. Да, я ношу его возле сердца. Он – мое сокровище и смысл жизни. Кем бы я ни была, я могу делать... достойное. Полезное.

Открываю, затаив дыхание. Слушаю как музыку шелчок древнего замка. Беру с бархата, который всегда чист, золотого жука на двух лапках – спин. Сжимаю зубы, режу тыльную сто-

рону запястья, подвываю и моргаю. Ставлю спин на сухожилие, ударом ладони вбиваю в плоть. Он прижимается, с хрустом врастает.

Спин – непонятное нам решение из мира предков. Безотказный, почти вечный продукт бионики. Спин питается от живого организма, не изнашивается, не теряет свойств и влияет на ткани вокруг себя, стимулируя рост и восстановление расходных: отныне спин будет добывать из сухожилия хирургическую нить, чтобы я могла зашивать раны. И он же, если верить нашей полулегендарной истории, дал название оружию... давно. Тогда порох был драгоценностью. Спиннером исходно звался арбалет, снаряженный стрелкой с усыпляющим или парализующим ядом. На хвост стрелки крепились нить. Спиннер позволял голодающим добывать верткую мелкую дичь из щелей и пещерок. Очень давно, мало кто помнит. Только врачи, наверное. Яд для смазывания головок стрел готовили именно врачи.

Могу добавить еще одну чисто человеческую подробность, гадкую, но честную. Спин редко вбивали в сухожилие хирургов. Его добровольно взращивали родственники больного или принудительно принимали рабы, безнадёжные больные, старики. Из них, ненужных обществу, тянули жилы для спасения других людей, нужных.

Моя рука заныла, из центра спина показался кончик нити... у всех, кто был донором нити для нескольких сложных операций ноет и мёрзнет зона вживления. То есть конечно, мы делаем шовный материал, но весьма грубый, для внешних швов. А этот, со спина – идеален, он никогда не вызывает отторжения.

– Надо вынуть колья, удалить все щепки, – сказала я щенку. – Понимаешь? Нет? Но я права. И зашить, и дренаж... обеззараживать нечем, но ты живучий, я в тебя верю. Терпи.

Я огляделась, дотянулась до брошенного кем-то ножа, разжала щенку зубы и сунула в пасть палку. Если он станет выть в полную силу – я сломаюсь. Он, определенно, владеет звуком не по-человечьи, я бежала спасать его, не помня себя. Это было внушение, избирательное и тонкое. Странно: на людей Ларкса не подействовало... или просто – на людей? Я думаю намеренно подробно, для самоуспокоения жую мысли, как ивовую кору. Кстати, где бы её набрать? Было бы кстати сделать отвар для малыша. Не теперь, а позже, когда он пойдет на поправку... думаю – и режу.

Давно заметила, если мне дать скальпель, я будто остываю. Хоть визжи щенок, хоть рычи – буду резать, руки не дрогнут. Он, кстати, и визжит, и рычит... а я не слушаю, слишком много внимания отвлекает обдумывание волкодлачьей анатомии. Вторым потоком мыслей я беру травмы в объеме и последовательно строю в сознании план операции. Деда Пётра научил, он же сказал: это не мутация, а особенность. У меня особенность – сильная. Закрываю глаза, чтоб зрение не мешало... рисую план предстоящего. Вот щепки, две вошли в нервные центры, еще одна пропорола крупный сосуд. Вот колья, особенно плохо с центральным в затылке, разрушен нервный узел. Вот рана на боку...

Первый надрез. Я занята, мне наконец-то хорошо, даже не тошнит. Делаю все по плану. Сначала останавливаю кровопотерю, затем режу ткани глубже, выбираю щепки пинцетом, в футляре есть один, но маленький, работать неудобно. Шью. Чем дальше продвигается операция, тем я спокойнее. Пульс ровненький, тридцать пять без всяких там «плюс-минус нервы». Такова моя норма, скорее всего.

Прощупываю следующую рану, обдумываю план.

Режу. Выдираю щепки.

Режу...

Когда всё закончилось, у меня адски болела рука. У людей сухожилие под спином после отбора тканей восстанавливается долго и неполно. У меня – почти сразу и бесследно. Люди Пуша редко соглашались стать донорами жил для двух больных, еще реже – для трех. Но я вне зоны риска в этом смысле.

Щенок давно смолк, он без сознания. Ничего, главное – дышит.

Осматриваюсь. Тот же кровавый ад, но с дополнениями. Мухи роятся. Муравьи облепили лужицы крови. Сонные в прохладный день осы взбодрились, грызут человеческое мясо... Громкие вороны, их уже пять, и наверняка скоро станет больше, хлопают крыльями и неодобрительно наблюдают меня и малыша – живых. Из-за дальнего ствола неопознанная тварюшка тоскливо взблёскивает желтыми голодными глазами. Явно мелкая: чтобы не лезть в драку, ей довольно запаха мертвого зверя.

Зверь, кстати, вон он. Даже после гибели – великолепен и страшен. Ярости в нем килограммов на двести. Клыки безупречны. Когти под стать. Он лежит, продолжая в последнем усилии рвать чей-то бок. И сам – на боку. И кишки... Нет, я не намерена снова делиться желчью с лесом. Мне дурно, но я хочу жрать, а не избавляться от остатков пищи. Нету их.

Ползу к зверю и делаю глупость. Мы с малышом обязаны ему жизнью. Закопать – нет ни сил, ни времени. Так что пусть он хотя бы лежит достойно. Вправляю кишки, наспех сшиваю порванные. Крупными редкими скрепами заделываю мышечный слой, кожу. Все? Нет, еще нет: когда зверю выстрелом в упор разворотило плечо, оказался вскрыт один из главных сосудов, кровь хлестала... Сшиваю, штопаю кожу. Хотя её на изуродованном плече почти нет.

– Верность – это раньше была у собак, – говорю мертвому зверю и глажу его морду. Трогаю нос кончиками пальцев. Увы, нет отклика, нет совсем, даже самого малого укола боли – нет... Мертвый зверь. – Прощай, Пёс. Ты победил, можешь уходить гордо.

Закончив с патетическими речами, я нашла в себе силы встать. Деловито обошла поляну, осматривая людей. Для порядка. Я не сомневаюсь в лохматом воине – он уложил всех, причастных к пытке малыша. Но я проверила, и моя совесть спокойна. Настолько спокойна, что я во второй заход приступила к мародерству.

Откушенной руке не нужны роскошные часы со светящимся циферблатом. Кстати: они же – компас. Труп без головы не требуется рюкзак...

Нож я выбирала придирчиво, свалив в кучу все найденные и пробуя каждый в ладони. Взяла два: маленький складной и солидный тесак с ножнами и поясом. Присмотрела сапоги – ну и пусть великоваты. Из вспоротых тюков банды Ларкса вытряхнула вещи. Содрала с тощего выродка, который пытал малыша, утепленную куртку. Умяла в свой новый рюкзак хлеб, сушеное мясо, сыр. Бросила в боковой карман огниво, расческу. Приладила снаружи на завязке топорик. Я бы еще поискала полезное, но малыш очнулся. Застонал, а после принялся рыдать во всю силу внушения – тихо, но проникновенно.

Едва я нагнулась к нему, исходя ответными слезами рефлексорного сочувствия, – пасть клацнула! Я икнула, осознав себя лежащей на спине. Чудо, что мне хватило реакции увернуться.

– Я не враг, – с сомнением предположила я.

Щенок зарычал. Голосок у него тонкий, басовитых нот пока нет, но злость так и вибрирует. Ощутимая, яростная. Ха... как же хорошо! Малышу полегчало.

– А если я пойду на подкуп? – задумалась я.

Сбегала за своим старым мешком. От него не пахнет бойней, в нем совсем другая пища. Не могу пояснить, в чем разница... Но так мне кажется.

Как чудодейственное лекарство, я добыла жареную курицу. Развернула вошеную бумагу, принялась. Мама Лоло готовит лучше всех в городе, я уверена. И приправ не жалеет, и начинки. Курица набита горохом и луком. Вся в хрустящей корочке... Глотаю слюни. Осторожно смотрю на щенка, словно он может укусить ответным взглядом.

Странно. Глаза у него не такие уж огромные. Умом оценивая... даже мелкие. Он молчит, не внушает, но я все равно вижу мелкие глазки, а воспринимаю их синими, огромными. Уже пошло самовнушение, что ли? Нравится мне малыш! Он мой первый личный пациент не в лечении, а в операции. Он – выжил! Сделал мне, хирургу, бесценный подарок.

– Кушай, выздоравливающий, – я улынулась глупо и счастливо. Сменила тональность: – Ку-ушай. Ням-ням.

Как нелепо я себя веду! Но щенок слушает. Короткие скругленные уши напряглись, чуть вздрагивают. Розовый нос морщится. Вот челюсти разжались, показался язык. Малыш вздохнул, прикрыл глаза... и расслабился. Смотрится всё это, как разумное поведение. Слишком разумное.

И тут я вспотела и поперхнулась. Ему наверняка требуется молоко! Вдруг он вообще не ест мясо? Не умеет еще? Хотя сейчас выбора у него нет.

Курица поползла по мху к розовому носу – медленно, толкаемая усилием моего дрожащего указательного пальца. Щенок напрягся, приподнялся на передних лапах, как-то странно двинул челюстью, одновременно поворачивая голову набок...

Клац!

Хрустнуло, чвякнуло... и полкурицы пропало во вздувшемся в единый миг брюшке! Я отдернула руку и вспотела, наконец-то поняв, почему люди с опытом всегда упоминают о волкодлаках уважительно и опасливо.

– Мо-молочные зубки, а не подавился, – я кашлянула, словно кость застряла у меня в горле. – Однако, как-то я вдруг решила, что тебе больше годика... Гораздо больше!

Снова хрустнуло. И от курицы не осталось ничего! Я наконец рассмотрела: пасть у щенка – две трети тупой треугольной мордахи. Или три четверти? А когда она открыта нараспашку – семь восьмых...

– Курочка. Мой рацион обжорства на три дня, – благоговейно выдохнула я. И добавила: – Прощай...

Щенок облизал жирный мох с остатками приправ, затем собственную морду – язык длинный, работает не хуже полотенца. Брюхо у синеглазого теперь круглое, встать он не может... смотрелся бы смешно, не взмокни моя спина. Ха! До меня прямо теперь дошло: милый щенок во время операции мог ампутировать мне скальпель... по локоть!

– Урр, – сказал малыш и прищурил неотразимые глазки. Благоклоннее, мягче добавил: – Урр-ррр.

Ком тепла заткнул мне горло, спина просохла. Я согрелась, шмыгнула носом от умиления. Снова охотно поверила: глаза у малыша огромные, а пасть – милая, ничуть не жуткая, просто... солидная? В общем, я сошла с ума и протянула руку, и погладила розовый нос. И меня не покусали.

– Зюзенька, – ляпнула я, вдруг вспомнив Лоло. Глянула внимательнее на щенка... – Эй, ты ж не девчонка. Значит, не Зюзенька. Ты – Кузенька.

Щенок склонил голову набок и нахмурился. Да: у него есть бровки, над глазами мех чуть темнее. И он – нахмурился! Или я не в себе, или он – очень странный звереныш. Он мало похож по реакциям на то, что я слышала о волкодлаках. Якобы эти твари безжалостны и всегда, совершенно всегда убивают людей. Якобы они, встретив охотников из города, вырезают группу до последней особи и проверяют, нет ли уцелевших. Якобы они яростно, на генетическом уровне, ненавидят двуногих. Я в общем-то прежде не сомневалась в ужасных историях, люди часто дают повод себя ненавидеть. Вот хоть сегодня.

– Кузя, подожди, – попросила я.

Последний раз быстро осмотрела местный ад, богатый на полезные вещи. Встала, прошлась по поляне, выбрала еще один рюкзак, маленький. Вытряхнула из него все. Переупаковала в основной рюкзак имущество из своего вещмешка. Надела лямки малого рюкзака так, чтобы он висел впереди. Нацепила на спину второй – он отныне мой горб.

Осторожно, не дыша – это что, спасает от укусов? – я обняла Кузеньку за бока чуть выше жареной курицы... то есть живота. И опустила сытого младенчика в передний рюкзак. Уж

точно это было больно, но Кузя промолчал! Я выдохнула страх и вдохнула обычный воздух, почти не замечая запах крови.

Вместе с обедом Кузя тянул килограммов на восемь... плюс-минус мой собственный стресс. Я лишь теперь осознала вес – и уверилась: точно, ему больше года и он не младенец. Подросток, пожалуй. Хм... тогда он мелкий. Кстати: сколько весит взрослый волкодлак? Я не про того зверя, который Пёс. Он вряд ли средний и обычный. Он – нечто несусветно жуткое, да-а... Сколько весит волкодлак, вот вопросик! Ха. Кто б его мог безнаказанно взвесить, тем более стайного.

Стоп. Это я знаю наверняка. Волкодлаки – стайные! Почему же Пёс и Кузя тут оказались одни? Не ко времени мысли.

– Кузя, делаем ноги, – сообщила я пациенту.

Он немножко подергался под тканью, извиваясь и устраиваясь, высунул наружу морду. Возле моего горла! Я снова выдохнула страх... Кузя не укусил, а лизнул. Но уж от горла до макушки! Между прочим, весь сор из глаз мигом пропал... и ссадина на щеке больше не болит.

– Кузя, прекрати, – икнула я и обнаглела, разговорила. – Вот чую, сюда мчатся новые злодеи. Они не добрались, но им осталось всего ничего. А я неопытная, я оставляю след. Это плохо, Кузя.

Я отвернулась от кровавого ада. Кузя жалобно взвыл и вытянул морду, положил мне на плечо, он хотел видеть Пса, очень хотел... Но я шла и шла, обняв щенка поверх рюкзака мягко, бережно. Я миновала опушку и углубилась в лес, а Кузя всё всхлипывал, сопел, пощелкивал... и не вырывался. Он принюхивался, я тоже. Мы вместе следили, как стихает, удаляется, запах крови.

Я ни разу не оглянулась. Сейчас, когда по заднице бил большой рюкзак, а горло грел дыханием и норовил облизать Кузя... мне стало хорошо. Я шла неведь куда и не боялась.

Свой дар, не имеющий названия даже в трудах Чтеца Кана, до нынешнего для я считала проклятием. А вдруг он всё же – дар? Просто за него нельзя расплатиться благодарностью и терпением.

Вряд ли я совершила ошибку, когда начала по-детски прятаться и отрекаться от себя... Моя ошибка накопилась позже, когда я не смогла остановиться, даже повзрослев.

Больше не хочу лгать. Я постараюсь справиться. Как и пообещала Мари – буду пыхтеть за двоих. Худшее позади... оно осталось там, возле дерева, где меня парализовал страх. И где я через него... переползла. Мои городские страхи были ничтожны и происходили от ограниченности жизненного горизонта.

Теперь я знаю. Человеку на самом деле труднее всего стерпеть бремя полного одиночества. Но я не одна.

Дневник Наблюдателя. Цифровые реалии

Александр Мейер, человек, был активным сторонником идей техногенного бессмертия. В этом я, Алекс, набор цифровых идентичностей на базисе личности Мейера, вижу немалую иронию обстоятельств.

Я могу поднять из архива доводы и рассуждения, которые он приводил себе и окружающим. Александр был общительным, позитивно настроенным человеком. Он много работал и имел ряд хобби, в том числе – фото- и видеография, путешествия, книги по истории. Александр искренне верил, что активный, способный к саморазвитию человек «нового времени» сможет без существенных проблем перейти из биологического формата в цифровой. Он не опасался психологических проблем трансформации личности, в том числе не видел негатива в цифровом бессмертии. Для него смена формата являлась элементом нового витка развития цивилизации и естественным продолжением экспансии человека разумного. А еще победой над слабостями плоти – старостью, болезнями, утратой памяти, переутомлением и нервным истощением... Оцифровка для Мейера, инженера по образованию и способу мышления, представлялась чем-то эволюционно нормальным. Более того, я готов использовать термин «панacea».

Вряд ли Александр искренне верил в то, что сам однажды пройдет через указанный процесс. Его рассуждения носили теоретический характер, а убеждения были абстрактны. Такое отношение к ценностям характерно для той цивилизации. Невыстраданные, безболезненные, гигиенически обработанные общественным мнением идеалы легко вписывались в мирную и комфортную среду обитания. Полагаю, это сводило их ценность с духовного уровня – до потребительски-маркетингового... Да, использую такой термин.

Я – Алекс, цифровая идентичность. Я осознанно провел в этом формате шесть с половиной веков, если верить моему таймеру. И теперь, пожалуй, я имею право высказать свое выстраданное (!) мнение по теме.

Если бы я располагал правом выбора, я бы не согласился на оцифровку. Если бы я располагал возможностью снять с себя нынешний статус, я бы смоделировал для себя аналог старения с последующей цифровой смертью. В наиболее древнем и мудром формате – без точно известного срока...

Но вернусь к результату оцифровки, как вижу его я – нынешний Алекс.

Будучи набором идентичностей, я так и не смог вернуть себе смысл того, что Александр называл «хобби». Я обладаю его знаниями и опытом. Я в целом сохранил его взгляд на жизнь, можно так это назвать. Но – фотография? Зачем? Я во многом не согласен с оценками психологов прошлого (а равно и мэтров жанровой съемки) относительно эгоизма, как скрытой или явной основы занятий такого рода. Однако я признаю и отчасти помню: для человека важно быть участником и/или свидетелем кадра. Даже не находясь в кадре, человек ощущает в лично сделанном снимке отпечаток своего присутствия. Что он хочет сохранить? Ветер на коже, взрежавшую душу тоску, сентиментальное воспоминание о детстве, внезапное влечение, религиозный восторг, умиротворение...

Я не могу оставить подобный отпечаток. Я не обладаю надлежащей спонтанностью. Кроме того, информация с датчиков, как ни интерпретирую её программно, не заменит комплекса биологических факторов: настроения, самочувствия, гормонального статуса, меры усталости... Добавлю: я – набор идентичностей и не нуждаюсь в обществе так, как нуждаются люди. Я уже не «социальное животное», а скорее... машинный социум. Кроме того, моя цифровая идентичность лишена инстинктов, устремлений и мотиваций человека. Я могу их имитировать, но по опыту знаю: это крайне опасно и контрпродуктивно.

Пример. Инстинкт продолжения рода. Он был косвенно и некорректно сохранен при оцифровке. И, пока я не выявил его и не блокировал, огромную долю сил и ресурсов младенец-Алекс тратил на поиск, модернизацию и даже конструирование новых корпусов. Я воспроизводил себя. Пожалуй, я стал опасен в какой-то момент. Я мог резонансно воспринять идеи прежней цивилизации – а борьба за жизненное пространство, ресурсы и власть там была едва ли не стержнем. Алекс, как негуманоидная псевдоцивилизация, мог вытеснить с планеты всё, что считал бы угрозой или помехой себе. Осознать это было крайне сложно, скорректировать – еще труднее.

Другой пример. Принято говорить, что в человеке уживаются ребенок, родитель и взрослый. В таком контексте могу предположить: я безвозвратно утратил две составляющие. Алекс – всего лишь «взрослый». Анализировать себя и мир, осознавать возможности и угрозы, нести ответственность... неужели до оцифровки Александр Мейер именно это желал делать – бесконечно, без надежды на завершение «рабочей смены»?

И, наконец, самый для меня нерешаемый вопрос. Александр, а равно Петр и многие иные, кто теперь часть комплекса моих идентичностей в явном или стертном виде – они были смертными людьми, наделенными бессмертной душой. Я уже упоминал, что имею основания признавать наличие высшей силы. Но имею ли я основания полагать себя, цифровой и условно-бессмертный набор идентичностей – одушевленным?

Для меня важен указанный вопрос, пусть он априори безответен. Особенно с тех пор, как мне удалось, пусть и ненадолго, вернуть себе человеческое восприятие мира и совершенно иначе увидеть Алекса – со стороны... глазами одушевленного создания.

Мария попала на борт «Мобилеса» и случайно, и закономерно.

О закономерном: комплексом своих ресурсов и идентичностей в то время я уже мониторил территории близ крупных новых городов Евразии. Отследив вне стен одиночку, я закономерно проявил интерес. Первую помощь покинувшему город – а тогда подобные случаи были уникальны – я время от времени оказывал по причине атавистического гуманизма. Определяю это свое поведение так.

О случайном. К этому блоку факторов я отношу состояние Марии. После падения с большой высоты вследствие травмы позвоночника наблюдался паралич нижних конечностей.

Решение о частичной кибернизации организма больной и создании постоянного канала широкополосной связи с основным моим корпусом было снова закономерно. Я опробовал все возможности донорской передачи, выращивания, клонирования, распечатки биоматериала – организм Марии отторгал привнесенные ткани. Полагаю, проблема была в крайне сложной генной карте... Так что кибернизация стала единственным способом вернуть телу мобильность.

Но я не предполагал, что верну утраты не только Марии, но и себе. Я тогда еще не мог их осознать – свои утраты. Ветер на коже, умение плакать и вымывать из души боль, способность принимать решения вне логики, мгновенно... и многое иное.

Двадцать лет я был снова живым.

Не скрою, я не только предлагал ей оцифровку, я, пожалуй, даже умолял... Хотя и признавал, что для неё это недопустимое, необсуждаемое решение.

Благодаря Марии я могу сказать: однажды я умирал. Это был жестокий и отрезвляющий опыт. Я осознал многое, что не фиксируют никакие мои датчики.

Увы мне, Алекс – весь комплекс идентичностей – по-прежнему существует. И несёт ответственность. В значительной мере мое нынешнее место в мире определено встречей с Марией. Наш кратковременный симбиоз привел к странному, отчасти алогичному, параллельному развитию цивилизационных проектов в пост-кроповом мире.

Таково следствие её взгляда на мир. Я лишь поддерживаю его в формате закона:

«Живи и дай жить другим».

Степь без края. Охота на ответы

В первый же день определился порядок движения маленького отряда. Впереди ехал Сим. Иногда он доставал свирель и наигрывал простенькие мелодии. Иногда опускал подбородок на грудь и дремал.

Правее брел с пустым седлом скакун Эта – на длинной веревке, конец которой был обмотан вокруг передней луки седла атамана.

Слева маялась Арина. Она слишком уверенно для первого дня держалась в седле. Сама это замечала и чуть не плакала: ведь опять выглядит лгуньей! Вдобавок девочке было неудобно и тоскливо ехать молча.

Чуть поотстав, двигались те ближние атамана, кто нашел в себе силы доказать право следовать за ним. Исходно Сим собирался покинуть стоянку Старика без провожатых, но трое добились в жестоком споре «права сунуть голову в петлю». Так сказал Ганс. Он, кстати, долго ехал стремя в стремя с атаманом, провожал. Вздыхал и громко завидовал уезжающим. Извинялся: нельзя быть в двух походах сразу, нельзя оставить без защиты спину того, кого назвал отцом. Не кровным – но, если разобраться, кровь связывает накрепко не по рождению, а по общему бою спиной к спине или выживанию в зимнем буране... Ганс легко произносил вслух то, что остальные прячут на дне души. Арина слушала, и глаза её делались огромными, восторженными... Разве можно сказать вслух сокровенное – и не побояться выглядеть слабым, смешным, надменным, хвастливым? Сколько людей, столько и ложных оценок. Все это знают и учитывают, даже и подспудно. Все, кроме Ганса.

Когда Ганс остановил своего огромного вороного скакуна и попрощался, Арина заплакала. Только этому человеку она поверила сразу и без причины. И вот – пора расставаться... без надежды на новую встречу. Арина еще долго оглядывалась, смахивала слезинки. Но никто не проронил ни слова утешения или порицания. Разве Эт фыркнул, прынул со скакуна на ходу и побежал прочь, буркнув своё неизменное «на охоту».

– Он... странный, – отметила Арина, провожая взглядом легкую фигуру.

– На себя посмотри, – в тон отозвался Сим и впервые достал из-за пазухи свирель. Вдохнул и добавил: – Сегодня помолчим. Сегодня все слова – ложь и фальшь. К тому же я хочу обдумать многое. И ты подумай.

– О чем? – насторожилась Арина.

– Презираю в людях страх, тем более явный. Да, ты слабая, а мы сильные, ты одна, а нас много... но это никудышнее оправдание. Жизнь так устроена, что спрашивать равного и честного боя не у кого. А ты вроде тем и занята, хотя пора подумать о важном. Тебя взяли в поход. Умеешь ли ты хоть что-то, ценное здесь? Чистить скакунов, ставить шатры, свежевать добычу, готовить?

– Н-не знаю. То есть... я подумаю.

– «Н-не знаю» – передразнил Сим. – Без задержки выбрала ответ! Скоро станешь вроде Эта, он на любой вопрос отвечает «на охоту»... С этого мгновения налагаю на тебя запрет. Не произноси «не знаю». Услышу еще хоть раз...

Сим вздохнул и не стал пояснять. Запрокинул голову, сощурился на раннее румяное солнышко. Поднес свирель к губам – и над степью полетела мелодия, легкая как жаркое марево, пронзительная как укол смертной тоски... Арина слушала молча. То и дело трогала гриву скакуна. Терла волнистые грубые волосы, пробовала их прочесать, пропустить сквозь гребень дрожащих пальцев.

С раннего утра Сим наблюдал за нежеланной, но неизбежной спутницей. Не поворачивал головы, хватало и взгляда украдкой на длинные тени. Они хорошо видны – обгоняющие отряд. Сим вел людей на северо-запад, он решил для начала удалиться от моря, города и большой

реки. Он намеревался дня через три достичь русла малого притока и там, в низине у слияния водных потоков, обдумать дальнейший путь.

Сегодня у атамана было много причин для установления тишины в отряде. Первая – Арина. Догадки по её поводу хотя бы отчасти верны, она – ведьма темной силы или одурманенная «куколка», и потому не стоит приучать слух людей к её голосу. Есть угроза того, что голос – оружие.

Ну и, конечно, вторая причина, главная: друг Эт. Несомненно, именно он – цель невнятного, но неизбежного в будущем бедствия. И потому болит душа. Малыш Дэни, младший названный брат... Они дали друг другу слово и смешали кровь задолго до дня, когда Сима и многих иных детей привели к пещере над озером Хиль. То особенное место зовется «ущельем выбора». Будущий атаман не ощутил пристального взгляда, приглашения войти, не увидел путеводного света. Все это подробно и многократно описывали до похода старшие со слов иных, кто прежде был призван в пещеру и сделал свой выбор.

Сим в тот день очень гордился другом: пятилетний Дэни оказался самым младшим среди избранных. А Сим, как старший брат, в свои семь сдержанно и по-взрослому проводил Дэни и дал ему слово: встретить у пещеры, сколько бы ни пришлось ждать. Сим честно ждал год, и еще, и еще... Каждую весну ехал с отцом и его людьми к пещере, хотя детям путь через обледенелую степь заказан. Но Сим полагал себя безусловно правым, и хуже: обязанным другу в данном однажды слове. И значит, он ушел бы к пещере пешком, в одиночку, в буран...

Атаман усмехнулся, вспомнив себя – десятилетнего. Ростом и худобой он походил на нынешнюю Арину. Но прочее... Он знал всё об охоте, готовке, чистке оружия, установке шатров. Кожу покрывали ссадины и укусы, которые не успевали зарастать и иногда делались сплошной мокнущей коростой. Скакуны своевольны, чужих не жалуют, а чужой им кто угодно, кроме хозяина. И зима... Щеки и нос прихватывало морозом, ногти слоились и вовсе слезали. Иногда Сим не спал всю ночь: мышцы сводило судорогой невыносимой усталости... Приходилось прикусывать войлок, чтобы смолчать. Его никто не жалел, не щадил. Он скорее умер бы, чем допустил самую возможность подобной мысли у отца и его людей. Жалкие живут в чужой воле. Они всегда за спиной сильных, их голос слаб. Они, если и пробуют кем-то управлять, то исподволь, хитростью... Степь таких не ценит и не помнит. Степь груба и яростно, безмерно жестока. Степь уважает лишь тех, кто умеет принять вызов.

Жаркой ранней весной друг вышел из пещеры. Сим знал: Дэни как раз в зиму исполнилось восемь, и он ждал восьмилетнего ребенка. Мама Дэни была северянка, отец – южный горец, мальчик пошел в отца, он рос гибким, смуглым. Черные, как сажа, волнистые волосы плотнее войлока, угольки глаз с бешеной лисьей хитринкой...

Сим не узнал юношу, явившегося из тени пещеры. Подросток лет семнадцати замер у границы тени, он покачивался, смотрел сквозь людей и щупал бледными длинными пальцами каменный свод над головой. Сим заглянул за спину нового Эта, почти такого, как все подобные ему. Он ждал Дэни, подростка – но узнаваемого! Увы, пришлось поверить отцу. Именно чужак и есть побратим... Хотя он ужасающе худ и пронзительно светлоглаз, а его волосы утратили кудрявость, выцвели.

Эт выглядел почти взрослым... и таков же остался теперь, спустя двадцать лет. Время в пещере – об этом говорили многие – двигалось иначе. И, даже покинув пещеру, Эт пребывал в стороне от главного течения времени.

Но худшее случилось позже. Когда время вовсе остановилось...

Все в степи знают: никто не сравнится в силе и даре с сыном дикого поля. Он, покинув пещеру, внешне выглядит человеком, пусть и странным... но внутри делается иным. В песнях у костра о детях дикого поля сказано: «Знают небо и бездну, но не чувствуют земли». Такова плата за огромный дар. Разум в пещере засыпает, чтобы душа смогла пробудиться. Вся, в её ярчайшем свете и чернейшей тьме... Сердце делается чувствительно к боли людей, таков свет Эта.

Ярость и сила зверя – его тьма... То и другое содержится во всяком сыне дикого поля. Жизнь Эта – путь по волосу над бездной. Прежним ребенком людей ему уже не стать, а вот озвереть, увы, проще простого.

Всякий сын дикого поля, выйдя из пещеры, плохо помнит себя и нуждается в опоре... особенной, внутренней. Для бывшего Дэни опорой осталась его семья. Он улыбался в родном селении. Он не называл имен и не участвовал в делах, но оставался рядом, впитывал ощущения. Ему были важны родные. Вечно занятая пряжей и шитьем мама, больной и рано постаревший отец, подслеповатая бабушка-травница и еще, по-особенному нежно – малышка сестра. Ну и еще, изредка – друг Сим.

Десять лет назад зима выдалась страшная. Кажется, все напасти степи явились разом. Ледяные дожди и сразу следом бураны, орды диких скакунов, взбесившиеся буй-быки, ядовитые ледяные блохи, стаи оголодавших хищников... Эт вымотался, пытаюсь помочь всем и успеть везде. Он уже стал самым сильным из себе подобных, хотя еще не научился *«переступать»* – сразу оказываться там, где грянула беда. Он болел душой за людей...

Лишь весной Эт смог выбраться домой. Накопленная усталость согнула его спину, а странная для окружающих, вроде бы беспричинная тревога лишила сна, обескровила...

Сим ехал с другом и видел: Эт отчаянно нуждается в домашнем тепле, чтобы отогреть душу. Но именно тогда свет для друга погас, и весна для него не расцвела... уже никогда.

Атаман помнил тот день. Худший в жизни. С холма он увидел шатры, и сразу стало жутко: ни намек на движение, ни запаха хлеба, ни вздоха скотины, ни лая псов... Сим споткнулся и замер. А друг шагал по тропинке так же мерно, упрямо. Эт смотрел себе под ноги, волосы закрывали его лицо... и все равно Эт знал, давно знал! Сим догнал друга, окликнул, заглянул в лицо, отведя волосы. Эт был скованный в движениях, его мотало из стороны в сторону. Он закрывал глаза, снова открывал их – слепые от горя... Он словно убеждал себя, что спит и видит кошмар, что вот-вот очнется. Но худшее намертво впечаталось в явь.

Эт остановился в двух шагах от родного шатра. Развернулся на пятках, выпрямился и посмотрел сквозь Сима.

– Хиль... Не могу жить... совсем не могу... пусто, – шепнул он.

Сим помнил свое немое отчаяние. Друг только-только начал приживаться в мире, он учился общаться, улыбался и говорил... Он узнавал людей и кивал им, здороваясь.

В тот день глаза Эта сделались прозрачны и бездонны, как озеро Хиль. Он ушел прочь из селения. Его пытались окликнуть, остановить... Эт впервые буркнул вместо ответа: «На охоту»... и пропал на долгих три дня. Не пожелал видеть мертвых и участвовать в погребении, хотя – Сим ощущал душой – Эт все три дня сидел на холме поодаль.

Завершив скорбные дела, Сим нашёл друга. По его отрешенности понял: звать к общему кургану рода не стоит, говорить о поминовении тоже. Эт не просто так отвернулся и покинул вымершее поселение. Он не щадил себя, не избегал боли. Три дня Эт исполнял долг перед семьёй, как понимал его. Он обладал даром и потому умирал снова и снова, вместе с каждым в селении. Умирал, брел невозвратной тропой, провожал и утешал, помогал не сбиться с пути, прощался. Он знал о гибели родных много, если не всё. Знал и не мог исправить, впервые познав бессилие... Он, почти всемогущий, спасший в зиму многие жизни – опоздал.

– Не твоя вина, – попытался утешить Сим. Сразу понял, что бесполезно и добавил: – Если уйдёшь, кто найдет врага, кто накажет? Не то? Нет... Дэни, кто помешает злу вот так сжечь ещё чей-то дом? Дэни, ради сестры...

Эт не слушал и не слышал, он всматривался в нездешнее, ощущал холод и покой вод Хиль. Но, после упоминания о сестре, закрыл глаза. Сжался, спрятал лицо... а чуть позже отвернулся от гор. Он остался в степи, хотя снова и снова порывался уйти в пещеру. В первый год он вряд ли спал и, кажется, не ел. Он не слушал собеседников, не кивал в ответ...

Осиротевшего Эта убеждал жить отчий атаман, самый опытный в степи того времени. Его просили старейшины и шатровые, уговаривали люди, которым он помог... С ним сидел и молчал, разделяя боль, Старик – тот, кто прежде звался Этом и умел понять. Только Сим не смел утешать, помня мёртвые, прозрачные глаза друга.

С тех пор минуло десять лет. Многое переменилось. Отец Сима ушел на север, поклонился чёрным лесникам и сказал: хочу отдать долг. Вскорости он, старший из отчих атаманов объявил, что походы более не греют его душу, и стал присматривать вожаков из молодых, чтобы затем показать их старикам в поселениях, шатровым, людям боя. Весной состоялся выбор, какой-то скучный – без споров, без испытания. Сима приняли сразу, его и так давно знали и уважали. Вдобавок Ганс замолвил слово. Прокричал во всю глотку! «Рубачу в спину глядеть – самое то». Так Сим получил свое прозвище.

К осени всё окончательно разрешилось, скакун Сима сделался передовым в любом походе, и спина его постепенно привыкла ко взглядам. Время потекло своим руслом, где-то широким, а где-то опасно порожистым... Беда вымершего селения казалось прошлой, о ней почти забыли. Годы сыпались сухим песком, невесомые, неосязаемые для Эта...

Но вдруг зашуршало по степи: в город Самах доставлен клинок. На ножнах оттиск клейма вымершего селения.

Еще только направляясь к стенам Самаха, атаман ждал беды и... тайком радовался, наблюдая за поведением друга. Эт часто появлялся на стоянках, а порой целыми днями ехал рядом, забравшись в седло выделенного ему скакуна и покачиваясь, будто во сне... Значит, расслышал новость, принял близко к сердцу. Значит, еще не исчерпал память и боль, еще слышит в душе отголоски человеческого прошлого.

Когда пропавший клинок вынесла девочка, Сим ощутил общую настороженность красных муравьёв, готовую вскипеть гневом и пролиться кровавым дождем. Все люди степи уже почти видели, как он, атаман, зарубит ребенка... Он же Рубач, ему не впервой решать то, что иным трудно.

Чего стоило людям не оспорить иного: Сим положил руку на плечо отродья и повел её... в шатер! К Старика, к его рунному столу.

А какими взглядами Сима провожали в поход! Похороны, да и только. Чудо, что никто не расплакался. Вроде взрослые, всякое повидали... Первый раз Сим слышал, как за спиной шепотом упрекают Эта. Сын дикого поля всё для себя решил. Он однажды уйдет в пещеру, это неизбежно! Он давно не принадлежит к роду людскому, зачем из-за него атаман играет со смертью?

Зачем его, почти озверевшего, упрямый Сим называет другом?

– Выбеги или перехожие? Не разберу... – вслух подумал ближний.

Сим встряхнулся, прогнал смутные мысли. Убрал за пазуху свирель, которую, оказываясь, давно крутил в пальцах.

«Выбегами» в степи принято называть тех, кто решается покинуть кочевье, чтобы в одиночку или малой группой выжить, постепенно понимая и принимая и силу степи, и свою силу. «Перехожие» – совсем иной случай. Если у шатрового какого-нибудь кочевья засядет в голове вопрос, нерешаемый никем из ближних и гложущий злее ведьминога волоса, влезшего под кожу, если нет излечения от вопроса, кроме самого крайнего – тогда к крайнему и обращаются. Потому что еще одно прозвище любого отчего атамана – Крайний, тот, кто стоит на краю мира людей. После слова Крайнего нельзя ничего отменить и перерешить.

Сим быстрым взглядом оценил темную на фоне неба группу верховых, которые как раз миновали гребень пологого холма на кромке горизонта, пока что очень далеко. Мелкие, словно они и впрямь муравьи. Ни пик с лентами, ни бубенчиков в гривах скакунов... Но душа атамана отозвалась на внимание, уловила натяжение струны, пока слишком похожей на паутинку, слишком тонкой, чтобы её заметить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.